

В ПОИСКАХ ГРАДА ТМУТАРАКАНИ

И приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано... Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют.

Евангелие от Матфея, (13,10-12)

Да раскрою в притчах загадки мои...

Моление Даниила Заточника

Ничто вроде бы не предвещало нам новых бед, такого быстрого и страшного крушения и разрушения кое-как успокоившейся, кое-как устоявшейся жизни, ее падения, нового ее запустения и варваризации, лишения тех малых надежд, коими от века живет неприхотливая человеческая душа. Никакого подземного гула, никакого знамения змиевого - звезды кровавой и хвостатой на небосводе. Но все вдруг стало распадаться, рассыпаться изнутри, кажется, совершенно беспричинно, теряя свои исконные, казалось, незыблемые связи. Жизнь стала стремительно упрощаться, теряя свою цельность и смысл. Земля заколебалась под ногами, словно оказались мы на какой-то болотной зыби. Рушится ли то мироздание или как-то обновляется по своим извечным законам неизбежно и неотвратно? Но что единичной, неповторимой душе до всего мироздания, если она попадает в неволю, если она теряется и блуждает в этом беспредельном холодном пространстве... Как ей примириться с тем, что столь короткое земное бытие человеческое, оказывается длиннее каких-то иных дум и вер, в результате которых она успевает расцвести и даже дожить до ощущения своей заброшенности и ненужности.

Но духовное бытие, и без того кратковременное, оказалось действительно короче жизни физической. Она еще длится, а оно ускользает, истаивает, потому что меня, как и многих, пытаются лишить высокого смысла жизни. А тварная, плотская, что значит она для человека...

У меня обещали отобрать ненужное - плохую идеологию, ни знатоком, ни приверженцем которой я и не был. И вот отобрали. Но что же тогда так больно, так одиноко и бесприютно без этого ненужного? Наверное, заодно отобрали и самое необходимое, самое драгоценное... Меня обещали освободить от оков сердца моего. Но что же теперь мое сердце так сковано? Меня обещали освободить из тюрьмы духа. Но теперь я более чем когда-либо пребываю в неволе, бездуховной тюрьме, стены которой невидимы и неосязаемы, а потому для многих она и кажется свободой.

Но тот, кто дарует свободу декретами и указами, просто отбирает ту меру внутренней, духовной свободы, которую человек имел. Это даже не всегда хитрость и не злой умысел, хотя без них и не обходится, а всеобщий закон бытия, ибо обретение свободы есть весь трудный и мучительный путь человеческой жизни, где человека постоянно подстерегают соблазны, где так часто ему кажется, что он обретает свободу именно тогда, когда теряет ее: "Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничный деспотизм" (Ф.Достоевский). Потому, видно, русская литература и признана великой, что постигает этот тайный путь обретения духовной свободы. Величайшее ее творение "Война и мир" Л.Толстого словами об этом и заканчивается. Уже изложив истории своих героев, высказав свои заветные мысли, писатель вдруг несколько назидательно и вроде бы даже неуместно заканчивает эпопею словами о свободе, словно именно для того, чтобы мы их хорошенько запомнили, так как это постоянно воспроизводящееся духовное положение: "Необходимо отказаться от несуществующей свободы и признать неоощуаемую нами зависимость"...

Я еще не заточник, но разве это столь важно, когда уже заточена моя душа... Что моя внешняя, формальная свобода, пред действительной свободой - тайной? И тогда, поняв, что дни мои прошли, и думы - достояние сердца моего - разбиты, я стал писать эти строки, ибо все-таки "человек полагает предел тьме" (Кн. Иова).

Не стану посылать написанное ни князю-президенту, ни наместнику-губернатору, ни какому иному всесильному чиновнику, как беспокойный Даниил Заточник, ибо те, от кого зависит жизнь моя, глухи и слепы, эгоистичны, расчетливы и самодовольны, а остальным слова мои понадобятся лишь тогда, когда они тоже окажутся в такой же неволе, и если захотят, найдут в себе силы вырваться из нее. А потому пишу, спасаясь от лица духовной бедности своей...

Когда земля колеблется под ногами, когда горит и рушится родной дом, дом души, спасают в первую очередь самое дорогое, самое драгоценное, самое необходимое. Когда жизнь поворачивается столь круто и непредсказуемо, погружаясь в хаос и становится виден близкий конец ее, человек, естественно, порывается сделать самое нужное, по его разумению, самое главное, самое важное, без чего жизнь его оказалась бы напрасной. Но что надо делать, зная, что тебе, возможно, отпущен малый срок в это наступившее "малое время", что надо спасать, что выносить в первую очередь из разрушающегося дома? Кто знает...

Охваченный каким-то невнятным внутренним беспокойством, ввиду надвигающейся беспощадной, слепой, непонятной стихии, все пожирающей на своем пути, я обнаружил, сколь скудны и жалки мои пожитки. Не будь этой бури, я, возможно, так и не узнал бы об этом никогда... Спасать оказалось, собственно, нечего... Семейных святынь, ввиду постоянной порушенности казачьей жизни в поколениях, не сохранилось. В доме моем оказалась лишь одна действительная для меня драгоценность - маленькая книжца, единственная из всей сумбурно и беспорядочно собранной библиотеки, которую я и беру с собой, как опору душе своей, в этот вдруг открывшийся неведомый путь. Я-то, наивный, полагал, что я спасаю ее. Но она уже терялась и не затерялась, в огне горела и не сгорела. Она уже спасена. Не я спасал ее, но спасался с нею сам, спасался ею...

Эта маленькая книжечка - древнерусская поэма "Слово о полку Игореве...". Оказалось, что она всплывала откуда-то, из каких-то туманных далей и неведомых времен, становилась особенно дорогой, необходимой и понятной всякий раз, когда в России затевалась, заваривалась очередная смута. Именно смута, крамола, а не вооруженное иноземное нашествие. Ведь в древнерусской поэме рассказывается не столько собственно о военном столкновении, во всяком случае, не оно составляет ее основное содержание, сколько представляется столкновение идей, мировоззрений и вер. Именно потому так остро она и вспоминается в такие периоды, что с большей внятностью, чем новые слова, говорит о сути происходившего и происходящего. Может быть, именно в такие периоды "Слово" и становится понятным, открывается своим исконным смыслом, тем, который был недостижим во времена относительного благополучия и спокойствия.

Среди новой немилосердной смуты я стал перечитывать "Слово" со слабой и робкой надеждой понять, уяснить, что же происходит с человеком в его земной жизни, что же происходит теперь в России, и этим, может быть, укрепить изверившуюся и расстроившуюся душу.

Видно, надо было оказаться в этой беспросветной духовной неволе, чтобы наконец-то заметить, что в "Слове" говорится не о том, чему нас настойчиво учили толкователи этой уникальной поэмы с точки зрения исторической. Бог им судья. Не хочется думать, что делали они это из какого-то умысла, но заблуждаясь вполне искренне, не ведая о существовании души своей.

Что теперь мне до поэмы и ее героев? Но ведь то, что происходило с ними восемь веков назад, происходит теперь и с нами, с каждой живой душой, приходящей в этот мир и

пытающейся постичь свое предназначение. Потому что в области духа неприемлема и губительна та жесткая хронология, арифметика, геометрия, когда последнее по времени почитается более совершенным, предшествующее более простым, когда "постижение" последующего происходит не иначе как через отрицание предшествующего, то есть вне духовной преемственности.

Мир зашатался, и обострился слух, глаз стал зорче, душа чутче. Видно, действительно, мы начинаем ценить в полной мере все лишь тогда, когда его теряем. Открылось то, на что ранее не обращал внимания и чего, вполне возможно, так никогда и не заметил бы.

Я стал всматриваться в свой родной край, где таится, периодически всплывая по каким-то неведомым законам из тьмы веков туманная Тмутаракань. И с ужасом осознал, что она, земля родная, остается для меня по сути неведомой, как и встарь, землей неизвестной... Как же я, наивный, пытался понять самого себя, разгадать свой малый путь и, тем самым сковать для своей души броню, если не понял, не постиг той земли, которая даровала мне жизнь - ее судьбы и ее пути...

Но у нас и очевидные, вещные приметы и подробности жизни так часто толкуются превратно. А общие закономерности, духовные пути личного и народного бытия хитрой наукой и лукавой пропагандой представлялись да и представляются нередко противоположно их действительной сути...

Может показаться, что наше нынешнее обращение к древнерусской поэме "Слово о полку Игореве" несколько несвоевременно, что это - уход от забот современной вздыбленной и разворошенной жизни, бессилие ее понять и объяснить. Можно даже добавить прямо-таки сакраментальное, но абсолютно беспредметное и внелитературное, столь часто всплывающее в нашей околелитературной жизни: до литературы ли в то время, когда... Но так может показаться лишь извращенному "цивилизацией", бездуховному взгляду, почитающему литературу лишь силой служебной, лишь средством в делах якобы более важных, чем она сама - идеологических, политических, материальных. Но у литературы нет иной заботы, кроме как о душе человеческой. И всякое сведение ее к проблемам социальным, всякое предпочтение "самой жизни" якобы лукавой литературе с ее вымыслом, всякое сведение ее смысла лишь к призыву, воззванию, прокламации есть ничем не оправданное ее умаление, подмена, вытеснение ее из человеческого мира, в конечном итоге есть покушение на человеческую душу.

Художественная литература, тем более у нас в России, представляет собой как бы единый живой организм, проходящий через века, где все взаимосвязано и взаимообусловлено, где нетерпимы произвол и духовная, точнее бездуховная агрессия. И если художник верен ее природе, он верен и правде жизни своего времени (но не наоборот), хотя над ним и довлеет постоянно соблазн ухватить эту "правду" наипростейшим способом. Но, как давно сказано, "Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими". (Евангелие от Матфея, 7-13).

"Слово о полку Игореве" в великой русской литературе - произведение ни с чем не сравнимое. Это такое творение духа, которое не просто помнится, но, несмотря на свою, более чем восьмисотлетнюю давность, продолжает жить по каким-то таинственным законам духовной преемственности. Его внешняя непохожесть на другие памятники письменности объяснима вроде бы невероятной для своего времени художественной силой и духовной мощью. "Слово" не имеет ничего общего ни с летописями, ни с другими памятниками письменности того времени; оно как будто вышло из совершенно другой

среды жизни, с другими воззрениями и преданиями, нежели та сфера, где велись летописи, писались поучения и жития" (А.Майков). Это и доказывает, что толковать его, основываясь на каких-то иных, внелитературных и внедуховных закономерностях, бессмысленно. Впрочем, сила человеческого духа, выражаемая в слове, не находится в прямой зависимости от прогресса, под которым понимается не степень совершенства человека, а уровень технических приспособлений, с помощью которых он облегчает и устраивает себе жизнь. От этого сила духа не зависит.

Отсвет бессмертного "Слова", так или иначе, ложится на всю русскую литературу. Поэма, вобравшая в себя предшествующую культуру, как бы указала пути нашего духовного бытия. В поэме не просто представлен огромный географический и временной охват, но дана, как сказали бы сегодня, концепция духовного бытия Русской земли. То есть, это поэма о самом важном, что происходит с человеком в его земной жизни, с народом, к которому он принадлежит. А потому, русский писатель, каков бы масштаб дарования его ни был, если он верен ему, не может не помнить не сознанием даже, а каким-то внутренним чутьем о том, что у нас в начале было "Слово".

Принято считать, что "Слово о полку Игореве" ценно прежде всего своим прямым публицистическим призывом к единению русских княжеств перед угрожающей им извне опасностью. Но об этом с не меньшей страстностью говорится и в других памятниках письменности. "Слово" же ценно тем, что являет не механическое, ненадежное соединение княжеств в единое государство, но их духовное родство. Из "Слова" мы многое узнаем о той эпохе, в которую оно создавалось. Но не этим только оно драгоценно и необходимо нам. Это мы можем узнать и иным путем. "Слово" же дает нам то, чего мы нигде, кроме него, взять не можем. Оно являет нам то, как живет, как удерживается в духовных пределах человек в "невеселую годину" среди слепых, малопонятных стихий этого мира. Автор дает универсальную, ясную на все времена формулу "крамолы", того, при каких условиях и в силу каких причин нарушается система человеческих ценностей - когда "начаша князи про малое "се великое" молвити" и тем самым ковать на себя "крамолу". Это поэма о том, как живет, как погибает в безверии и как спасается в вере человеческая душа. Этим она, главным образом, нам необходима.

Перечитывая "Слово о полку Игореве", мы убеждаемся в том, что основная беда, подстерегающая человечество, кроется в крушении человеческой личности. Все остальное - уже следствие этого - катастрофы ядерные, экологические и всякие другие. Ведь они - дело ума и рук человеческих...

"Слово" обладает удивительной способностью становиться особенно дорогим и необходимым, открываясь своим основным смыслом во времена смут, в периоды духовной нетвердости и мировоззренческой прострации, когда торжествуют силы зла и человеческой душе становится неуютно на земле, когда обостряется брань духовная. В этой небольшой поэме человек обретает духовную опору, черпает мировоззренческую уверенность, находит ответы на вечные вопросы своего бытия.

Это поэма не столько о том, что и как было в прошлом, но о том, как обыкновенно бывает на свете во все времена народной судьбы.

К сожалению, представление о русской литературе вообще и о "Слове" в особенности, искажается последовательно и целенаправленно, сознательно и по убеждению. Можно даже говорить о покушении на русскую литературу от "Слова" до "Тихого Дона", что является отражением и следствием покушения на русский народный дух. Ясна и природа этого покушения. Это проявление той экспансии, которую испытывала и испытывает на

себе Россия в силу своей судьбы. Ведь именно с духовного подчинения начинается всякое иное. Речь идет вовсе не о "заговорах", к которым непременно и постоянно прибегают лукавые и утратившие человеческую природу, люди, дабы сокрыть ту брань духовную, которая сопровождает род человеческий во всю его историю. Речь о разных миропредставлениях и понимании природы человека, из которых следуют два возможных пути - или обходить препятствия, неизбежные в человеческой жизни, или преодолевать, претерпевать их силой духа. Первому учат социальные учения, все без исключения - и коммунистические, и демократические. Второму учит вера и культура.

Несмотря на несомненные успехи в изучении древнерусской культуры в советский период истории, понимание "Слова" свелось по сути лишь к исторической стороне дела, зачастую лишь к истории самого похода, реально-бытовой, а не духовной стороне памятника, что несоизмеримо с тем, что в поэме действительно воплощено.

Теперь, в период нового нашествия на Россию, в период ее нового дробления и новой междоусобицы, умело смоделированной с помощью идеологических фетишей, предстоит новое прочтение "Слова", прочтение именно как величайшего памятника художественной мысли, как проявление духа человеческого огромной мощи, а не пособия и дополнения к исторической науке.

И хотя это памятник сугубо светский, в нем многое остается просто непонятным с позиций атеистических. Мы находим в нем совсем не то, что в нем на самом деле изображено. А потому предстоит его перечитывание с точки зрения христианского миропонимания. Потому-то наше нынешнее обращение к "Слову о полку Игореве" не есть обращение лишь к истории, прошлому, но попытка обратиться к духовной природе человека вообще.

Сведение духовного значения, смысла и глубины "Слова" лишь к исторической фактологии неоправданно, неправомерно и само по себе, и потому, что, скажу словами митрополита Иоанна, "промыслительный смысл человеческого предназначения вовсе стерся в "прогрессивных" умах наших ученых мужей, потому, что современная историческая литература - особенно ее "серьезная", академическая часть - поражает непредвзятого читателя странным сочетанием фактологической полноты, тщательности и кропотливости с удивительным "мировоззренческим инфантилизмом". К сожалению, это абсолютно справедливо и в отношении изучения "Слова о полку Игореве" и особенно в советский период истории, когда человеческий подход к творению духа стал почти полностью исключен. "Слово о полку Игореве" невозможно понять вне своеобразия и уникальности русской истории, вне того Божеского служения, которое волей судьбы выпало на наш народ. И это вовсе не ядовитая идея избранничества, которая, как известно, пребывает в иных мировоззренческих и этнических координатах.

К сожалению, вульгарный социологизм, как следствие атеизма и бездуховного миропонимания, в наше время набрал столь большую силу, что всякая попытка толковать памятник художественной мысли именно как произведение художественное, то есть по его исконным законам, получала тут же самый беспощадный отпор. В качестве примера сошлюсь на одну ситуацию. В статье "Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником?" Л.Гумилев в свое время говорил о вещах вполне естественных, а для понимания произведения художественного, единственно возможных: "Вымысел - не ложь, а литературный прием, позволяющий автору довести до читателя ту мысль, ради которой он предпринял свой труд, всегда тяжкий. И тут даже при наличии большого количества упоминаний исторических фактов, последние являются лишь фоном для сюжета, а использование их - литературным приемом, причем точность или полнота

изложения не только не обязательны, но просто не нужны. Значит ли это, что мы не должны использовать сведения, заключенные в древней литературе для пополнения истории? Ни в коем случае!" Только и сказал ученый о том, что образная сторона памятника гораздо сложнее и значимей стороны фактической, потому что природа человеческая удивительно устойчива. Но ему тут же возразили: "К этой проблеме нельзя подходить, не учитывая временных особенностей литературы". (Л.Дмитриев "Русская литература" №1, 1972 г.). Как очевидно, возражение строится на убеждении, что искусство - нечто вроде украшения, (пейзаж, детали, прототипы), нечто вспомогательное для иллюстрации каких-то идей, а не то основное, через что единственно и постигается духовная суть происходящего. Как видим, это не то, что было в трудах дореволюционных исследователей: "При чтении и художественной его оценке не следует забывать, что автор является в нем не как историк, а как художник - поэт" (Е.Барсов).

Для понимания "Слова" как памятника художественного, важно не только проникнуть в ту историческую эпоху, в которую оно создавалось, с ее конкретными понятиями и представлениями, но и не упускать из виду духовную природу человека, остающуюся по сути неизменной. Это только бедным людям, заблудившимся в этом мире - социалистам, коммунистам да демократам кажется, что каждая эпоха рождает свой "тип" человека...

Смысл и значение русской литературы они постоянно выводят то из истории, то из социальной жизни, а то и просто из свирепой идеологии и политики. В то время, как их следует выводить из души человеческой, из духовной природы человека.

Просто поражает с каким упорством и неистовостью в "Слове о полку Игореве" все еще продолжают выискивать лишь социальный смысл, классовый подход, то, говоря словами С.Джамбинова, "марксистское косоглазие", которое "просто не охватывает, не захватывает и даже не чувствует девяти десятых бытия" ("Новый мир", №9, 1992 г.). Как особенно драгоценное тут вычленяется его обличительность и публицистичность и то, что поэма является якобы "политическим памфлетом". Из всех глубин и невероятных красот этой чудной, загадочной поэмы замечено только внешнее, самое необязательное, высокий смысл увиден лишь в прокламации, как якобы более драгоценной пред той мощью человеческого духа, которая в поэме проявлена...

По сути, вся двухсотлетняя история изучения "Слова" из области духовной, где только и можно распознать истинный его смысл, переведена в область социальную, тоже важную, но по самой природе своей бессильную исчерпать смысл изображенного и постигнутого в древнерусской поэме. Да что говорить о творении художественном, если у нас во многих степени искажено представление даже об истории. Справедливо пишет И.Я.Фроянов, что "одностороннее освещение получили причины народных движений как преимущественно экономические, материальные, тогда как поведение людей в огромной степени детерминировано факторами, находящимися в сфере политики, культуры, религиозных представлений, нравов и обычаев, всего того, что принято сейчас называть менталитетом" ("Древняя Русь", М-СПб, "Златоуст", 1995).

По всем приметам, этот период изучения "Слова", который можно условно назвать с о ц и а л ь н ы м и л и и с т о р и ч е с к и м, завершился. Об этом в определенной мере свидетельствует и издание пятитомной "Энциклопедии "Слова о полку Игореве", подготовленной Институтом русской литературы (Пушкинским Домом), издание, как сказано в аннотации, "подводящее итог двухвекового изучения и художественного освоения "Слова о полку Игореве" (СПб, 1995 г.).

Смею утверждать, что как памятник духовный, как творение художественное, "Слово о полку Игореве" и по сей день остается в определенной мере непрочитанным и непонятым. И это объясняется не какими-то досадными недоразумениями или недосмотром, не ленью или нелюбопытством, но, скажу так, специфическим, вульгарно-социологическим пониманием литературы. Толкование "Слова" остается как бы в стороне от основных духовно-религиозных и мировоззренческих проблем, постоянно сотрясавших и сотрясающих Русь и Россию, и которые были постигнуты уже в "Слове о Законе и Благодати" Илариона, за сто пятьдесят лет до создания поэмы. У человека ведь нет более значительного события в его жизни, чем потеря им веры или обретение ее. Все остальное, что ни случается с ним в его земном бытии, определяется этим. Войны, революции и смуты - не причины, а уже следствия духовной прострации человека, неизбежные следствия скопившегося в его душе зла.

Потому теперь и вспоминается "Слово о полку Игореве", потому оно теперь столь понятно и близко нам, что в нем постигнута все та же духовно-нравственная трагедия, что и восемь веков назад.

Мы ведь не можем сказать, что за прошедшие века природа человеческая как-то существенно изменилась, несмотря на все свидетельства прогресса. Тем более не можем сказать, что изменилась она в лучшую сторону. Скорее наоборот. И это доказывается тем, что такие всплески духа, какие были в прошлом и, проявляющиеся прежде всего в литературе, теперь просто немыслимы. А это значит, что прогресс в его нынешнем понимании не может быть целью человеческого бытия. Он всегда остается лишь средством жизни, какое бы место в человеческом сознании он не занимал. Но, к сожалению, по какому-то попущению или по причине несовершенства человека, прогресс все еще почитается целью существования, что само по себе искажает картину мира до неузнаваемости.

Но жизнь человеческая, по сути, мало изменяется. Люди, как и встарь, гибнут в безверии, сжигают себя в гордыне и эгоизме, спасаются в вере и смирении. Разве теперь человека меньше искушают соблазны мира сего, разве и теперь он не приносит душу свою в жертву подчас ничего не значащим "ценностям"... Разве теперь, как и всегда, без духовной крепости, все выдуманное им, не служит ему не во благо, а во зло, ибо используется в войнах для его же уничтожения? Разве и теперь, как и всегда, люди не радуют о земном или о небесном, разве не входят в погибель "широкими" вратами и не спасаются "тесными"... Разве все так же они не умирают еще при жизни, гася в себе священный огонь веры, и не воскресают исполненные духовной крепости и силы... Разве не приносят в жертву земному небесное, так и не свершив своего земного подвига...

Кто вопреки природе человека загоняет его в политическое или идеологическое стойло, в "мировую революцию" или в "мировую цивилизацию", что одно и то же, кто вполне серьезно полагает, что жизнь человеческая определяется лишь "экономикой", тот искажает картину человеческого бытия на противоположную. Именно в те периоды, когда человеку, как существу духовному, будет грозить наибольшая опасность, он посчитает, что "границы духовной жизни расширяются" (Н.Рерих). Ему никак не понять, почему "Жизнь человека не зависит от изобилия его имени" (Евангелие от Матфея, 5,22).

Речь вовсе не о противлении прогрессу. Никто ведь сегодня из убеждений в лаптях не ходит и в пещерах не живет. Речь об искажении картины человеческого бытия, о том, что здесь идет глухая, труднообъяснимая, но беспощадная борьба не между плохой и хорошей идеологией или религией, но между живым духом человеческим и тем, что на него непрестанно покушается, между Законом и Благодатью, и что это - брань духовная.

Безвестный автор "Слова" горько жалуется на свою участь певца, противопоставляя себя предшественнику Бояну. И, как думается, вовсе не потому, что время потребовало от него каких-то новых средств выразительности, овладеть которыми трудно. Скорее всего потому, и, как увидим, это следует из текста поэмы, что наступили такие апокалипсические времена, связанные не только и не столько с внешним военным нашествием, когда оставаться в пределах своей человеческой природы становится все труднее: "И голоса играющих на гусях и поющих, и играющих на свирелях и трубящих трубами в тебе уже не слышно будет; не будет уже в тебе никакого художника, никакого художества, и шума от жерновов не слышно уже будет в тебе" ("Откровение святого Иоанна Богослова" 18, 22). А такие времена приходят тогда, когда город крепкий, "великая блудница сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу", тогда, когда всякая плоть извращает путь свой на земле. Ведь художество, в конечном счете, и есть одна из форм осознания человеком себя в этом мире, способ сопротивления злу, форма участия в той брани духовной, которая сопровождает человека во всю его земную жизнь...

Как не думать об этих печальных словах Апокалипсиса сегодня, когда художественная литература упраздняется. Разве нынешнее "демократическое" устранение литературы из российской жизни имеет не эту, а какую-то иную природу? Нет, конечно. Это все то же молчание жерновов и художества...

Тмутаракань - это причудливое слово, невнятное название, неведомое имя проросло сквозь века, словно устойчивый ко всяким невзгодам, потрепанный ветрами, но выстоявший непогоду татарник. Непривычно щекочет оно теперь горло, вспугивая слух. Словно что-то протарахтело в степной дали и смолкло на веки вечные - Тму-та-ра-кань!..

Как убереглось оно на перепутьях времен, что пощадило его среди множества других слов, канувших безвозвратно? Зачем донесено оно к нам - на удивление или на утеху? Не знаю. О чем поведает, о чем расскажет оно теперь нам? Но если его не смыла река времен, если не унесли его злые степные, вселенские ветры, постоянно шарившие над родными просторами, значит есть в нем какой-то потаенный, высокий, а, может быть, и зловещий, не сразу доступный и различимый смысл. Иначе зачем же трудилась тогда история, оберегая и сохраняя его...

Уже давно вроде бы объясненное этимологами и филологами, слово это, тем не менее оставаясь неясным, притягивает к себе какой-то таинственностью и загадочностью, как влечет нас и страна, град, им названные. Вроде бы все давно уже ясно, вот он - Самкерц, Таматарха, Тмутаракань, Тамань - поселение, град, станица. Броди по ее пыльным

улочкам, восхищаясь или печалься над безвозвратностью времени. Но это уже давно почитается меж современниками ни на что не нужной сентиментальностью, слабостью человеческой, а не признаком живой души и человеческой силы. И если их не остановит в раздумье случайно найденный каменный обломок десятивековой давности, черепок с непонятными знаками орнамента, старинное надгробие в музее с таинственным светильником, высеченным на нем, то не остановит, видимо, и слово, не в дорожной пыли затерявшееся, но в каких-то недосягаемых глубинах души и памяти. Ничто уже тогда не остановит - о слово, как о камень, даже ведь и не споткнешься...

Но и такое простое, обыденное постижение Тмутаракани не только не лишает ее таинственности, но наоборот, делает еще более загадочной. Поражает ведь не только неопределенный смысл самого слова - Тмутаракань, - но и та настойчивость, то упорство, с которыми оно пробивалось к нам сквозь века. Впервые упомянутое в летописях под 988 годом, для Руси знаменательным годом, официального принятия благодати Христовой веры, что, видимо, тоже не случайно; целый век покрасовавшись на летописных свитках, оно уходит из них неожиданно, вдруг, словно было изъято какой-то силой, как казалось, навсегда. Что случилось - пропала куда-то земля, этим словом называемая, или почему-то затаилась до поры до времени? Ничто уже вроде бы не должно было, не могло возродить его, вызвать из небытия. Но спустя почти век имя это, опять-таки совершенно неожиданно и вроде бы неуместно, всплывает в "Слове о полку Игореве". И не просто поминается наряду с другими землями неизвестными, но является одной из основных тем поэмы, становится в центре всего поэтического повествования, называется уже не только в смысле историческом, реально-бытовом, но символическом и образном - нам теперь не вполне понятном. Можно сказать, что Тмутаракань занимает в "Слове" центральное место, является, пожалуй, основной темой поэмы. Вспоминается Тмутаракань, как видно, не только потому, что неизвестный автор обращается к предшественнику своему Бояну, по всем приметам, жителю Тмутаракани, во всяком случае, имевшему какое-то особое пристрастие к ней, но потому, что она имела какое-то исключительное значение для Руси той поры, занимала какое-то особое место в мировоззрении того времени. Ведь не только в связи с Бояном она поминается, но и почему-то в связи с событиями, там давно происходившими, и, видимо, имевшими прямое отношение к тому, что происходило во времена автора, с князьями, там оказывавшимися в результате династических распрей.

Удивительна судьба Тмутаракани не только как княжества, причем, как бы не вполне реального, но и как некоего то ли несбывшегося, то ли утраченного духовного центра. В самом деле, первый поэт, известный на Руси, ставший именем нарицательным - Боян, был поэтом Тмутараканским, во всяком случае, как следует из "Слова", певцом тмутараканских князей. Уже только этот факт дает основание рассматривать Тмутаракань, прежде всего как величину духовную, а не только географическую. Но Тмутаракань сыграла удивительную роль не только в судьбах многих князей, но в истории русской святости и иноческого жития. Порой даже кажется, что там уготовлялось для Руси нечто очень важное, некий неведомый ее духовный центр наравне с Киевом. И теперь не вполне понятно, то ли он там действительно был и есть, то ли мы его не видим, не в состоянии его распознать, утратив какие-то, изначально присущие человеку свойства.

Как известно, блаженный Никон, один из основателей Киево-Печерской обители, постригавший преподобного Феодосия, великого наставника иноческого жития на Руси, дважды отправляется в Тмутаракань "для более усиленного подвига". И не просто отправляется, но поселяется там, сооружает церковь и основывает монастырь, подобный Печерскому: "Великий же Никон ушел на остров Тмутараканский, и обретши близ града незаселенное место, поселился там, безмолвствуя и служа Богу неленостно, прилагая труды к трудам и удивляя народ необычайным житием своим... Соорудил там церковь

Пресвятой Богородицы. И вот благодатию Божией, по молитвам преподобного Никона, выросло место то - возник славный монастырь, подобный монастырю Печерскому". В этом летописном сообщении уже чувствуется какое-то настойчивое сопоставление Тмутаракани с самим Киевом. Как известно, причиной ухода Никона был княжеский гнев и распри между князьями-братьями. После того как Никон совершил постриг именитого боярина Варлаама и заведующего хозяйством у князя Изяслава Ефрема, княжеского любимца, он испытал на себе гнев княжеский. Солидарные с ним святой Антоний с братией, покинул пещеры свои, намереваясь отправиться в другую область, что было, конечно, фактом беспрецедентным. И только вмешательство княгини остановило их. Но в какую область они намеревались отправиться? Этой "другой областью" и была Тмутаракань. Определенно, что в самом начале русской святости и иноческого жития Тмутаракань как бы соперничала с самим Киевом... А если принять предположение о том, что первый русский патриарх, русин по происхождению, автор "Слова о законе и благодати" Иларион и есть Никон, принявший это монашеское имя после пострижения в Киево-Печерский монастырь, то тогда тяга к Тмутаракани, как к некоему возможному центру русской святости выглядит вообще и символической, и реальной.

Столь вроде бы неожиданное возвращение Тмутаракани в "Слове о полку Игореве" так удивило и озадачило уже более поздних исследователей, что помешало понять его смысл, вплоть до сего дня.

Ясно, что упоминание Тмутаракани, как и тамошнего князя Мстислава, имело какой-то очень важный для автора поэмы смысл. Но какой именно, мы так пока и не знаем. Конечно, Тмутаракань поминается, надо думать, потому, что автор древнерусской поэмы дает историю распрей между русскими князьями после смерти Ярослава Мудрого. А поскольку князья-изгои обыкновенно скрывались в Тмутаракани, то она и поминается автором "Слова". Все логично, если бы этот и только этот смысл имела она в поэме. Но она-то упоминается, как чувствуется по строю поэмы, не только в связи с этим...

Как бы готовя читателей к такому неожиданному появлению Тмутаракани в "Слове", словно предусмотрительно накануне открытия поэмы, черноморскими казаками, обретшими здесь свое новое пристанище, свою землю обетованную, был найден в 1792 году Тмутараканский камень, содержащий такую конкретную надпись, которая уже не оставляла никаких сомнений в том, где же находилась Тмутаракань: "В лето 6576, индикта 6, Глеб князь мерил море по леду: от Тьмуроканя до Кърчева 10000 и 4000 сяжень". Надпись не только давала привязку местонахождения Тмутаракани, но и указывала расстояние от нее до Керчи. Она была столь ценною, столь конкретной, и найденной в такой период, что, казалось, нанесена на камень специально для потомков и с единственной целью - дабы они прекратили свой спор о Тмутаракани.

Уже в 1794 году тот же неутомимый А.И.Мусин-Пушкин, отыскавший "Слово о полку Игореве", издает книгу "Исследование о местоположении древнего Тмуроканьского княжества". И снова принялись с новой силой искать эту таинственную страну, неведомую, незнаемую землю.

Находка Тмутараканского камня приняла широкую огласку. Возникло даже дело о Тмутараканском камне, в котором приняла самое деятельное участие императрица Екатерина II, столь деятельное, что иным неверующим скептикам показалось даже, что находку эту она сама придумала и устроила якобы для обоснования своей внешней политики на юге России. Но, конечно, не только из каких-то хитростей политических включилась Екатерина II в переписку, отдавая распоряжения. Просто тогда в России были такие, теперь уже малопонятные времена, когда самодержцам было дело не только до

подданных и земель своих, но даже и до какого-то там камня, найденного где-то на окраине государства и еще не известно, что и значащего. И, главное, по уровню и культуре, по заинтересованности они способны были во все вникать - не только в политические перипетии и хитрости дворцовых интриг, но и в проблемы культуры... Но вскоре начались "сомнения" в подлинности камня, как и позже "сомнения" в подлинности "Слова о полку Игореве", породившие целые "научные" школы и направления.

"Сомнения" эти, как думается, начались вовсе не потому, что были для них веские основания. В конце концов, "Слово" было издано и лежало перед каждым заинтересованным исследователем, перед каждым благонамеренным читателем. И если он не начетчик, а человек образованный и чуткий, если нес в себе дух своего народа, мог судить по тексту, по языку сохранившемуся, о достоинствах этого литературного памятника. Но "сомнения" эти, как это не прискорбно, имеют иную природу и причину. Так уж повелось на Руси, - что ни появлялось тут самобытное и оригинальное, чудное и дивное, говорящее о силе духа народного, о его истории, о его своеобразии, о живой неповторимой душе, объявлялось фальшивкой, подделкой, чуть ли не недоразумением. Таких "сомнений" в истории русской жизни и культуры было столь много, и чередой их была столь последовательной, что это уже никак не может говорить об их случайности. К сожалению, именно к такому выводу можно теперь прийти, оценивая факты трезво и беспристрастно.

Все коварство таких "сомнений" познал А.И.Мусин-Пушкин. Что ни находил этот страстный собиратель и знаток, хранитель святынь - тут же объявлялось подделкой... Это доставляло ему немало горьких минут. Обвиняли образованного графа в расчетливости и корысти, а его позднее увлечение историей рассматривали лишь как желание прослыть просвещенным, выиграть в общественном мнении и расположить к себе умную императрицу, таким образом угождая ей. В наши дни такая "корысть", такое угождение, конечно, никому и в голову не могут прийти, ибо они просто невозможны. Но совершенные собирателем открытия были столь значительными и имели такое большое значение для культуры России, что сами по себе оправдывали увлеченного стариною графа - "Ярославле серебро", "Тмутороканьский камень", "Слово о полку Игореве". Такие открытия, такой их ряд из хитрости или корысти сделаны быть не могут. Однако обвинения и подозрения преследовали его всю жизнь.

Даже позже, когда многое уже прояснилось, А.И.Мусин-Пушкин жаловался в письме К.Калайдовичу на свою участь, на превратности своей судьбы: "Даже до того неблагонамеренные доходили, что покойную в Бозе опочившую мудрую Екатерину осмелились уверять, что я ее обманываю, что найденный Тмутараканский камень мною выдуман; о чем не только были споры, но и повеления даны таврическому губернатору Жегулину и профессору Палассу исследовать на месте... Вот, милостивый государь мой, сколько от невежества и зависти (вместо пособия в изысканиях) имел я неприятных препятствий! Теперь в сей истине уже не сомневаются неблагонамеренные, ибо государь император именным своим указом повелел именовать Тамань Тмутараканиею".

Потом будут "сомнения" и в подлинности "Слова о полку Игореве". И пройдет немало времени, пока подлинность "Слова" признается окончательно, станет несомненной...

Но, может быть, уже миновали эти недобрые времена? Увы, споры, скажем, об авторстве "Тихого Дона", кстати, во многом перекликающимся со "Словом", ведутся и сегодня. Ведутся и тогда, когда, наконец, найдена рукопись романа, что вроде бы и было причиной спора. Однако, набравшая обороты машина "сомнений" уже не может остановиться. Кто уверит теперь меня в том, что эти "сомнения" были результатом высокой

требовательности к творениям духа или, скажем, следствием пытливости и заинтересованности исследователей... Скорее наоборот, ибо подлинная пытливость - многообразна и доброжелательна, а не столь нигилистически линейна и агрессивна. "Сомнения" эти стали столь постоянны и целенаправленны, что ничего иного, кроме как покушения на литературу, а, значит, на дух народный за ними и различить было невозможно: "Расширив круг русских критиков, мы обнаружим посягательства на всех без исключения классиков русской литературы, причем претендующие не просто на "хирургическое" вмешательство в их художественный мир и творческую лабораторию, но подчас прямо-таки на их низвержение и уничтожение!" (И.Кондаков, "Покушение на литературу", "Вопросы литературы", выпуск II, 1992 г.).

Итак, накануне публикации поэмы, как бы предугадывая ее новое обретение, слово "Тмутаракань" снова вернулось в наш язык, а с известностью "Слова" и окончательно в нем укрепились.

Впрочем, вполне возможно, что слово это из языка и не уходило, что это было лишь его литературное возвращение, что оно жило изустно в языке помимо поэмы, о чем убедительно свидетельствуют названия многих городков с этим необычным, диковинным именем. Да и поговорка о Тмутаракани, как о дальней земле, глухой провинции, медвежьем угле - указывает на это.

Вроде бы точно уже доказали исследователи время и место этого града. И все-таки с него не была снята некая загадочность и таинственность. С поразительной настойчивостью и упорством пробивалось это слово зачем-то к нам... Словно что-то противилось, не хотело предавать его забвению, оставляя его меж людьми.

Ведь кроме письменного, летописного и литературного пути, оно шло к нам путем изустным, народным. Хранилось и передавалось молвой, оставшись в пословице. Уже это само по себе примечательно и поразительно. Но удивительно, что смысл его в литературном толковании и изустном значении оказался не то что несходным, но прямо противоположным. Если в летописи и особенно в "Слове" Тмутаракань - значение высокое и не вполне ясное - град, земля неизвестная, то в молве - уничижительное и даже пренебрежительное. Тут оно уже обозначает провинцию, угол, забытый Богом и людьми, нечто, не заслуживающее особого внимания.

Реальная Тмутаракань затерялась где-то навсегда, но в сознании людей продолжала жить Тмутаракань иная - символическая, образная, поэтическая, магическая. Не из летописей и не из "Слова о полку Игореве", а из памяти и разговорной речи приходило это вроде бы странное слово, становясь названиями поселений. А поселений с этим именем было немало - на Оке его считали Старую Рязань, у Славянска на Северском Донце, в районе нынешнего Харькова, на Десне, на рубеже Киевского и Черниговского княжеств... Память о Тмутаракани прочно жила в народе. Тмутаракань была уже как бы не только величиной географической. Во всяком случае, Иван Грозный, воюя Астрахань, полагал, что он возвращает в русские пределы Тмутаракань: "Иван Грозный шел присоединять Астрахань под свой скипетр, уверясь, что она и есть как раз Тмутаракань" (С.Федоров-Лантух, "Вольное Казачество", № 4, 1928, Прага).

Хотелось бы предупредить мнение расхожее, стереотипное и довольно несложное, что, мол, Тмутаракань вспоминалась автору "Слова" лишь как память о былом могуществе Руси, имевшей там свое княжество. Ведь присутствие Руси на юге было изначальным, о чем свидетельствует название - Русское море. Здесь был один из истоков Руси

(Черноморская Русь) наряду с северной Ладогой. И все же, Тмутаракань помнилась, по всей вероятности, не только в связи с этим.

Ясно, что одно и то же понятие, одно и то же явление и слово в исторической хронике, в художественном произведении и в устном предании, то есть в народном представлении и не должны совпадать полностью. Они и должны разниться, в чем-то непоходить друг на друга. Ведь это разные способы их постижения. Но я о другом, о том, что в нашем случае смысл почему-то поменялся на противоположный. Где же теперь искать истинное его значение - в летописи, в "Слове", в молве?.. И хотя людская память хранит слово надежнее камня и пергамента, приходится на сей раз усомниться в молве. Хотя бы потому, что не можем мы теперь проследить то, как это слово в ней изменялось - произвольно или преднамеренно. Перед нами поразительный результат - смысл слова стал противоположным. А летопись, "Слово" - вот они перед нами, там оно сохранилось в том виде, в каком заносилось в свитки...

Удивительно, что имя это - Тмутаракань, кажется, так и не уходило из языка, несмотря на почти шестивековую утрату "Слова". И что примечательно, был замечен какой-то нарастающий к нему интерес, словно находка "Слова" как бы ожидалась... Оно непрестанно терзало умы и волновало души ученого мира. В 1708 году монах Дмитрий Ростовский задавался вопросом: "Где город Тмутаракань?" Позже немецкий историк Готлиб Байер, занимавший кафедру древностей и восточных языков в Петербургской академии наук объяснял, что Тмутаракань - есть то самое место, которое у Константина Багрянородного именуется Таматархою. Правда, он полагал, что она находилась на месте нынешнего Темрюка: "И полагается против Босфора или Керчи. Ныне называется сие место на турецких ландкартах Темрюк и лежит против крепости Тамана в северо-восточной стороне подле Меотического моря". Для историка и публициста князя М.Щербакова местонахождение и само ее значение было уже не столь ясным: "Причина сия в Российской истории столь темна, что едва ли нам можно льститься до совершенного уверения, где было Тмутараканское княжество". Но и к концу XVIII века, значение слова и обозначаемого им места, несмотря на интерес к нему, так и не прояснилось. Во всяком случае В.Татищев писал, что "о княжении Тмутараканском, как в историях русских обстоятельно мест или урочищ не описано, а давняя времена не знающие пользы исторической, имена народов и земель оставя, по новостроевым городам пределы именовали, прежние в забвение предали, что и с сим учинилось". Ну так "причина" эта темна или все же Тмутаракань исчезла, канула в небытие, как и многие другие города, не знающие пользы исторической?.. Но в том-то ведь и дело, что Тмутаракань в небытие не канула, что забвению ее не предали. А приведенные соображения исследователей доказывают, что таинственное название ее как бы помимо летописей и литературы, помимо молвы вполне самостоятельно жило и в ученом мире. Словом, из языка оно так и не уходило, но по каким-то закономерностям, приковывало к себе внимание, несмотря на отсутствие "пользы исторической".

Кажется даже, что это спор вовсе и не о Тмутаракани как таковой, что она была при этом лишь поводом, лишь предлогом для спора о чем-то более важном и существенном, чем какой-то город или даже княжество, что это спор о чем-то, имеющем первостепенное значение не только для того неведомого княжества, но и для всей Руси и для России во времена уже более поздние.

В нашем поиске тоже важно знать точное географическое местоположение Тмутаракани, но мы все-таки говорим не о географии и не о геополитике, мы пытаемся определить духовную величину, обозначаемую этим словом в поэме.

Ну что нам теперь до той далекой, неясной и туманной Тмутаракани? Пусть покоится себе в веках, пусть прельщает теперь лишь людей книжных, которых все меньше и меньше остается в нашем Отечестве, вытесняемых эгоистичным, агрессивным и бездуховным племенем. Пусть теперь только редкие книжники гадают над нею, печалуются о ее невозвратных временах. Ведь реальная Тмутаракань уже вроде бы найдена, ни ученого спора о ней, ни тайны ее более как бы и нет: "Раскопки позволили установить, что именно здесь существовал русский город, упомянутый в летописях. Всякие сомнения в отношении местонахождения Тмутаракани теперь не существуют. Отдаленный на десятки дней пути от русских городов, он не мог иметь торгового и хозяйственного значения на Руси. Но каков бы ни был этот город, он существовал именно на том месте, где был найден камень с названием этого города" (А.Монгайт. "Надпись на камне", "Наука и жизнь", № 5, 7, 8 - 1967 г.). Нет вроде бы более тайны Тмутаракани... А, может быть, только теперь, когда торговое и географическое значение ее известно, и настало время выяснить ее иное значение, разгадать ее действительную тайну...

В самом деле, дошедшие до нас факты не дают никаких оснований говорить о ней как об окраинном, малозначащем из-за удаленности, второстепенном княжестве Руси, лишь как о пристанище опальных князей и монахов, вынужденных убегать сюда от усобиц и княжеского гнева. Все однозначно говорит о том, что Тмутаракань имела и другое, более важное значение, что она была удивительным духовным центром, стяжаемым на окраине Руси какой-то, теперь нам уже малопонятной силой. Но и по временам уже более поздним заметно, что такая сила была, что гнездилась она именно по окраинам Руси. Она и соединяла не механически, но духовно огромную страну в единое, естественное целое. Сказалась она позже, видимо, и в казачестве, в этом уникальном явлении русской жизни.

Не случайно же, многие исследователи, писавшие о Тмутаракани, как бы мимоходом и неизменно касались и казачества. Может быть, уже в те времена, когда Тмутаракань попадала в летописные свитки, она как бы припоминала один из истоков Руси, область Русов, остров Русов, ту внутреннюю Россию, в отличие от внешней, о которой писал Константин Багрянородный, Черноморскую Русь. Ученые, кажется, сходятся на мысли о том, что было два истока государственности Руси, возникшие независимо друг от друга - северный, в устье Волхова, в Ладоге, и южный - район Тмутаракани. Эти южные русы, видимо, и стали позже казаками - жителями Кавказа, прародины героев, в имени своем сохранившим ее название: Азы (асы, ясы) - Кавказ, Азов, казак... А еще они унесли отсюда свое изначальное название - черкасы. Уже по этому слову можно судить, как считал Д. Бантыш-Каменский, что "казаки - народ, вышедший с Кавказа". Город Черкасы на Днепре - свидетельство их, может быть, вынужденного переселения. Старочеркасск, Новочеркасск на Дону - свидетельство их нового местожительства, их переселения уже с Днепра, откуда они принесли и это название.

Не удивительно и не поразительно ли, что какое-то окраинное княжество, в реальном существовании которого так долго сомневались, оказывалось почему-то в центре внимания древнерусской жизни, и по сути основной темой "Слова". Видно там происходили события, столь важные для всей Руси, от коих зависело само ее существование, что и теперь мы знаем о них больше, чем о происходившем в то время в других княжествах. Если это была всего лишь вотчина черниговских князей, если это было лишь место их опалы, почему столь много внимания уделяют ему летописцы? Ведь по обыкновенной логике в опалу уходят вовсе не для того, чтобы всячески, говоря современным языком, афишировать свое местопребывание, но чтобы затаиться. Происходило же как раз наоборот. Там случались события, занимавшие центральное место в летописях. Ведь Тмутаракань появляется уже на первых страницах русских летописей. Описанные в них события вроде бы вдруг стали предметом осмысления в "Слове о полку Игореве". Конечно же не вдруг, а потому, что автор "Слова" дает концепцию русской жизни, причем духовной, постигает ее смысл.

Это безусловно связано с тем, что Тмутаракань, находясь в выгодном географическом положении, играла решающее значение для Хазарского каганата, борьба Руси с которым составляла основное содержание истории до монгольского нашествия. Здесь находилась хазарская застава, с помощью которой хазары контролировали значительную часть черноморской торговли - Самкерц, Таматарха. Позже - Тмутаракань. Ведь как думается, даже само название Таматарха происходит от одного из распространенных названий хазарской знати - тархан.

В силу такого своего положения Тмутаракань и оказалась в эпицентре борьбы Руси с Хазарией. А.П.Новосельцев в книге "Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа" (М., "Наука", 1990 г.), отмечает: "Хазарская застава существовала и на кавказском берегу Керченского пролива. Контроль над этим проливом

всегда был крайне важен для хазар. Уже арабские писатели IX - начала X вв. неоднократно упоминают эту крепость. В частности, Ибн ал - Факих в описании маршрута славянских купцов указывает Самкуш еврейский ("ал-йахуд"), который отождествляется с Смкрц письма Иосифа и Смкрии Кембриджского документа. Исследователи справедливо видят в этой крепости Таматарху византийских источников (позднейшую русскую Тмутаракань). Правда, авторами, поддерживающими пресловутую легенду о Черноморской Руси, высказывается точка зрения о русской Тмутаракани уже в IX в. К сожалению, она повторяется иногда и в серьезных трудах. Между тем хазарские документы, а также арабские источники опровергают ее. Правда, текст Константина Багрянородного прямо не подтверждает принадлежности Таматархи в 40-х годах X в. Хазарии, но там нет и намека на присутствие в этом городе русов. ПВЛ впервые говорит о русской Тмутаракани в 80-х годах X в. (988 г.), когда Владимир посадил туда своего сына Мстислава. Логично сделать вывод, что Тмутаракань была занята Святославом во время войны с хазарами 965 г., когда он воевал с касогами, а именно они и обитали в этом районе. Учитывая текст трактата "Об управлении государством", можно предположить, что в 40-х годах X в. власть хазар на Тамани не ощущалась, хотя, как видим, хазарский царь и десять лет спустя считал этот район принадлежащим Хазарии".

Не будем оспаривать жесткую связь исследователя между упоминанием факта в летописи и его реального существования. Многогранная, трагическая история Руси и России убедительно говорит о том, что далеко не все факты истории попадали и попадают в летописи, тем более официальные. Нам важно отметить, что Тмутаракань оказалась в эпицентре противохазарской борьбы.

Из "Слова" же известно, что Боян - первый певец на Руси, "соловей старого времени" пел славу Тмутараканским князьям. Из этого следует то, что или он был жителем древней Тмутаракани, или же события, происходившие там, были столь значимыми для всей Руси, что и стали основным предметом его песнотворчества. Как понятно, само по себе местожительство певца не столь важно. "Связь Бояна с князьями Тмутороканскими и Черниговскими, вероятно, заслуживает некоторого внимания, - писал Ф.Буслаев. - Тмуторокань имеет для него особенный интерес" (СПб, 1861, т.1). Да и сам автор "Слова" к Тмутаракани, скажем так, явно неравнодушен. Она упоминается в тексте поэмы четырежды. А если принять догадку О.Сулейменова о том, что слово "Троян" есть не что иное, как сокращенное, титлованное написание слова "Тмуторокань", всякий раз, когда оно оказывалось в конце строки древнего переписчика, то упоминается она и того более. Ведь прибегать к подобным сокращениям было для средневековых писцов обыкновением.

Будем помнить, что столь пристальное внимание к Тмутаракани автор "Слова" проявляет в то время, когда она уже по сути забылась, уже около ста лет, как ушла из летописей, и его современникам было не вполне понятно то, о чем хотел им напомнить этим безвестный автор? К каким понятиям пытался их вернуть? Во всяком случае текст "Слова" не дает никаких оснований думать, что речь шла лишь о конкретном княжестве или городе, как о цели похода северского князя. Тем более, что летописные повести о походе князя Игоря Тмутаракани вовсе не упоминают. А это однозначно говорит о том, что Тмутаракань не может быть рассматриваема как цель реального, исторического похода, что она должна быть рассматриваема в поэме только как величина образная, символическая, духовная.

Многие исследователи полагали и полагают, что цель похода князя новгород-северского Игоря Святославича, изображенная в "Слове" была - вернуть в лоно Руси утраченное княжество, дедовскую вотчину, уже давно отторгнутую. Но о подобной цели похода, нигде более, кроме "Слова", не говорится, не упоминается ни в одном, дошедшем до нас

источнике. К тому же, не столь сильной была Игорева рать, чтобы пускаться в поход через всю половецкую Степь в далекую Тмутаракань. Совершенно справедливо отмечает Вадим Кожинов, что "идея возвращения дальнего тмутараканского наследства с помощью весьма малочисленного Игорева войска была, конечно же, чисто утопической" ("История Руси и русского слова"; М., 1997). Кроме того, о поисках града Тмутараканя, как о цели похода, говорят бояре Святославу, князю киевскому, толкуя его "мутен сон". Причем, здесь же они говорят об этой возможной цели похода, как о чем-то вроде бы нереальном и немыслимом, ставшем возможным лишь потому, что "уже, княже, туга ум полонила". То есть горе, печаль затмили ум молодым князьям. Но можно понять и так, что "поискати града Тмутараканя" - нечто не только не вполне реальное, но и просто безумное...

Возвращение Тмутаракани, к тому времени уже около ста лет как исчезнувшей из летописей, было действительно немыслимым. Да и о каком возвращении могла идти речь, если ни княжества, ни града, как такового к тому времени там уже давно не было... Почему молодые князья, по представлению автора, то есть по толкованию сна боярами вдруг вздумали "поискати града Тмутароканя"? Да потому, что как говорится далее в тексте, "усобица князем на поганяя погыбе", снова началась междоусобица между князьями, которая несла гибель Русской земле от поганых. Следовательно, можно понять это и так, что в самом слове "Тмутаракань" таился как бы мировоззренческий ключ к усобицам, с помощью которого можно было вскрыть их причины и смысл. В результате "поиска" ее (вовсе не похода на нее), можно было усыпить или наоборот пробудить крамолу. Святослав, князь киевский, жалуется на то, что своим походом молодые князья эту крамолу пробудили, которую он, было уже успокоил. Как видим, ни о каких половцах, как якобы грозящих гибелью всей земли Русской, не говорится. Да и поход в Степь, заметим, это не нашествие Степи на Русскую землю. Поход в Степь вовсе не предполагал такой апокалипсической катастрофы всей Русской земли, которая изображена в поэме. Крамола - вот главная опасность, постигшая землю Русскую. А она в поэме названа и развернута предельно ясно - она есть ряд условий, при которых происходит крушение человеческой личности:

...Сказал брат брату: "Се мое, а то мое же",

И стали князья про малое "се великое" говорить.

И сами на себя крамолу ковать.

А поганые со всех сторон приходили

с победами на землю Русскую...

По обыденному представлению может показаться нелогичным, что собравшись "поискати града Тмутароканя", Игорь Святославич ведет своих воев вовсе не к этому таинственному городу, а в направлении чуть ли не противоположном ему. Желая взять "до конца свою славу и честь", по логике нынешних исследователей, вроде бы восстановить былую вотчину, он вместе с тем, как сообщает Лаврентьевская летопись, намерен идти туда, "где же не ходили ни деди наши". Не правда ли, странно? И в самом "Слове" о направлении похода сказано с предельной определенностью: "Игорь к Дону вои ведет"...

Становится совершенно ясно, что поход Игоревой рати в поэме надо рассматривать не только и не столько с точки зрения реально-исторической. Этим же наше строгое, точное и педантичное литературоведение, пожалуй, еще не занималось, хотя должно было бы

заняться в первую очередь. Странно все же, что произведение художественное судится не по законам, им над собою принятым, а по каким-то иным. Понятно, что при таком подходе литература будет вечно "ошибаться", а художник - всегда чего-то "недопонимать". Так обыкновенно у нас пока и бывает...

За последнее время разве только Геннадий Карпунин в книге "По мысленному древу" попытался дать художническое понимание "Слова". Но книгу его при этом менее всего можно назвать научной. Это писательское исследование. Наука же занималась в основном изучением похода князя Игоря с исторической точки зрения. И это тоже полезно, если бы такие исследования, что называется, не пристегивались механически к поэме. Скажу словами Н.Гоголя из "Тараса Бульбы", справедливыми как в отношении "Слова", так и для понимания литературы вообще: "Нечего описывать всех битв, где показали себя козаки, ни всего постепенного хода кампании: все это внесено в летописные страницы. Известно, какова в Русской земле война, поднятая за веру: нет силы сильнее веры. Непреоборима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного, вечно изменчивого моря".

Но все дело изучения "Слова", к сожалению, сводится по сути лишь к историческому факту, внесенному в "летописные страницы". Словно и не замечается, что не будь "Слова", этот обычный по тем временам поход, каких было немало, не будоражил бы так сердца и души людей. Ведь именно в "Слове" таится нечто несоизмеримо большее, чем в исторических сведениях о походе. Потому-то именно этот поход приковывает всеобщее внимание, что о нем создано "Слово".

Изучение же "Слова", можно сказать, зашло в явный тупик, пытаюсь представить лишь в реально-бытовом плане то, что имело значение духовное. И, это при всем том, что тексты "Слова" и летописи, казалось бы, менее всего дают повод спорить о направлении движения Игоревых воев в половецкую Степь, о его маршруте. Многие исследователи наши взяли прямо-таки за аксиому, что в "Слове" якобы спутаны названия рек Дона и Донца, основываясь всего лишь на единичном упоминании об этом у В.Татищева. В то время, как реки являются самыми надежными, неизменными ориентирами, оставшимися таковыми для исследователя похода и до сего дня - Донец, Оскол, Дон...

Итак, "Слово" и летописи прямо и недвусмысленно говорят о том, куда и зачем вел своих воев князь Игорь. Вел он их к Дону: "Игорь к Дону вои ведет"... Половцы бегут за Дон. Великий князь Святослав Всеволодович также намеревался идти "на половцы к Донову на все лето". Таким образом, пускаясь по следам Игоревой рати, если бы нас интересовала лишь история, мы должны были бы идти к Дону, то есть на юго-восток, а не на юг, в густонаселенные районы половцев, как предлагает нам большинство исследователей. Но маршрут Игоревой рати - отдельная тема исследования. В данном же случае нам важно отметить, что собравшись вроде бы, "поискати града Тмутороканя", князь Игорь повел своих воев не в направлении этого таинственного града... Так произошло потому, что не в буквальном смысле слова намеревался Игорь достичь несуществующего уже города, но обрести нечто, нам теперь не вполне ясное, что по понятиям тех времен, а точнее по представлениям автора "Слова", могло быть выражено фразой - "поискати града Тмутороканя". Причем, вполне возможно, даже наиболее вероятно, что об этой высокой цели похода сам Игорь и не помышлял, что она, если и присутствовала в нем, то подсознательно, на уровне верования. Такое значение ей придал уже автор "Слова". Ведь истинный, духовный смысл того или иного события постигается во времени. Может быть, и автор поэмы искал то же, что издавна, испокон веку искали в Тмутаракани, что искал там же и преподобный Никон, игумен киевопечерский, угодник Тмутороканский (Таманский). Это ведь факт удивительный и многозначный, говорящий о каком-то особенном значении Тмутаракани - преподобный Никон, "блаженный безмолвник", один

из основателей монашества, монашеского, иноческого жития на Руси, дважды ходит в Тмутаракань. Прожил он там около десяти лет. Искал же преподобный Никон в Тмутаракани "Божью правду"...

Никон жил по непорочным христианским заповедям, боясь гнева Царя Небесного более, чем гнева князей земных, являясь посредником между народом и князем, более всего исповедуя справедливость, "Божью правду". Не с князем заодно, как могло казаться, и как случается зачастую, к сожалению, теперь, но за "Божью правду", ибо у него, праведника и проповедника - иное служение, чем служение мирское и княжеское.

Когда Ростислав Владимирович изгнал с Тмутараканского княжения Глеба Святославича, Святослав Ярославич, князь Черниговский пришел в Тмутаракань и снова посадил на стол своего сына Глеба. Но после ухода отца, Ростислав снова изгнал Глеба. В 1066 г. Ростислав был отравлен, и тогда Никон был направлен от людей с просьбой к князю Святославу, в Чернигов, отпустить Глеба на Тмутараканский престол. По всей видимости, эта миссия Никона увенчалась успехом, и в том же году он возвращается из Тмутаракани в Киев. Но там начались смуты из-за обладания великокняжеским столом. В 1073 году, прогнав из Киева своего брата Изяслава, великим князем стал Святослав Ярославич. Казалось бы, Никон должен был этому возрадоваться, так как в свое время многое претерпел он именно от Изяслава. Ведь из-за несогласия с ним ему и пришлось удалиться в Тмутаракань. И вот теперь вроде бы свершилось возмездие. Но не возрадовался ему Никон, ибо свершилась несправедливость - младший брат изгнал старшего. Свершилось противное Богу и человеческой справедливости. Никон забывает нанесенную ему личную обиду, пред обидой большей - обидой своего времени. Пред нарушением князьями божеского устройства мира. И он, несогласный теперь уже с другим князем, снова был вынужден отойти в Тмутаракань: "Пр.Никон снова в 1073 г. перенес тяжкие дни: как в 1059 (1060) великий князь Изяслав грозил уничтожить монастырь, так теперь великий князь Святослав негодовал на иноков" (В.Сысоев "Очерки по истории Тмутараканского княжества". Известия общества любителей изучения Кубанской области. Выпуск 1,Екатеринодар, 1899).

Как видим, мытарства преподобного Никона (будем помнить, что это вполне возможно первый русский митрополит Иларион) происходили вовсе не оттого, что он брал сторону того или иного князя, а оттого, что он держался "Божией правды", которую так часто попирали князья земные, в своих корыстных делах. Но это и стало причиной его нового отшельничества, о чем прямо говорится в Патерике: "Потом блаженный безмолвник этот (пр.Никон), видя смуту между князьями Российскими, наступившую после того, как Изяслав был изгнан из Киева, и брат его Святослав сел там... пожелал снова отойти".

Итак, Никон в апреле 1073 года ушел в Тмутаракань, за "Божьей правдой", где жил до 1077 года. Князем Тмутараканским в это время был Роман, Красный Роман Святославлич, которому и пел славу вещий Боян, соловей старого времени, о чем помянуто в "Слове". В том же году к Роману бежал Борис Вячеславич, а на следующий год - беспокойный князь Олег Святославич, один из основных героев "Слова о полку Игореве", ступавший "в злат стремя в граде Тмугторокане", "мечом крамолу коваше и стрелы по земле сеяше", как скажет о нем осуждающе автор "Слова".

После смерти Святослава в 1076 году, видно, смуты достигли уже и далекой Тмутаракани: "бысть знаменье на западе, звезда превелика, луча имущи, аки кровавы, всходяще с вечера по западе солнечном, и пребысть за 7 дни. Се же проавляше не на добро. По сем бо быша усобицы многы и нашествия поганых на Руску землю, си бо звезда б аки кровава, проявляющи кровопролитье". И здесь, не найдя "Божьей правды", преподобный Никон

возвратился в Киево-Печерский монастырь, зная по опыту, что смута добралась теперь и до Тмутаракани. Там он в течение десяти лет стоял во главе Киево-Печерского монастыря и умер в 1088 году в глубокой старости. До последних дней он остался праведником, его так и не одолела тьма света, то есть тьма мира сего...

Имеем ли мы теперь право, зная, чем была Тмутаракань для Никона, для русской святости вообще - поиском "Божьей правды", - предположить, что по сути тем же, она была и для автора "Слова", что она вообще была по понятиям тех времен синонимом поиска некоего духовного идеала? Мне кажется, что предположить это мы имеем полное право.

А может быть, и ранее, с первого тмутараканского князя "храброго Мстислава", которому пел славу Боян, в связи с именем которого впервые упоминается в летописи Тмутаракань под 988 годом, в сообщении о том, как великий князь Владимир разделил владения между сыновьями своими, и Мстиславу досталась Тмутаракань. Может быть, с того времени в далекой Тмутаракани уже не было "Божьей правды", за которой ходили туда князья и монахи. Или же именно здесь велась борьба, брань духовная за эту правду... Во всяком случае, уже в пространном летописном сообщении под 1022 годом о единоборстве князя Мстислава с касожским Редедю, единоборстве, упомянутом в "Слове": "Иже зареза Редедю пред полки касожскими", -заметно нарушение этой самой "Божьей правды", человеческой этики того времени, справедливости. Приведем это известное летописное сообщение: "В лето 6530 (1022). И поиде Ярослав к Берестию. В си же времена Мстиславо сущу Тмutorокани, и поиде на касоги. Слышав же князь касожский, изыде противу. И ставшима обема полкома противу себе, и рече Редедя по Мстиславу: "Что ради губив дружину межи собя, но снидеवासя сами бороти, да аще одолееш ты, то возмешь имение мое, и жену, и дети, и землю мою; аще ли аз одолею, то возьму твое все". И рече: "Тако буди". И рече Редедя ко Мстиславу: "Не оружием ся бьеве, но борьбою". И ястася бороти крепко. И надолзе борющимася има, и нача изнемогати Мстислав: б бо велик и силен Дередя (Редедя - П.Т.) и рече Мстислав: "О пресвята Богородица, помози ми; аще бо одолею сего, съзижду церковь в имя твое". И се рек, удари им о землю, и выньзе нож, и зареза Редедю. И вшед в землю его, взя и все имение его, и жену его, и дети его, и дань возложи на касоги, и пришед Тмutorокань заложил церковь святыа Богородица, и совершил ю, яже стоит и до сего дни Тмutorоканю". Но что стоит за этим противоборством Мстислава, зачем оно вообще упомянуто в "Слове о полку Игореве", остается ведь по сути необъясненным.

Церковь же Пресвятой Богородицы в Тмутаракани не стоит до сего дня. Лишь в пятидесятых годах нашего века нашли ее фундамент, воздвигнутый на месте церкви более ранней, построенной около 960 года. Может быть, потому и не стоит этот храм Пресвятой Богородицы до сего дня, воздвигнутый Мстиславом в 1023 году в честь победы над Редедю, что нечестной была эта победа, что нарушена была князем воинская заповедь, что был этот первородный грех. Ведь они условились сразиться не оружием, а борьбою. Мстислав же зарезал Редедю, вопреки уговору. Может быть, с тех пор и не хранит Тмутаракань церковей своих, с того времени они и пропадают с лица земли. Ведь не сохранился храм Богородицы и монастырь за городом, построенные преподобным Никоном. Не сохранила Тмутаракань своих храмов, а это и дало повод позже усомниться даже в ее существовании.

Нет, чуден и таинственен все-таки в русской истории и народном сознании "вечный град" Тмутаракань!.. Многое там сходилось и многое там из русской истории и святости поверялось. Столько внимания уделено ему в поэме в години "первых времен усобиц", более, чем какому-либо иному русскому городу или княжеству, а у людей последующих времен, в том числе и нынешних, между тем, сложилось впечатление, что такого града как

бы и вовсе не было... Как же так? А, может быть, в русской истории Тмутаракани и суждено было сыграть роль не просто княжества, но града, символического, небесного, града духовного, града Божия? Места, где пребывает "Божья правда", того идеала, той истинной веры в него, без которой жизнь человеческая теряет всякий смысл, так как "нужно представление об обетованной земле, чтобы иметь силы двигаться" (Л.Н. Толстой, "Война и мир"). Не потому ли все происходящее там так строго и судилось историей. Во всяком случае, многие исследователи чувствовали эту, какую-то особенную миссию и роль Тмутаракани в истории. Об этом, в частности, свидетельствует и то, с какой последовательностью и настойчивостью Тмутаракань называлась островом. С тех давних времен, когда Патерик сообщал о подвижничестве преподобного Никона, до времен новых, когда черноморские казаки прибыли на Кубань, назвав место своего нового пристанища островом, хотя в географическом значении это место таковым не было. Удивительно, что изменилось к тому времени само название местности, но характеристика ее, как острова, сохранилась - Фанагорийский остров... Конечно, остров вовсе не в географическом понятии, но духовном, как место отшельничества, духовного подвига, как место пребывания "Божьей правды", которое издревле по традиции называлось именно "островом".

Ведь не просто же новое место жительства искали здесь и черноморские, бывшие запорожские казаки, не просто новые земли они обретали на Кубани. Их духовной мировоззренческой сверхзадачей было обосновать на берегах Кубани новую Сечь, связанную преемственностью с Сечью Запорожской, сохранить на новом месте дух казачества, не дать прерваться подлинно народному устройству жизни, товариству, братству, основанных на вере, которыми все определялось меж казаками, было мерой всех ценностей, мерой добра и зла. Так что, новое пристанище было для черноморцев, прежде всего, понятием духовным. И сказалось это в том, что, как и во времена стародавние (остров Русов), Тмутаракань снова была названа островом - местом духовного подвига.

Другие же упоминания об этой земле неизвестной в "Слове" столь же таинственны; и теперь не вполне понятны - то говорится о каком-то "Тмутороканьском блване", то сообщается о том, что князь Всеслав "из Киева дорискаше до кур Тмутороканя". До каких там "петухов", если и сейчас на Тамани есть речка Курка и Курчанский лиман... Курка - общее название небольших безымянных рек. Но есть и другое значение этого слова - заводь, залив реки или озера. (Э.Мурзаев, "Русская речь", № 3, 1983). Так что Всеслав дорыскивал, вероятнее всего, до берегов Тмутаракани... Все унесено временем, даже храмов не сохранилось, но растет до сих пор невидимо, как ни в чем не бывало, слово, имя, которое носит притаившаяся, никому неведомая, какая-то речка Курка...

Кстати, по какой-то, неведомой нам закономерности, изменившееся в веках название этого места, этого края сохранило свое значение: Кубань - от куба - большой чан, пузатый сосуд с горлышком, чаша для питья. Так же - кубышка. Это - место, где хранится нечто ценное, где утоляется жажда. На Кубани и по сей день перегонный аппарат называют кубом...

Град Тмутаракань, таинственный и неведомый... Конечно же, в этом смысле град: "Так строящийся град князя мира сего своим строительством с роковою неизбежностью, по закону антагонизма сил, выявляет и обособляет другой град, град Божий" (С.Аскольдов "Из глубины"). Византийский хронист десятого века Лев Диакон называет Тмутараканский полуостров "островом русов", а Ал-Идриси называет его "вечным городом", неизвестно когда и кем построенным.

Можно объяснить теперь вполне убедительно, почему Тмутаракань была столь известна; хотя бы тем, что находилась она на древнем торговом хазарском пути, тем, что и после разгрома Хазарского каганата именно тут нашла свое пристанище его правящая иудейская верхушка. Или тем, что Тмутаракань была богата нефтью, из которой изготовляли живой огонь, грозное оружие того времени. Все правильно. Но связь "Слова" с Тмутараканью по этой логике вроде бы ничего не объясняет, ибо к тому времени былого хозяйственного значения для Руси она уже не имела. Но видно имела какое-то иное значение, более важное, иначе почему вспоминалась она безвестному автору "Слова"? Почему занимала в его творении центральное место, спустя почти век после того, как перестала существовать?

И если, говоря пушкинскими словами, "история народа принадлежит поэту", история не в смысле последовательности событий, история - не как хроника, но биография духа народа, то не может не поражать то, с какой устойчивостью Тмутаракань привлекала внимание русских поэтов - от Бояна, автора "Слова", до великого Пушкина. Как известно, Пушкин, "уходя в ночную тьму", вдруг обратился к "Слову", удивительно прокомментировав его отдельные образы. И из всего многообразия тем, которые таит в себе "Слово", избрал именно древнюю Тмутаракань, намереваясь написать поэму о времени Мстислава. Именно Тмутаракань виделась поэту главной темой "Слова", без уяснения которой вообще неясен смысл поэмы.

От Бояна до Пушкина волновала Тмутаракань русских поэтов. Кажется, она и не покидала их дум. Это ли не основание задаться вопросом: чем же она была для них, чем же она является теперь для нас? Но была при этом еще и какая-то удивительная как бы непостижимость ее - словно что-то мешало художникам высказаться о ней до конца: песен Бояна, за исключением отрывков из них, процитированных в "Слове", не сохранилось, пушкинская поэма о Тмутаракани осталась не написанной... Остается судить о Тмутаракани по "Слову о полку Игореве", да по фактам жизни уже более поздних времен, как бы подсвечивающих, подсказывающих ее действительное значение.

Не могло же все так удивительно сойтись в этом месте из-за какой-то случайности или причуды. Слишком значительны все факты, связанные с Тмутараканью, чтобы считать их случайными, не подчиненными какой-то, нами, может быть, еще не вполне осознаваемой закономерности. Там - ноша мира сего, образно говоря, место, где может быть, суждено было взойти той Розе Мира, о которой размышлял Даниил Андреев, но которая почему-то так и не взошла. Может быть, пока не взошла. А, может быть, и взошла, но у нас еще нет того органа, которым мы могли бы это обнаружить... А, может быть, Тмутаракань есть святой угол Руси, так же, как есть святой, красный угол в избе, в хате. Ведь она и появилась в русской жизни, судя по летописи, только на то время, когда входила и утверждалась на Руси благодать новой веры.

Но как-то так произошло, как-то так случилось, что святой угол страны оказался заброшенным, забытым и запущенным. Превращение "вечного града" в скверный городишко, а потом просто в станицу, отразилось и в изменении самого его имени - от высокого града, до уничижительного захоlustья. Явное умаление града продолжается...

Вроде бы странно, что в "Слове" названы две цели похода князя Игоря, мало чем похожие одна на другую, и даже в определенной мере противоположные: выйти к Дону, "Игорь к Дону вои ведет" и обрести нечто - "Поискати града Тмутараканя". Очевидно, что перед нами цель похода военно-стратегическая, историческая и задача какая-то высокая, собственно художническая, прямого отношения к походу как бы и не имеющая, точнее, соотносимая с реальным историческим событием лишь в известных пределах. Само указание на град, конечно же, говорит о том, что речь идет не о городе в прямом смысле слова, но о граде духовном. И это не просто две цели похода, но кроме того, как видно, два мировоззрения, два миропонимания. То, что князь Игорь достиг первой цели, ясно из текста поэмы: битва, как известно, произошла на реке Каяле у Дона Великого. Но вот "поискал" ли он града Тмутаракани, достиг ли он града духовного, уберег ли, спас ли свою душу - это не столь явно, хотя об этом говорится в "Слове" вполне определенно и именно это составляет ее основную тему и художническую цель. Соотношение же града небесного со спасением было традиционным в верованиях той поры, как в житии благоверного князя Михаила Тверского: "Господи, если погубишь сей город, то и я с ним погибну: если же Ты спасешь его, то и я с ним спасен буду". Этому-то спасению через Град Божий и посвящено главным образом "Слово", это и есть его основное содержание - о том, как рушится мир, как гибнет Русская земля, как и чем спасается при этом живая человеческая душа. Именно поэтому "Слово" и не принадлежит только истории, но в равной мере всем временам, именно поэтому оно особенно необходимо теперь нам, когда в России разыгрывается новый акт все той же трагедии-крамолы.

Общий смысл "Слова о полку Игореве" и значение его отдельных образов и сегодня, смею утверждать, все еще остаются не вполне понятными, и даже совершенно неясными вне мировоззрения автора, вне той веры, которую он исповедовал. Именно поэтому мы наблюдаем странное явление - огромный материал, привлеченный для анализа, подробнейшее и кажется предельно скрупулезное толкование слов, как бы вырванных из текста и не сливающихся в общую картину. И несмотря на громоздкость и вроде бы убедительность этих ученых исследований, читатель, в конце концов, так и не понимает о чем все-таки поэма. О борьбе с половцами? Но они смертельной опасности для Руси не представляли. Кроме того, в ней в большей мере говорится о "поганных". Но там ведь еще говорится и о "хинови", которые вообще остались неразгаданными. Кроме того, алогичности, что называется - на каждом шагу. Как я уже отметил, - пошли к Дону, а, оказывается, искали град Тмутаракань. Сами напали на половцев, а поэма посвящена гибели всей Русской земли... Пока этим явным алогичностям не будет найдено объяснение, не найдена в них закономерность, мы не можем говорить о понимании даже самого общего смысла "Слова о полку Игореве". А эта закономерность может быть выведена единственно из того мировоззрения и веры, которые исповедовал автор поэмы.

Как совершенно ясно, безвестный автор "Слова" был истинным христианином. Некоторые "сомнения" на сей счет вызваны, кажется, исключительно недоразумением или лукавством, единственно тем, что в тексте поэмы нет каких-то публицистически ясных, риторически определенных указаний на это, свидетельств о покаянии князя Игоря, как в летописных повестях о походе. Но их в произведении художественном и не должно быть. И это само по себе еще не может свидетельствовать о большей религиозности летописцев, чем автора "Слова". А потому противопоставлять летописные повести и поэму в связи с этим нет никаких оснований. В том смысле, что летописцы были якобы более набожны, а автор поэмы вроде бы и не понятно во что верует. Но повторяю, такое впечатление складывается единственно потому, что в поэме нет прямых и риторических указаний на веру автора, нет элементов проповеди, которых там и не должно быть. Поэма написана со столь же строгих христианских позиций, как и летописные повести, но иными, не

публицистическими, а художественными, образными средствами. Ведь об этом автор прямо говорит вначале поэмы: "Начати старыми словесы трудных повестей". Повестей, конечно же, летописных об этом же походе, известных уже современникам по устным рассказам и преданиям, бытовавшим в народе. То есть автор "Слова" вознамерился петь о том же, даже "старыми словами", но по былинам, событиям своего времени. И были для этого свои, неотложные причины. Они-то и составляют основное содержание поэмы.

Но, к сожалению, религиозные аспекты поэмы в устах толкователей свелись, по сути, к пресловутому "двоеверию", к соотношению язычества и христианства. Причем, о язычестве говорится при этом не в духовно-религиозном значении, а в более позднем, каком-то современном культурологическом. Наконец, уразумели, что "двоеверия" не может быть вообще, ибо нельзя немножко верить, а немножко нет: "Никакого двоеверия не могло быть и не было" (Г.К.Вагнер, Т.Ф.Владышевская, "Искусство Древней Руси", М., "Искусство", 1993).

О язычестве "Слова" написано много, не замечено только одно, самое главное - языческие боги в прямом упоминании в "Слове о полку Игореве" не названы вообще. - Быть этого не может! - возразит благонамеренный читатель, знающий "Слово" более не по тексту, а по бесконечным его толкованиям. И все-таки это так: языческие боги в "Слове" не называются. Называются их внуки. Всякий раз имя языческих божеств сопровождается словом "внуце": Велесов внуце, Дажь-Божа внука, Стрибожи внуци. Но это ведь вовсе не имена божеств...

И потом, мне, к примеру, не приходилось встречать убедительного объяснения, почему тех или иных героев автор называет именно внуками этих языческих богов, что означало это в представлении автора и его современников. Если они внуки их, то чьи же они дети?.. Вместо же внятного объяснения, мы постоянно слышим риторику о том, что язычество в "Слове" соседствует с христианством в том смысле, что христианство якобы еще недостаточно укрепилось, а язычество еще окончательно не отошло. И это в то время, когда со времени официального принятия благодати новой веры прошло двести лет, а на самом деле значительно больше...

Правда, единственный раз имя языческого божества названо без слова "внуци", вроде бы прямо. Это Хр̑с, как полагают, кажется, все толкователи без тени сомнения, Хорс - есть языческий бог солнца. Правда, первые издатели "Слова" в этом сомневались, снабдив его ремаркой "не вразумительно". И были для этого основания, но об этом - ниже. Почему не сомневались последующие исследователи, вплоть до наших дней, остается загадкой.

По своему жанру "Слово о полку Игореве" является традиционным для древнерусской литературы Молением, так же, как "Моление Даниила Заточника". Потому-то, по традиции, оно и заканчивается словом "Аминь". И всякое толкование этого слова, как "конец" то есть "смерть" - это какое-то уж и вовсе дикое вульгарно-атеистическое понимание. Никогда это слово, венец молитвы, такого значения не имело. Имело противоположное значение: "Говоря: аминь! Благословение и слава, и премудрость, и честь, и сила и крепость..." (Откровение святого Иоанна Богослова, 7-12). Столь же примитивно понять финал поэмы можно разве только исповедуя известное мировоззрение, согласно которому, религия - "одна из самых гнусных вещей, какие только есть на свете" (В.Ленин). Но сколько же можно насиловать духовную природу человека подобной софистикой - "коммунистической" или "демократической", - когда ее разрушительная сила уже в полной мере испытана...

Ко времени создания "Слова" христианство уже прочно укрепились в русской земле. Уже в "Повести временных лет", в сюжете о "выборе веры" со всей определенностью выражена система духовных ценностей. Можно полагать, что и сам "выбор веры" скорее - авторский прием, а вовсе не свидетельство того, что именно так все и было, что могли принять ту, а могли и эту веру! Не могли! Вера - не одежда, которая выбирается и кроится по произволу. Да ведь даже и одежда у каждого народа своя, отвечающая его природе, строю души. Ведь и в "Слове о законе и благодати" митрополита Илариона, написанном за полтора века до "Слова о полку Игореве" тоже определенно постигнута непреходящая ценность благодати христианской веры. Сомневаться в христианстве автора "Слова" не приходится. Другое дело, что оно выражено художественно, образно, а не назидательно и не публицистически. Да и другого мироустройства, кроме религиозного, человечество и по сей день так ведь и не выработало...

Не говоря уже о глубине понимания образов "Слова", вне христианских представлений непонятны даже его сюжетные ситуации. Остановлюсь на некоторых примерах, это подтверждающих.

Возвращаясь из плена, князь Игорь спорит с Донцом, с рекой. При этом почему-то вдруг припоминается река Стугна, "затворившая" юного князя Ростислава, который в ней утонул. Речь идет о брате Владимира Мономаха, Ростиславе Всеволодовиче, который, потерпев поражение от половцев в 1093 году, утонул со своим войском при переправе через Стугну.

Что же вспомнилась вдруг Стугна, "худу струю" имеющая, и печальная участь Ростислава? Эта ведь давняя история прямо соотнесена с ситуацией, изображенной в "Слове" - Игорь потерпел поражение так же, как и Ростислав. Обычно исследователи этим удовлетворяются. Но сходство этих ситуаций не только в том, что теперь, как и тогда, русские рати потерпели поражение. Сходство в том - из-за чего и почему они его потерпели...

Дело в том, что гибель Ростислава имела легендарную, широкую среди современников автора "Слова" известность. И связана она с судьбой преподобного чудотворца Григория Печерского. Приведу эту печальную, трагическую и символическую историю: "Григорий, преподобный, чудотворец Печерский, пострижен 1064 г. преп. Феодосием. Несколько раз злонамеренные люди пытались вредить иноку Григорию, и каждый раз замыслы их уничтожались явленными чудесами преподобного. - Случилось Григорию идти за водою на Днепр в то время, когда князь Переяславский Ростислав Всеволодович подъезжал к монастырю Печерскому, чтобы принять благословение от святых отцов, ибо он шел на половцев. Служители его, увидя старца, начали ругаться над ним. Тогда преподобный сказал им: молитесь, ибо скоро Суд Божий постигнет вас, и все вы с князем вашим найдете смерть в воде. Раздраженный такими речами Ростислав велел связать старца и с камнем на шее бросить в Днепр (8 января 1093); не захотел даже заходить в монастырь и продолжал путь. Тело Григория оказалось чудесным образом в его келье и погребено в пещере преп. Антония. - Ростислав, разбитый половцами, бежал и при переправе через реку Стугну, утонул вместе со своими воинами. Церковь совершает память Григория 8 января" ("Указатель к словарю о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых", С.-Петербург, 1862 г. Переиздание "Книга", М., 1991 г.).

Таким образом, атеистически настроенные исследователи поминают Ростислава, полоненного гордыней, без благословения ушедшего на битву, сотворившего зло и от зла этого погибшего, а люди, еще не потерявшие меру вещей этого мира, поминают Григория

Чудотворца, знавшего те пути, по которым совершается человеческая жизнь, помнящего о душе.

Конечно же, потому в "Слове" и вспомнилась Стугна, что ситуация была слишком уж сходна. Автор сопоставляет участь Ростислава с судьбой князя Игоря. Ростислав, таким образом, по логике верующего человека, погиб потому, что нарушил Божеский закон, ничем его не искупив. Но ведь Игорь тоже нарушил Божьи заповеди - ушел в степь без ведома князя Киевского, потерпел поражение, напрасно погубил столько людей и в этом походе и в междоусобных битвах. Но на этом аналогии и заканчиваются. Ведь вроде бы Донец в его диалоге с князем должен был напомнить Игорю об участии Ростислава. Но вспоминает ее сам Игорь. В первом случае было бы просто назидание, во втором - раскаяние. В тексте же "Слова" - свидетельство того, что Игорь преодолел тьму, в которую погрузилась его душа, возвращается на Русь праведным, обретя веру.

Кстати, серьезными исследователями давно замечено, что рассматривать поход Игоря лишь с точки зрения исторической, мало что дает для уяснения художественного и духовного смысла поэмы. А потому князя Игоря должно судить не по тому, что он совершил, а что произошло с ним в результате предпринятого им похода: "Претерпев временную смерть (плен, "рабство"), возвращается снова", - точно и справедливо писал М.Бахтин.

Потому-то и такой оптимистический финал поэмы - "страны ради, грады весели", что заводило прямо-таки в тупик исследователей, даже считавших, что это более поздняя приписка. "Игорь князь в Русской земли" - то есть, пройдя все испытания, он обрел благодать веры. Так что в финале "Слова" - не просто оптимизм, но радость обретения веры. Это сопоставление говорит о том, что потерпеть военное поражение еще не означает окончательной гибели. Гибель настигает человека тогда, когда он утрачивает веру, когда его одолевает тьма безверия. Ростислав ее утратил. Игорь ее, в конце концов, обретает...

Я всего лишь намечаю пути понимания отдельных образов "Слова", не вдаваясь в более подробное объяснение, в надежде на то, что в дальнейшем мне представится возможность объяснить все это более основательно.

Говорить о каком-то дохристианском мировоззрении безвестного автора "Слова" не приходится не только потому, что языческие божества, помянуты в тексте его поэмы опосредовано, точнее не названы прямо, но потому, что весь строй его миропредставления в принципе не языческий. Скажу словами Вс. Ф.Миллера: "Автор его - писатель просвещенный, христианин, называющий языческие божества только для красоты поэтической речи" ("Взгляд на "Слово о полку Игореве", 1877). Как известно, язычество не постигало человеческой личности, ценности человеческой души, не знало трагизма человеческого бытия, апокалипсичности человеческой жизни. Совсем иное мы чувствуем в "Слове". От него исходит неведомая ранее тревога, катастрофичность мира. И тревога не только за землю Русскую, но за все мироздание, тревога за человека среди не только природных, но прежде всего социальных страстей и духовных стихий.

Основная тема поэмы, как представляется, состоит не только в пресловутом декларативном призыве князей к объединению, которое повторяется бездумно и механически со времен беглого упоминания о нем К.Марксом. Призыв к объединению, согласию между князьями содержится и в других памятниках литературы, скажем, в "Слове о князьях". Но сам по себе декларативный пафос еще не приближает его по художественности к "Слову о полку Игореве". Основная тема поэмы - как пропадает в безверии и как уберегается, спасается в вере человеческая душа среди злых сил этого

мира. Это поэма о грехопадении человека и возвращении его на праведный путь. И постигается она, конечно же, с позиций мировоззрения христианского, со всей определенностью проявленного уже в "Повести временных лет": "Наводит Бог, в гнев своем, иноплеменников на землю, и только в горе люди вспоминают о Боге: междоусобная же война бывает от дьявольского соблазна... Бесы ведь не знают мыслей человека, а только влагают помыслы в человека, тайны его не зная". То есть "Слово" - прежде всего, о тайне человеческого бытия, его духовной природы, о том, как дьявольский соблазн приводит человека к междоусобной войне. Связывается же это с обобщенным понятием хазарства, не прямо, не декларативно выраженным, которое понимается как проявление иудаизма, ибо как справедливо отмечает С.Плетнева, "согласно догмам иудаизма - узкой, сугубо национальной религии, - иноплеменники не могут быть истинными иудеями... Следовательно, новая религия не объединяла, а наоборот разъединяла". Именно поэтому поэма так близка и понятна нам, так как за прошедшие века дьявольский соблазн не только не угомонился, но еще более поразил человеческое общество.

Может показаться, что "Слово" менее всего можно соотнести с какой-то конкретной церковной книгой. И все же, такая книга есть, с которой в "Слове" угадываются если и не текстовые совпадения, то общий дух и смысл. Имею в виду, конечно же, пророческую книгу Нового Завета, последнюю книгу Библии, не имевшую богослужебного употребления - "Откровение святого Иоанна Богослова", Апокалипсис. Книгу тайн судеб человеческих, книгу о конце земного бытия. Книгу, в символах и образах передающую не земные, не исторические события, но весть о путях этого мира, его крушении, о грехопадении человека и о воцарении Христа в этом мире.

Катастрофичность, эсхатологичность мышления Иоанна Богослова (Зеведеева) и автора "Слова", их схожесть просто поражает. Так же как и в "Откровении" автор поэмы изображает крушение мира. Постигает причины, приводящие к этому: "Откровение есть не идиллия, но трагедия, борьба со Христом и за Христа против сил князя мира сего" (Прот. Сергей Булгаков). Думается, что именно этим состоянием, постигнутым в "Слове", поэма столь близка и понятна людям уже более поздних времен, в том числе и нам, когда это ощущение катастрофичности мира словно бы вдруг обострилось до предела, ибо "Откровение" относится к тому, что происходит всегда и всюду, но "не вмещается в ограниченном месте и времени" (Прот. Сергей Булгаков).

Да, конечно, многое изменилось в человеческой жизни за истекшие века, условия и обстоятельства жизни человека. Мы уже гадаем, что это были за мечи харалужные, не помня названия их, не говоря о технологии их изготовления. Но осталась неизменной тревога за сохранение этого мира, за человека, которому так непросто удержаться в пределах своей духовной природы, осталось ощущение катастрофичности человеческого бытия. Это эсхатологическое мышление упрощенному сознанию может показаться недостаточно оптимистичным. Но это нормальная реакция живой человеческой души на происходящее, это нормальная реакция живого человека на конечность своего земного бытия, что и побуждает его бодрствовать, через него душа его спасается, отыскивая те тесные врата, которыми идут немногие...

В основе сближения "Слова" с Апокалипсисом - их общий катастрофический апокалипсический смысл. Но есть и чисто сюжетные и даже текстовые переклички, позволяющие делать вроде бы столь необычное сопоставление.

Как известно, "Откровение" построено в форме послания, обращения к семи церквям, уклонившимся от праведной веры, напоминая о том, какие беды грядут в связи с этим. Это повествование о катастрофе мира и ее причинах. Но ведь подобное же обращение есть и в "Слове о полку Игореве", в его "златом слове", где Святослав обращается к князьям, причем именно к семи адресатам, по аналогии как бы к семи церквям. И если в Апокалипсисе это обращение символизирует полноту Церкви, то в "Слове" - полноту Русской земли. Если художественный образ имеет конкретное и вместе с тем символическое воплощение, то и Святослав обращается не просто к конкретным князьям и их землям, но и их вере. Здесь и открывается смысл этого обращения - не только военное единство князей и географическое единство земель, но духовное их единство, единство в вере и является первоосновой всякого иного единства.

Так же, как Иоанн "соучастник в скорби" в "Откровении" обращается к церквям, утрачивающим веру, напоминает им откуда они ниспали, так и Святослав в "златом слове" напоминает князьям о братстве после того, как свершилось самое страшное, что только может свершиться меж людьми - "тьма свет покрыла", то есть душа ослепла в безверии, когда настало "великое буйство" хинови, когда "снесся хула на хвалу" и "тресну нужда на волю". Как видим, Святослав обращается к князьям, пытаясь пробудить их сознание и веру не только в связи с тем, что половцы грозят Русской земле, а потому, что князья поддались дьявольскому наваждению и соблазну, когда хорошее стало почитаться плохим, а плохое хорошим, когда "наниче ся години обратиша", то есть времена обратились своей изнанкой. Вот где в "Слове" главная опасность, грозящая погибелью Русской земле - в душах людей, утративших свою веру и тем самым поколебавших этот мир...

Остановлюсь лишь на некоторых образах "Слова", имеющих христианское значение, без которого они просто непонятны.

"Седмиричное число семь духов, семь церквей, семь светильников, семь звезд, семь труб, семь чаш..." есть число полноты даров Св. Духа" (Прот. Сергей Буглаков), а стало быть оно имеет то же значение и в "Слове". Не случайно Святослав обращается именно к семи адресатам. В этом свете не такой уж случайной является фраза в тексте: "На седьмом веце..." Во всяком случае, наивно для понимания этого образа прибегать к какой-то хронологии и случайной арифметике. По толкованиям святых отцов цифра семь символизирует настоящий век, соответственно - шесть символизирует прошлое, а восемь - будущий век. По другим представлениям язычеству соответствует число шесть (не отсюда ли "шестокрыльцы" в "Слове"?), семь - христианству, и восемь будущему веку. Следовательно, седьмой век - век настоящий. Но не только. Это - судный век, судный час, момент обретения или утраты человеком смысла своего бытия и духовной свободы, то есть веры: "В шести бедах спасет тебя, а в седьмой не коснется тебя зло". (Кн. Иова, 5-19). Это подтверждается и тем, что Суду Божию в поэме уделяется столь большое внимание.

Далее в тексте "Слова" идет фраза, относящаяся к Всеславу, о том, что "ни хытру, ни горазду суда Божия не минути". Об этом же - и в Апокалипсисе: "Но в те дни, когда возгласит седьмой Ангел, когда он вострубит совершится тайна Божия". И уж если для понимания художественного смысла важнее изображенное в произведении соотносить именно с художественным значением, можно вспомнить очень сходное место в "Воскресении" Л.Толстого: "Так прожила Маслова семь лет... Семь лет тому назад он бросил службу". Кстати сказать, это роман о воскресении человека, так же как и в "Слове" это составляет его главное содержание. Не случайно же в нем повторяется рефреном именно это христианское понятие: "А Игорева храброго полку не кресити", потому что воскресает в вере в поэме князь Игорь. Кстати, по Ипатьевской летописи сама битва связана с воскресением: "И тако во день святого Воскресения наведе на ня Господь гнев свой". То есть, как для понимания данного образа, так и смысла происходившего и происходящего, хорошо бы помнить заповедь: "Ищите Царства Божия и правды его, а остальное приложится вам. А мы ищем остального и, очевидно, не находим его" (Л.Толстой, "Воскресение").

Многое в поэме связано с полоцким князем Всеславом, который судя людей, рядя грады, рыскал в ночь волком, дорыскивал до кур Тмутаракани, "великому Хрьсови влькомъ путь прерыскаше". Сегодня, кажется, никто из исследователей не сомневается в том, что речь идет именно о Хорсе, о языческом божестве солнца. Правда, никто пока не соотнес, убедительно не объяснил эту догадку с тем, что изображается в поэме. А потому "Хорс" этот торчит в тексте, выпадая даже из логического ряда, не говоря уже об образном. Как помним, это место поэмы осталось первыми издателями ее непонятым, и они снабдили его специальной пометкой "не вразумительно". Но то были первые издатели, люди образованные, не утратившие способности сомневаться. Не ведают никаких сомнений в понимании этого слова и его значения в поэтическом тексте последующие исследователи. Они обычно понимают это место так, что Всеслав поспевал к рассвету. Но это ведь никак не соотносится с самим повествованием поэмы, с тем, что в ней изображается. Или только потому, что он рыскал в ночь, во тьму... Кстати и "до кур Тмутараканя" часто переводится как до петухов, то есть до рассвета. Может быть и так, но тогда как это соотнесено с повествованием? А никак. Мне же этот образ представляется не столь простым.

Справедливо писал Н.Трубецкой, что в "Слове" "предполагаемые следы язычества также весьма сомнительны... Обозначение певца Бояна как "Велесова внука" не обязательно должно восприниматься мифологически, так как Велес вполне может быть реальным собственным именем реального старца Бояна. "Великий Хорс", путь которого пресекал вещий князь Всеслав, - это не обязательно солнечный бог, столь же свободно (и даже

вероятнее) он может быть каким-нибудь печенежским, хазарским, касожским или ясишским вождем".

Но если даже не брать в расчет эти возможные случайности, отмечаемые Н.Трубецким, слово "Хръс" мы не можем назвать богом по иным соображениям, по тому, что это никак не мотивировано в поэме, никак не связано с тем, о чем говорится в тексте.

Дело в том, что Всеслав в "Слове" олицетворяет, как видно по всему, не христианское, а скорее языческое, в смысле бесовское, миропонимание и образ жизни. В тексте прямо говорится о том, что он уклонялся от Суда Божия. Это был волхв, человек, родившийся от волхования, о чем в "Повести временных лет" под 1044 годом есть поразительная легенда: "В тот же год умер Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, отец Всеслава, и Всеслав, сын его, сел на столе его. Мать же родила его от волхования. Когда мать родила его, на голове его оказалась сорочка, и сказали волхвы матери его: "Эту сорочку навяжи на него, пусть носит ее до смерти". И носит ее на себе Всеслав и до сего дня; оттого и не милостив на кровопролитие".

Всеслав в поэме олицетворяет идею оборотничества и в этом отношении он противопоставлен Игорю, олицетворяющему преображение, что может соответствовать "широким" и "тесным" евангельским вратам. Если так, то по какой логике, в связи с чем Всеслав "прерывал" путь языческому богу Хорсу? Ему-то как раз он и не мог путь прерывать. Ведь это образное выражение того, что он спорил с Богом. Можно понимать, что Всеслав восстал против самого Бога, пресекал путь ему, не шел Божьим путем, дерзал на самого Бога. В таком случае, какому Богу он мог путь прерывать? По логике - только Христу. По этой логике надо понимать, что Хръс в "Слове" - вовсе не Хорс, а обыкновенная монограмма, через титло писавшееся слово Христос... Монограмма имевшая разные начертания, но написанию которой придавалось значение исключительное. Г.К.Вагнер и Т.Ф. Владышевская в книге "Искусство Древней Руси" отмечают, что монограммы Христа в эпоху раннего средневековья играли очень важную роль: "Раннехристианская эмблема Христа состоит из объединенных букв "i" и "Хр", по обе стороны от которых находятся первая и последняя буквы греческого алфавита - альфа и омега, олицетворяющие сущность Христа, его начало и конец. "Аз есмь Альфа и Омега, начало и конец" (Откровение, 1,8). В "Псалтири" мы находим, к примеру, такое начертание: "Хрът".

Что дает нам основание допустить иное значение этого образа? То, что предлагаемое прочтение, хотя и связано с иными текстами, никак не связано с поэмой, ни в чем ее не проясняет, не понятно почему здесь упоминается Хръс, какое значение он имеет в тексте поэмы, а не вообще в русской мифологии. Кроме того, допустить иное прочтение дает основание и то, что неясное и невразумительное для первых издателей "Слова" стало "понятным" всем последующим толкователям, причем с поразительным однообразием, принято как нечто само собою разумеющееся.

Для такого понимания есть и другие основания, в частности то, что сразу за этим сообщением идет упоминание о христианском храме Святой Софии в Полоцке: "Тому в Полотске позвониша заутреннюю рано у Святыя Софеи в колоколы". Именно "тому", то есть в связи с тем, что Всеслав Хръсови "путь прерываше". Ясно, что это могло иметь только осуждающее значение. Тем более, что далее в иносказательной форме говорится о том, что Всеслав избегал Суда Божия: "Ни хытру, ни горазду... суда Божия не минути"... Так на кого же еще, на какого же Бога, кроме Христа мог дерзать волхвовавший язычник... О каком же Хорсе, языческом боге может идти речь, если тут же в тексте поэмы идет упоминание о христианском храме Софии в Полоцке, где Всеслава, видимо, осуждали за

прерыскивание Божеского пути, то есть за вероотступничество. Ни по какой логике Хорс здесь быть не может... Речь, безусловно, идет о Христе... Но если так, это коренным образом изменяет смысл древнерусской поэмы в целом...

Приведу еще свидетельство того, что в поэме говорится все-таки о Христе. На одном из знаменитых, так называемых "Борисовых камней" из полоцкой земли, находящемся ныне в заповеднике Коломенское в Москве, можно увидеть такую монограмму Христа под четко сохранившимся крестом: "Хрьсть". Остановлюсь более подробно на этих камнях, чтобы было ясно о чем идет речь.

"Борисовы камни" довольно хорошо известны в исторической литературе. Любопытно и символично, что открытие первого такого камня относится к 1792 году, то есть именно к тому году, когда был открыт и знаменитый Тмутараканский камень на Тамани. Это был так называемый Рогволодов камень, найденный близ Орши у деревни Листиково. Открыл и описал камень генерал Е.Ф.Канкрин, который в 1818 году послал записку о Рогволодовом камне Н.Р.Румянцеву (Алексеев Л.В. "Е.Ф.Канкрин и история открытия "Борисовых камней" в Белоруссии", "Советская археология" № 2, 1991 г.) На камне была надпись: "В лето 6679 (1171) мая в 7 день доспень крест сей (то есть окончен - П.Т.) Господи помози рабу своему Василию в крещении имени Рогволоду сыну Борисову".

Большинство этих камней связано с именем полоцкого князя Бориса Всеславовича (ум. в 1128) сына Всеслава Брячиславича (1044 - 1101) героя "Слова о полку Игореве", который дорыскивая до кур Тмутаракани, прерыскивал путь Христу, то есть дерзал на Бога. Надпись же на Рогволодовом камне, совершенная князем Василием, внуком Всеслава, сопровождавшая установление креста, как раз и взывает к Богу, к его помощи. Вполне возможно, что это обращение внука к Богу, совершается не без памяти о безбожном деде... Как видим, традиция делать надписи на камнях, установленная Борисом, продлилась в нескольких поколениях.

Совершенно ясно, что такие камни не могли быть надгробиями. Надпись, совершенная 7 мая, в день Знамения Небесного Креста и обращенная к Богу, напоминающая молитву, говорит о каком-то особом, нам теперь не вполне ясном предназначении этих камней. Видимо, можно сказать, что таковыми могли быть первые христианские церкви или часовни, где камень с надписью являлся алтарем под открытым небом...

Всего было известно девять Борисовых камней в северной Белоруссии. Камень, находящийся теперь в музее-заповеднике "Коломенское", считается четвертым, как указано еще в работе А.Сапунова "Двинские или Борисовы камни" (Витебск, 1890 г.): "Четвертый, наконец, самый меньший камень красного гранита лежит у левого берега Двины, почти рядом с третьим, близ впадения в Двину речки Повянушки. В 1879 г. по поручению графа Уварова М.Ф.Кусницкий доставил этот камень в Москву...".

Описание этого четвертого камня дает В.В.Бердников в статье "Двинский или "Борисов" камень в Коломенском" (Материалы и исследования, "Коломенское", выпуск 2, М., 1991 г.). На камне изображен четырехконечный с расширенными концами крест, опирающийся на перевернутый полуовал. Справа и слева от креста сохранились четкие надписи в две строки: слева: с??н/борь, справа: хрь/сть.

Большинство исследователей прочитали эти надписи как "Сильный, храбрый Борис свят". То есть ни у кого не возникло сомнения в том, что ХРЬСТЬ есть ХРИСТОС. И уж тем более никто не заподозрил здесь ХОРСА. Так еще сын Всеслава, так же как и внук его на другом камне, задолго до событий, изображенных в "Слове о полку Игореве" взывал к

Богу, к Христу, что сохранилось в надписи на камне, дошедшей до наших дней... Главное же состоит в том, что язычник Всеслав никак не мог восставать против своего же языческого бога. В этом нет никакой логики и это никак не связано с текстом древнерусской поэмы. Но если, допустим, могло быть и так, какое это значение имеет в поэме? Если же мы принимаем, что Всеслав восставал против Христа, о чем однозначно говорят приведенные мной свидетельства, тогда все, что называется, становится на свои места и согласуется с общим строем поэмы, ее духовным смыслом.

Всеслави уличаются автором "Слова" в том, что они выскочили из дедней славы, обвиняются в том, что своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую, то есть обвинялись в том, что живут не по братским и не по божеским законам. Но тогда на какого Бога дерзал, против какого Бога бунтовал Всеслав? Разве против языческого Хорса? Нет, конечно, он дерзал на Христа, потому и обвиняется в том, что живет не по христианским законам, не по дедовским заветам.

Впрочем, это подтверждается и апокалипсическим смыслом, образа Всеслава, символизирующего антихриста. Это замечено исследователями давно, хотя ему и не придавалось первостепенного значения: "Образ Всеслава - составная часть апокалипсического субстрата "Слова": автор изображает своего героя по образу Антихриста" (И.Клейн "Слово о полку Игореве" и апокалипсическая литература", в кн. "Слово о полку Игореве" и памятники древнерусской литературы", " Наука", Л.1976).

Если, как писал С.И.Котков, "Хорс - олицетворение темной силы... при переходе от язычества к христианству, "добрые" языческие божества, естественно, приобрели иную характеристику. С ними ассоциировалось все ложное, враждебное, темное и злое". ("Хорс в "Слове о полку Игореве"), то Всеслав, восстающий против него, должен олицетворять светлые, христианские силы. Но это ведь вовсе не так. Если же Хорс имел положительное значение, - как пишет В.Кожин, - "с Хорсом связано такое существеннейшее русское слово как "хороший". (Филолог В.Н.Топоров утверждает, что "эта связь представляется несомненной"), то опять-таки непонятно, почему язычник Всеслав восставал против своего бога. Нет, тут что-то не так, вмешиваются какие-то наши уже более поздние воззрения. Ведь борьба, изображенная в "Слове", идет с "поганством", с бесовством, о чем прямо говорится в "Слове" - "дети бесови", ("бусови", по всей вероятности, как пишет Г.Карпунин, тоже - "бесови"). Прочтение же этого слова как "Хорс" не соотносится с художественной логикой повествования. Но коль так, остается полагать, что Всеслав дерзал против Христа, не ведая о том, что "ни хытру, ни горазду" Суда Божия не минути... Как понятно, это коренным образом изменяет как преобладавший до сих пор смысл данной картины Божьего Суда, так и смысл древнерусской поэмы в целом...

Здесь надо сказать о том, что язычество и христианство, как правило, представляются в общественном сознании в хронологической последовательности и соотнесенности, где первое непременно сменяется вторым и никак иначе. Причем эта последовательность зачастую жестко связывается с прогрессом, с цивилизованностью человеческого общества. На самом же деле к области мировоззренческой и духовной такая хронология далеко не всегда приложима, как правило, не приложима. И мы видим, как несмотря ни на какой прогресс, люди впадают в обыкновенное язычество, и тогда прогресс не идет им во благо, а становится источником опасности. Ведь религиозно-духовная и научно-цивилизационная сферы человеческого бытия не пересекаются и не находятся в альтернативной, атеистической зависимости друг от друга, но соседствуют и как бы воспроизводятся во времени. Эта закономерность многое объясняет как в прошлом, так и в настоящем, в том числе и основное противоречие человеческого бытия - между духовной природой человека, в которой он постигает смысл жизни и прогрессом, всегда

остающимся лишь средством жизни. Именно поэтому то, что происходило с человеком и десять веков назад может быть не только понятным, но и необходимым для сегодняшнего человека, живущего вроде бы в иных координатах ценностей.

Многие толкования образов "Слова", - как я уже сказал, - поражают своей несоотнесенностью как с духовными понятиями своего времени (как, впрочем, и нынешнего), так и с текстом самой поэмы.

Если "на седьмом веке" означает "судный час", "Суд Божий", как говорится в "Слове", то тогда вся заключительная картина, в которой говорится о Всеславе, становится вполне понятной. Это и есть картина Божия Суда. Одного из героев поэмы слава приводит на суд, то есть Суд Божий. Объяснять это лишь как испытание битвой, что и делают наши многие исследователи, неполно, так как и за битвой по понятиям человека тех времен, стоял Суд Божий. То есть правым становился все-таки не тот, кто выигрывал битву, но тот, на чьей стороне был Бог, он-то и выигрывал. Предстать пред Судом Божиим, значит предстать пред Богом. Как и в более поздней литературе: "С тех пор как вечный судия Мне дал всеведение пророка..." (М.Лермонтов).

Можно предположить, что в этой картине Божьего Суда речь идет об испытании жребием. Потому-то Всеслав и "верже жребий". Это была форма определения вины человека и шире, - определение его веры и безверия, праведности и греховности.

Вот эта картина "Божьего Суда" в "Слове": "На седьмом веке Трояни верже Всеслав жребий о девицу себе любу... Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь влком рыскаше: из Кыева дорискаше до кур Тматороканя, великому Хрьсови влком путь прерыскаше. Тому в Полотске позвониша заутренюю рано у Святыя Софии в колоколы, а он в Кыеве звон слыша. Аще и вещь душа в дрзе теле, но часто беды страдаше. Тому вещий Боян и первое припевку, смысленый, рече: "Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути".

По устойчивой традиции смысл Божьего Суда состоит не столько в наказании несправедного, сколько в испытании человека, в определении его праведности или греховности: "Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму,.. Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон" (Евангелие от Иоанна, 3-19; 12-31).

В древние времена существовали разные формы испытания, Божьего Суда. К примеру, испытание водой, ядом, когда на не виновных яд не действовал, а виновный погибал. Было испытание просфорой, хлебом. Кстати, эта форма упомянута в Евангелии от Иоанна: "Тот, кому я, обмакнув кусок хлеба, подам". Но это всегда имело высокий смысл определения праведности или греховности человека. Как, впрочем, и в известных стихах М.Лермонтова Божий Суд противопоставлен разврату, бесовству: "Но есть и Божий суд, наперсники разврата..."

Испытывается Божьим Судом и Всеслав в поэме: "верже Всеслав жребий о девице себе любу". Кстати сказать, по логике этого суда, "девица" уж никак не может быть выбираемым им городом, а скорее судьба... Кроме того, тут изображен и один из способов испытания жребием.

Многие исследователи переводят "до кур", как до петухов, в смысле до рассвета. Если так, то непонятно, какое отношение имеет этот "рассвет" к смыслу изображаемого. Но догадка о "петухах" чрезвычайно характерна. Только вот о каких "петухах" речь? Не является ли

это одной из форм испытания жребием, известной на Руси: "В полутемной баньке под лукошко сажали черного петуха. Испытуемых оповещали, что каждый обязан погладить петуха, а уж тот даст знать криком, когда к нему прикоснется нарушитель. Далее - все ясно. С тоской размышляя о неизбежном разоблачении, преступник находил выход - не прикасаться к петуху! Он не догадывался, что петух посыпался мелкотолченым углем. Чистые руки выдавали темную душу! (Ю.Росциус. "Но есть, есть Божий Суд!", "Российская газета" 15.04.95).

Если в тексте поэмы речь идет именно о такой форме испытания жребием, тогда выражение "птицею горазду", как раз и указывает на петуха... Петух же птица действительно горазда, то есть умная. Мифология народов мира придает ему разнообразное, но в то же время и сходное значение. Это - символ восходящего солнца, рассвета, времени. Петух - символ бдительности и бодрствования духа, разгоняет нечистую силу, символизирует так же воскресение из мертвых. "Петушок мой золотой Будет верный сторож твой... Петушок с высокой спицы Стал стеречь его границы..." (А.Пушкин, "Сказка о золотом петушке").

В нашем случае для понимания образа "Слова" особенно важно то, что петух, "птица горазда" является символом бодрствования духа, символом сохранения веры.

Но, как понятно, эта картина Божьего Суда имеет не только такой, реально-бытовой и мифологический смысл, но и евангельский. Ведь петух в Евангелиях оповещает об отречении: "Не пропоет петух, как отречешься от меня трижды... Петр опять отрекся; и тотчас запел петух".

Вполне естественен вопрос: а выдержал ли испытание жребием Всеслав, как рассудил его Божий Суд? Судя по иносказательной припевке Бояна, приведенной в "Слове", припевке явно осуждающей, этого суда Всеслав не выдерживает...

Но если в "Слове" это картина Божьего Суда и испытания, мы вправе задаться вопросом: а почему местом этого испытания избрано столь отдаленное княжество?.. Вопрос риторический, так как именно Тмутаракань оказалась в центре мировоззренческих и духовных противоборств, борьбы за веру, ибо владение ею означало владение хазарами: "владеют русские внязья хазарами до сего дня" (Повесть временных лет. По Лаврентьевскому списку). Можно сказать, что в "Слове" Тмутаракань означает землю, где свершается Суд Божий, где не только укрываются от междоусобицы, но испытываются жребием князя, где проверяется истинность и ложность их веры...

То, что великий А.Пушкин к концу жизни обратился к "Слову о полку Игореве", намереваясь написать поэму о Мстиславе Тмутараканском, то есть поэму из жизни Тмутаракани, является фактом огромного духовного значения. Почему-то из всего многообразия тем "Слова" он выбрал именно Тмутаракань... Но для меня долго оставалось загадкой, почему М.Лермонтов представил Тамань, как "самый скверный городишко из всех приморских городов России". Не мог же он не знать о том, сколь значимо и легендарно это место в истории Руси. На самом же деле и он находился в той духовной традиции, которая шла от "Слова" к Пушкину. Каким-то невероятным чутьем и интуицией он угадал одно из значений ее, которое она имела в "Слове о полку Игореве"... Постигнутое им значение Тамани мне и открылось тогда, когда окольным путем образов я пришел к выводу, что Тмутаракань - это как бы то судное место, где князья испытывались на веру, на праведность, то есть это место борьбы света с тьмою, добра со злом. Иными словами, это место, где бывает нечисто... Но именно об этом говорит казак в

лермонтовской повести: "Плохо, ваше благородие... Здесь нечисто... Нечисто, люди недобрые!"

Становится понятно, что не так уж и не правы те поэты, которые интуитивно понимали Тмутаракань, как производное от тьмы. А стало быть, искать града Тмутаракани в "Слове о полку Игореве" можно понять и как выйти на борьбу с тьмой, побороться за праведную христианскую веру ("побарая за христиан"), побороться со злом...

Правда, распознать такое значение Тмутаракани непросто, так как именно она, в отличие от многих, современных ей городов, сохранивших свои прежние названия, спряталась за новое имя, за новое название - Тамань, отчего, как видим, не изменилось ее мировоззренческое значение. Это место, где пребывает нечистая сила и где неизбежно предстоит борьба с ней...

Кроме того, Тмутаракань в поэтическом авторском понимании есть нечто вроде сказочного "того света", куда уходит Игорь и откуда он возвращается. Это подтверждается тем, что возвращение его изображено явно в сказочном значении. "Тот свет" по представлениям средневекового человека вовсе не означал конца жизни, а напротив есть преображенное продолжение ее. Кстати сказать, упоминание о Кашее в поэме есть явная примета "того света". Так что в поэме воплощен сказочный сюжет ухода на "тот свет" и возвращение из него. А это, как видим, существенно меняет смысл похода князя Игоря, его пленения и возвращения из плена.

Потому, когда автор пишет, что князь Игорь "высиде из седла злата, а в седло Кашиево", это означает не только положение пленника, но и несправедника, который, как сказано в тексте, "лжу убудиста". То есть разбудил ложь, стал жить не по правде, не по Божьей правде. Иными словами автор говорит о духовном падении своего героя. Кроме того, ведь и сегодня выражение быть в седле означает быть на высоте, обрести свое место в жизни, и быть выбитым из седла означает быть выбитым из жизни вообще...

Исследователи позитивистского толка, похоже, и мысли не могут допустить, что исторический поход князя Игоря и изображенный в "Слове", то есть символический, духовный могут и не совпадать. Более того, они обязательно не совпадают. Этим неразличием исторического, точнее реально-бытового и духовного можно объяснить и недоразумение с определением маршрута похода. Его ведут, вопреки логике и возможностям, к Тмутаракани лишь потому, что в поэме говорится о том, что молодые князья отправились "поискати града Тмутараканя". Но в памятнике однозначно говорится, что Игорь вел вой к Дону. Так что в спорах о маршруте и цели похода кроется иное. Это спор вовсе не о вариантах маршрута, а об историческом и духовном в поэме, в русской литературе вообще...

Основная опасность, грозящая человеку в его земной жизни - это крамола, то есть уклонение его от своей, судьбой данной веры, от своей духовной человеческой природы, от законов человеческого бытия. Через это обстоятельство изображаются, пожалуй, все герои "Слова". Даже полоцкий князь Всеслав, который так же, как и князь Игорь, устремляется в Тмутаракань, по-видимому, по иным, противоположным причинам. Ведь получить жребий, значит получить отпущение грехов, а бросать жребий, о чем говорится в связи со Всеславом, значит пытаться свою судьбу, в конечном счете искать своего Бога: "Я теперь посылаю тебя открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верую в меня получили прощение грехов и жребий с освященными" (Деян.26-17,18).

В названии же поэмы, как понятно, заключающем его основной смысл, слово полк понимается или как рать или как поход. В то время как совершенно ясно, что полк в данном случае означает не просто поход, но путь, земной путь человека, ибо все мы на земле странники. Таким образом, название поэмы уже говорит о том, что она - о жизненном пути князя Игоря, о его судьбе, о том, что стало в ней основным событием, о том, через какие испытания проходит человек в своем земном пути, как обретает праведность и как спасается в вере...

Настойчивое и даже назойливое оязычивание "Слова", то есть выискивание языческих божеств, образов и мотивов там, где их нет или где они присутствуют опосредовано, кроме явной натяжки имеет еще и неприглядную сторону, имеющую прямое отношение к нынешним идеологическим поветриям. Дело в том, что само понятие "языческое" употребляется теперь в двух значениях - как предшествующее христианскому, которое, как известно, не было в непримиримом конфликте с ним. И "языческое" в смысле бесовское, искажающее духовную природу человека, которое продолжается во все времена. Но часто "языческое" в значении бесовское относят к дохристианскому, что до неузнаваемости искажает картину человеческого мира.

Это оязычивание осуществляется с помощью несложных, но испытанных пропагандистских приемов. К примеру, "Российская газета" публикует безымянную заметку "Откуда взялось "Слово" (15 сентября 1995 г.), в которой сообщает, что "исследователи предложили оригинальную версию объясняющую происхождение "Слова о полку Игореве", что "это памфлет большой политической силы, в нем в частности высказывается идея политического возмездия: русские князья получили сокрушительное поражение, потому что приняли чужую веру - христианство и предали веру своих предков". Какие именно исследователи "предложили", неведомо. Никаких имен. Не говорю, что это исключительно чей-то злой умысел. В области идеологии все свершается по другим законам, подчас неосознанно. Перед нами явный пример того как литература, в том числе и древняя, ставится на службу современной политике, где "политическое", как видим, становится ценнее духовного и человеческого. Такая публикация, запущенная в массовом издании, конечно же, играет роль провокационную, так как это не что иное, как нынешний, новый идеологический фетиш посткоммунистического периода, никакого отношения к мировоззрению автора "Слова" не имеющий. Дело в том, что с тех пор, как в обществе нашем быть атеистом стало непопулярным, атеисты не стали во мгновение ока верующими, и тогда они отыскивали хитрую "философию", которая позволяла им в мнении общества быть уже вроде бы и не атеистами, а даже как бы верующими и в то же время освобождала их от той работы души, переоценки своего бытия и покаяния, которые-то и могли привести их к истинной вере. Таким образом атеисты остались такими же атеистами как и прежде. А "философия" их при этом такова: когда-то, мол, до христианства на Руси была замечательная, истинная вера, но пришло христианство и исказило ее... Такой хитрый ход придуман, дабы не вернуться в лоно своей истинной, народной веры... Приведу одно из таких свидетельств неоатеизма: "Вглядываясь в историю нашего народа, можно увидеть всю ту трагедию, которая совершилась более тысячелетия назад. Надо набраться мужества и с грустью признать то, что идеологические метастазы по нейтрализации самосознания русской нации были заложены в далеком 988 году" ("Язычество", вып.5, Киев, 1994 г.). Выдается это конечно же за патриотизм. Но ни о чем ином кроме как о страшном невежестве, абсолютном непонимании сути православия и новой, еще более опасной форме атеизма это не свидетельствует. Мотивируется же подобная "патриотическая" философия, конечно же, тем, что, якобы христианством "русский народ был насильственно оживлен". Но мне-то думается, что именно эта новая скрытая форма атеизма и есть проявление традиционной ереси жидовствующих...

Немало в "Слове" и других апокалипсических образов, и не только в общих картинах разоренной Русской земли, потрясенного мироздания, противоборства "тьмы" и "света", но и в каких-то конкретных образах. Видимо, у русских дружин были какие-то приспособления для подавания сигналов и воодушевления ратников перед битвой. И все же торжественное словосочетание "трубы трубят" - "Трубы трубят в Новеграде... Трубы трубят городеньские" - однозначно говорит об их символической, апокалипсической природе. Трубы, возвещающие о появлении Ангелов...

Есть в тексте "Слова" и загадочные "багряные столпы", тоже символизирующие явление ангельское: "Но то был не огненный столп, а явление ангельское: ибо ангел так является - иногда столпом огненным, иногда пламенем". ("Повесть временных лет"). В тексте поэмы говорится о том, что оба багряные столпа погасли, то есть Ангелы оставили князей, рано начавших свой поход в половецкую землю, "не честно", пытавшихся ее одолеть. Как видим, образно выражено то, что содержалось в златом слове Святослава - порицание и осуждение молодых князей. Наконец, в поэме есть и апокалипсический "зверь", точнее - свист звериный... Все это убедительно говорит о том, что "Слово" в отношении мировоззренческом имеет христианскую основу, восходящую к "Откровению святого Иоанна Богослова". Обратим внимание на прямую текстовую перекличку "Слова" и "Откровения святого Иоанна Богослова", имеющую, безусловно, не случайный, а символический смысл: князь Святослав восседал в Киеве, на горах... Так же, как в Нагорной проповеди Господа нашего Иисуса Христа: "Он взошел на гору". И здесь Святослав, конечно, как бы уподобляется светочу веры, все делающим для того, чтобы те, кто шел во тьму, как Игорь, стали светом мира: "Вы соль земли. Вы свет мира"...

Обычно исследователи полагают, что "Слово" было не в чести у церковников из-за своей языческой, мировоззренческой основы. Но говорить о языческой основе поэмы, как я уже отметил, нет никаких оснований. Если "Слово" и почиталось в среде церковников крамольным то, думается, по другим причинам. Потому, что по строю своему, по надрыву, восходило к последней книге Нового Завета, Апокалипсису, книге не богослужебной, к которой церковники относились настороженно...

И хотя "Слово о полку Игореве" по своему строю и трагическому тону сближается с Апокалипсисом, оно вместе с тем проникнуто евангельским чувством братства, а в финале поэмы - евангельской радостью обретения веры. Можно, видимо, сказать, что "Слово" отразило приятие евангельской истины всем складом русской души. Это просматривается даже в самой последовательности - зывание к братству, завершается радостью обретения веры. Подтверждается это и тем, что в поэме, так же, как и в "Слове о законе и благодати" митрополита Илариона есть все тот же спор о вере, но не продекларированный, а выраженный образно, угадываемый по приметам, как и должно в произведении художественном.

Нам же важно заметить, что дерзание Всеслава против Бога, против Христа, прямо связано с Тмутараканью. Кажется, что Всеславу только потому и уделено столь много внимания в поэме, чтобы показать эту какую-то глухую борьбу, имеющую значение всеобщее, но происходящую в Тмутаракани, во всяком случае, каким-то, теперь уже неведомым нам образом с ней связанную. И в то же время имеющей прямое отношение к судьбе Русской земли. Причем, в самой трагической форме, вплоть до ее гибели...

Нельзя не заметить и того, что Тмутаракань была не только пристанищем опальных русских князей, где они якобы были в безопасности. Там действительно шла какая-то глухая борьба, нам теперь не во всем и понятная. "В лето 1079... А Олега хазары захватив, отправили в море к Царьграду, Всеволод же посадил в Тмутаракани посадника Ратибора...

В год 1083 пришел Олег из греческой земли к Тмутаракани и схватил Давыда и Володаря Ростиславича, и сел в Тмутаракани. И иссек хазар, которые советовали убить брата его и его самого, а Давыда и Володаря отпустил...". Уже в этих кратких записях вполне определенно проступает, что междоусобица князей происходила при "посредничестве" хазар, как видим, не без их коварных интриг...

Обыкновенно считают, что в "Слове о полку Игореве" изображена борьба русских князей с половцами и не более того. Но тут обнаруживается явная несообразность. Ожесточенность борьбы, угроза не только земле Русской, но и всему мирозданию, апокалипсически выраженные в поэме, никак не вяжутся с теми реальными отношениями, которые были между русскими князьями и половецкими ханами, с тесными родственными связями их. Стенания автора о гибели всей Русской земли никак не выходят из изображенной в поэме битвы, причем происшедшей в результате нападения на половцев, а не половецкого нашествия. Это одно из основных свидетельств того, что в "Слове" изображена иная битва - за веру, сердца и умы русских людей...

Взаимоотношения же русских князей с половецкими ханами мало чем отличались от взаимоотношений их друг с другом, где были и союзы, и распри, и ожесточенные битвы. Следовательно, речь в поэме не только о половцах, не только о борьбе с ними, да и вообще не только об открытой военной борьбе, но о борьбе иной. Удивительно, что уже первое летописное сообщение о появлении половцев, говорило о них не только как о военной силе, угрожающей земле Русской, но как о безбожниках: "В лето 1061 впервые пришли половцы войною на Русскую землю... То было первое зло от поганых и безбожных врагов..." Почему так, если для того вроде бы не было причины? Да еще говорится, что поганые приходили со всех сторон, а не только со Степи: "Со всех стран прихождаху"... Ясно, что со всех сторон приходят враги на брань духовную. Не удивительно ли это совпадение в романе Ф.Достоевского "Братья Карамазовы", в словах старца Зосимы: "Народ божий любите, не отдавайте стада отбивать пришельцам, ибо если заснете в лени и в брезгливой гордости вашей, а пуще в корыстолюбии, то придут со всех стран и отобьют у вас стадо ваше. Толкуйте народу Евангелие неустанно..."

Под "погаными" в "Слове" разумелись не только и не столько половцы, но иноверцы, "дети бесов". И здесь в центре внимания почему-то и оказывается Тмутаракань. Не потому ли, что после разгрома Хазарского каганата, этого загадочного, таинственного феномена истории, "в Тмутаракани хазары сохраняли свои позиции и позже" (В.Кожин). Как писал Л.Гумилев "удар Святослава по иудейской общине Хазарии был жестоким, но не окончательным. Возвращаясь с Нижней Волги через Саркел, он миновал Кубань и Крым, где остались хазарские крепости, контролировавшие торговлю с Византией, за счет которой поступали доходы для содержания небольшого государства, центром коего была в 966-986 гг. Тьмутаракань" ("Наш Современник", № 8, 1991 г.).

Хазарская тема появляясь уже на первых страницах "Повести временных лет", занимает центральное место в произведениях древнерусской литературы богословского и публицистического характера. Собственно говоря с хазарской темы в "Слове о законе и благодати" за сто пятьдесят лет до "Слова о полку Игореве" русская литература и началась. Да ведь и понятно, ибо "хазарское иго было, без сомнения, гораздо более опасным для Руси, чем татаро-монгольское" (В.Кожин). Причем, уже на страницах летописи эта тема, направленная против государственной религии хазарского каганата иудаизма, появляется в том ее значении и смысле, в каком она остается и теперь: "Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: "Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого бога Авраама, Исаака и Иакова". И спросил Владимир: "Что у вас за закон?" Они же ответили: "Обрезываться, не есть свинины и заячины, хранить субботу". Он же спросил: "А где земля ваша?" Они же сказали: "В Иерусалиме". Снова спросил он: "Точно ли она там?" И ответили: "Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам". Сказал на это Владимир: "Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны?"

Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?"

Может показаться, что художественная литература, в частности "Слово", в отличие от публицистики и проповедей, хазарской проблемы с такой определенностью не касалась. Даже сложилось впечатление, что литература была "о двух главах": "Русская литература с самого начала была о двух главах, о двух "словах" (Г.Анищенко "Вопросы литературы", № 8, 1991 г.). Имеется в виду обнаженная публицистичность "Слова о законе и благодати" митрополита Илариона и "Слово о полку Игореве", где эта брань духовная якобы именно в таком значении и вовсе отсутствует. Мне же думается, что это объяснимо почти исключительно образной природой художественной литературы и традиционным недоверием к ней, где публицистической прямоты и определенности и не должно быть. Удивляет и то, что хазарская тема, занимающая столь важное место в воззрениях той поры, в толкованиях "Слова о полку Игореве" оказалась как бы отрезанной, напрочь отсутствующей. Между тем, и в поэме она занимает по сути такое же место, как и в "Слове" Илариона, с той лишь разницей, что если в "Слове" Илариона это выражено риторически, публицистически, то в "Слове о полку Игореве" - художнически, образно. Можно даже сказать, что основная тема "Слова о полку Игореве" - такая же как и "Слова о законе и благодати" митрополита Илариона - противоборство вер, брань духовная. Именно вер, а не религий, что в последующие времена облеклось в противоборство образа мыслей, а в наше, духовно оскудевшее время в противоборство, так сказать, человеческих менталитетов, что с предельной определенностью сказано в президентском послании о приоритетах национальной безопасности США - "защита образа жизни"... Подтверждается это и тем, что для США отстаивание своего "образа жизни" является элементом национальной безопасности, а для России - шовинизмом...Но все это разные формы все того же до сих пор живущего положения, которое было выражено уже в "Слове" Илариона:

Ибо иудеи при свете Закона себя утверждали,
Христиане же при благодетельном солнце свое спасение жиждут;
Ибо иудеи тенью и Законом утверждали себя, а не спаслись,
Христиане же истиной и Благодатью не утверждают себя, а спасаются.
Ибо среди иудеев - самоутверждение, а у христиан - спасение.
Как самоутверждение в этом мире, спасение - в будущем веке,
Ибо иудеи о земном радели, а христиане же - о небесном.

Здесь-то мы и подходим к объяснению того, почему в древнерусской поэме вроде бы неожиданно столь большое значение придается Тмутаракани. Остается пока внятно необъясненным: почему поэма начинается с событий в Тмутаракани и в частности с единоборства храброго Мстислава, князя Тмутараканского, с Редедей. Да, в толкованиях мы находили пояснения кто такой Мстислав и кто такой Редедя, но каков смысл имело их единоборство, зачем-то названное в самом начале поэмы, оставалось по сути неясным. Между тем, Тмутаракань потому и занимает центральное место в "Слове о полку Игореве", что она находилась как бы в начале той брани, которая составляет главное содержание поэмы. Ведь Тмутаракань была передовым форпостом Руси в противоборстве с хазарским иудаизмом и после падения каганата. Противоборство не исчезло, так как это была борьба не столько с государством, сколько с такой верой и мировоззрением, которые изнутри разваливали Русь, превращая ее в данника и вынужденную воевать за чьи-то интересы. Да ведь Тмутаракань стала русским княжеством в результате хазарских походов Святослава: " Выйдя к Азовскому морю, он основал в районе Кубани крепость Тмутаракань, ставшую впоследствии столицей русского Тмутараканского княжества" (Митрополит Иоанн). Вместе с тем это был форпост союзничества с единоверной

Византией. Уже по приведенным мной выпискам из летописи видно, что там, в Тмутаракани шла напряженная внутренняя борьба.

Можно с уверенностью утверждать, что потому-то Тмутаракань и занимает центральное место в "Слове о полку Игореве", что в поэме изображено продолжение все той же борьбы, которая велась в Тмутаракани. Это, кажется, почувствовал еще А.Мусин-Пушкин, писавший, ссылаясь на уже известный нам факт: "Хотя соединенные силы Византии и Тмутараканского князя положили конец хазарской державе, но это вовсе не означает, что сразу же бесследно исчез и весь многочисленный хазарский народ, как таковой. И действительно, уже значительно позже, после катастрофы 1016 г. мы видим организованную силу хазар, которые мстя тмутараканцам, в 1016 г. поймали князя Олега Святославича, владевшего Тмутараканью, и "отослали к его врагам - в Царьград на заточение", где он, пробыв три года, был выпущен греками и, возвратясь в Тмутаракань, побил всех тех хазар, которые были тому причиною".

Хазарский народ после падения каганата, конечно, никуда не делся, а оказался разделенным по разным государствам. Иудейская же правящая верхушка переместилась в Крым, где издавна было ее пристанище, и в Тмутаракань. Искать хазарский народ после падения каганата примерно то же, что искать советский народ после падения Советского Союза. Народы остались те же. Просто им сначала с жестокостью и остервенением приклеили ярлык "советский" с коммунистической идеологией, а потом, через время, когда он прирос, стали отрывать его с кровью. То есть, это игры чисто идеологические. Но ситуация ведь удивительно сходна...

Думается, что потому-то в начале поэмы и упоминается о противоборстве храброго Мстислава, что он играл какую-то исключительную роль в борьбе с иудейским Хазарским каганатом, в той борьбе, которая и потом продолжалась и для автора "Слова" оставалась основной: "Известно, что в начале XI в. Хазарское царство, побежденное союзными силами византийцев и русских, пало. Произошло это в 1016 г. когда император Василий II послал в Хазарию свой флот под предводительством Монга, сына Андроникова, который с помощью Мстислава Тмутараканского (сына Владимира) покорил страну хазар, взяв в плен кагана Георгия Чулу в Крыму" ("Караимская народная энциклопедия" т.1, М., 1995 г.).

Итак, становится вполне понятно, почему в начале "Слова" упомянуты тмутараканские князья, зачем изображено противоборство Мстислава с Редедеем и почему далекая и вроде даже какая-то не вполне реальная, туманная Тмутаракань занимает в поэме центральное место. Там шла такая борьба, та брань духовная, которая имела первостепенное значение и во времена автора "Слова", от которой зависело само существование Руси, как государства и народа. Там шла та борьба, которая продолжилась в веках вплоть до нашего времени, не только не утихая, а наоборот, приобретая вселенские масштабы, изменяя, правда, свои формы проявления. И мы, пережившие страшную трагедию России в двадцатом веке, должны, к сожалению, признать справедливость того, о чем писал Дуглас Рид: "Допуская некоторое упрощение, можно рассматривать всю историю Европы, и в особенности историю двадцатого столетия, как борьбу Моисеева закона с Новым Заветом, борьбу проповеди любви с доктриной ненависти, борьбу между людьми, стоящими за тем или другим из этих мировоззрений" ("Спор о Сионе", Иоганесбург, 1986).

Тмутаракань, находясь в выгодном географическом и геополитическом положении, играла решающее значение для Хазарского каганата. Здесь находилась хазарская застава, контролирующая значительную часть черноморской торговли Самкерц, Таматарха. Позже Тмутаракань.

В силу такого своего положения Тмутаракань оказалась в эпицентре борьбы Руси с Хазарией, за выход Руси к Черному морю, точнее за восстановление своего господства на Русском море.

Разве нынешняя борьба за влияние на Черном море, из которого Россия жестко вытесняется, имеет не тот же, что и в древности смысл? Не удивительно ли, что в наши дни интересы вновь схлестнулись на Керченском проливе?.. А борьба за косу Тузлу, поражающая с точки зрения правовой своей невняtnостью и запутанностью, убедительно свидетельствует о том, что происходящее ныне в этом регионе имеет все тот же средневековый смысл. Оно, естественно, имеет иную мотивацию, но смысл все тот же...

Как видим, "Слово о полку Игореве" - это поэма не только и не столько о борьбе с половцами, но о борьбе с "погаными", то есть с иноверцами, о борьбе за веру, борьбе, которая проходит через сердца и души людей... Можно и нужно, конечно, искать следы Тмутаракани в Степи, но основные ее проявления - во всей многотрудной и трагической истории Руси и России...

Остается еще одна загадка в определении той злой силы, которая терзала Русскую землю. Как говорят исследователи, истолкование этого места "и в настоящее время продолжает оставаться спорным". Имею в виду непонятное слово, которым так же назван в поэме противник - хинови. Это слово употреблено в тексте дважды. В значении страны или народа. "Хиновские" стрелы названы в плаче Ярославны. Молодые князья своим походом в Степь "великое буйство подает Хинови", то есть надо полагать разбудили какую-то злую силу. Ученые исследователи резонно пришли к выводу, что слово это, точнее корень "хин" указывает лишь (что значит "лишь"?), на враждебную русским силу". Энциклопедия "Слова о полку Игореве", т. 5, СПб, 1995). По нашей логике, и по строю поэмы можно предложить, что хинови и есть хазары, так как слова эти совпадают по своему значению в тексте поэмы.

Ясно, что когда мы говорим о хазарах, то имеем в виду не первоначальный этнос, подвергшийся духовному остракизму и в конце концов погибший. В системе наших представлений это название обозначает представителей иного мира, основанного на иудаистских представлениях и противопоставленного миру христианскому.

Но это все догадки, - может сказать дотошный и маловерный читатель. Ведь в тексте поэмы нет указаний на правомерность такого сопоставления миров и цивилизаций... Мне же кажется, что такие указания в тексте есть. И состоит оно именно в том, что противники Игоревой рати кроме того, что они называются половцами и погаными имеют еще одно загадочное название - хинови, которое так и осталось исследователями не истолкованным. Кто же такие хинови, загадочные противники Руси? По логике нашего прочтения поэмы - это какие-то "поганые", но уже более конкретизированные. А.П.Новосельцев в упомянутой книге "Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа" пишет: "Особенно любопытны сведения Мовсеса Каланкатваца... этот автор отождествляя хонов и хазир, явно говорит об их связи". То есть, это один из народов, влившихся в хазарский этнос, или одно из названий хазар. Вполне возможно, что в тексте "Слова" - это одна из форм некоего обобщенного их наименования, такая же, как "поганые".

Исследователями остается по сути незамеченным тот, вроде бы странный факт, что в "Слове о полку Игореве" почему-то упоминается дань хазарская... Ведь как известно,

половцы дани не брали вообще. Но сам факт упоминания о дани, не только не имеющий реально-исторической основы, но противоречащий ей, уже говорит о том, что она имеет некое символическое, образное значение. Но согласно "Повести временных лет" это дань хазарская: "По беле от двора".

О дани хазарской писали, но не о той, которая помянута в "Слове". Писали о дани мечами, которую хазары потребовали от полян и которую никак иначе и истолковать невозможно, как то, что "у полян было изъято оружие" (Л.Гумилев, "Сказание о дани хазарской", "Русская литература" № 3, 1974 г.). Но вполне возможно, что это - художественный образ, а не дань как таковая. Я же имею в виду ту дань, которая помянута в "Слове": "емляху дань по беле от двора". В "Повести временных лет": "А хозари имаху на полянех, и на северех, и на вятичех, имаху по беле и веверице от дыма". Если эта странная дань означает белку, то почему рядом названа веверица - белка... Если по белой монете, то тягостным ее бремя не могло быть, в то время как в тексте "Слова" она имеет значение самой большой напасти. В "Повести..." кроме того называется дань деньгами. К примеру, Олег, когда начал ставить города, возложил дань на варяг "от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира". Но это иная дань. Нас же интересует то, почему в поэме названа дань хазарская, которая здесь была вроде бы совершенно неуместной. Может быть, дело в том, что как писал Г.Карпунин: "...что же касается половцев, то они были в южнорусских степях преемниками хазар, которые, как известно, исповедовали иудаизм и в свое время пытались навязать его Владимиру. Бог иудеев - Иегова. Вот отсюда, я думаю, и идет эпитет, прилагаемый к половцам - готы...". Иными словами, половцы набегали на землю Русскую по наущению тмутараканских хазар. Само же упоминание в "Слове о полку Игореве" о дани хазарской является, пожалуй, главным подтверждением того, что хазарская тема присутствует в поэме именно в том значении, о котором я говорю.

Что же касается самого значения "по беле", то окольным путем символов и образов я выводил еще в 1987 году в книге "Слава Игоревой рати", что это по всей вероятности, "дань кровью", по беле - значит по женщине, по девице от двора, что было в те времена правилом и обыкновением. Но я не смог найти лексического подтверждения этой догадки. А такое подтверждение, оказывается, есть. Леонид Терехин в статье "Шкурка белки - дань или гиль?" опубликованной в "Литературной России" писал: "Что же это за дань была? Она - самая тяжелая из всех налагаемых погаными даней: русичи платили за свое поражение живой данью - невестами, сестрами, женами... Побела - рабыня на продажу от сохранившегося в словаре Даля слова "обел"- крепостной, раб, холоп..." (№ 21, 1994 г.).

Кажется даже удивительным, что столь простое слово ввело в такие долгие заблуждения исследователей. Ведь белица - это женщина, девушка, живущая в монастыре, но не постриженная в монахини. Слово это в русском языке было довольно распространенным. К примеру: "Мы белицы, мирское нам во грех не поставится" (А.Печерский).

Таким образом, здесь названа самая губительная, самая унижительная дань кровью. И может вызвать лишь удивление, что современный исследователь А.Кузьмин, утверждает, что "хазарская дань не была тяжелой" ("Молодая гвардия", № 5-6, 1993). Дань эта помянута в ряду самых тяжелых напастей, от которых гибла Русь и рушилось мироздание... Такое утверждение - за гранью логики, а потому можно лишь гадать чем оно вызвано. Видимо, неточным прочтением "по беле"...

Вообще в толковании дани хазарской у исследователей выходят почему-то одни невнятицы. Что такое "по беле" решили просто и однозначно - по монете. Правда, оставалось неясным, почему столь небольшая дань, как следует из текста поэмы, грозила гибелью Руси и даже крушению всего мироздания... Ведь как говорится в Иоакимовой летописи, "это были дани тяжкие". Почему летописная дань хазарская "по беле", вдруг и вроде бы вскользь, повторена в "Слове о полку Игореве", об этом и вовсе умалчивается. Но зато объясняют дань, взимаемую с полян - мечами. Это, мол, свидетельство покорения полян, их разоружения. Я же думаю, что тут по обыкновению иносказание, образное выражение понято буквально. Дань мечами, значит дань воинами, то есть опять-таки людьми, которых хазары, как известно, мобилизовывали из разных народов. Да и не только хазары, это было обыкновением всех завоевателей тех времен. А обоюдоострый меч при этом означает, что подневольный воин не всегда надежен, так как может повернуть оружие и против своего нежданного господина... И потом, дань мечами в буквальном смысле слова немыслима, невозможна вообще, потому что дань как таковая предполагает регулярное и постоянное ее изъятие, а не единовременное. А это в свою очередь предполагает производство оружия. О каком же при этом покорении полян может идти речь если есть оружие для своей защиты... Видимо, слишком просто понял значение дани хазарской в "Повести временных лет" и Сергей Лесной (Парамонов) в своей книге "Откуда ты, Русь?" Выражение "имаху по беле и веверице от дыма" он прокомментировал следующим образом: "Так как писали сплошняком, а буквы "й" не употребляли, то сплошняк был разбит неверно - следовало бы: "по белой веверице". Иными словами речь идет о горностае. Но сам факт того, что в "Слове о полку Игореве" эта же дань названа "по беле", без "веверицы", уже опровергает догадку исследователя. И говорится о ней в "Слове" не как о какой-то пусть и тяжелой, но неизбежной плате, в буквальном смысле слова, а как о страшной напасти, ставящей под угрозу само существование Русской земли... В самом деле, странно, что автор "Слова" согласно такому толкованию, называет не саму дань, а ее определение, ее свойство, качество - белая. По логике же он должен был назвать саму дань. Так получается, что он назвал лишь ее свойство - по белой... Явная неточность. Совершенно очевидно, что в самом выражении "по беле" уже говорится о дани, о том, что это была за дань.

Можно полагать, что автор "Слова" не прямо, но образно нашел возможность сказать современникам своим об истинной опасности, угрожающей Русской земле - иудео-хазарской вере и вытекающей из нее хазарской политике.

Не достичь Тмутаракани, как конкретного княжества и символа былого величия, но истребить зло, от нее исходившее и исходящее - зло хазарского миропредставления. Так можно понять автора "Слова". Видно, потому он вроде бы не к месту и поминает дань хазарскую, его современникам хорошо известную...

Но позвольте, может возразить нам исторически подготовленный, беспристрастный читатель. О каком противоборстве Руси и Хазарского каганата может идти речь, если к тому времени, когда создавалось "Слово о полку Игореве" Хазарского государства уже давно не было. Совершенно верно. Но мы-то говорим вовсе не о государствах, как носителях той или иной политики, а об идеологии, как образе мышления и характере веры, как представления о мироустройстве. Ведь даже и к тому времени, когда митрополит Иларион создавал свое "Слово о законе и благодати", Хазарского каганата тоже уже не было и тем не менее противостояние вер было для него не просто злободневным, но решающим и кричащим... Столь страстно Иларион говорил о противоборстве вер потому, что оно составляло в его время главный идеологический и мировоззренческий узел, от разрешения которого зависело быть или не быть Руси, русскому народу вообще...

Но, может быть, во времена автора "Слова о полку Игореве" эта проблема уже притупилась? Вовсе нет. К тому же Тмутаракань стала частью Хазарского каганата с середины VII века, то есть еще до принятия его правящей олигархией иудаизма в конце VIII века. Об этом убедительно говорят археологические свидетельства: "При раскопках таманских городищ найдено огромное количество надгробий с иудейской символикой. Этот факт говорит о том, что иудейская религия распространялась на широкие слои таманского населения IX-X вв.". (О.В.Богословский в кн. "По страницам истории Кубани", Краснодар, 1993). Кстати сказать, никаких надгробий русских людей там почему-то нет, во всяком случае в Таманском краеведческом музее...

Итак, в древнерусской поэме постигается тот духовный путь, по которому совершается человеческая жизнь и судьба русского народа. Как, впрочем, и во всяком поистине художественном произведении. Не просто военная борьба русских ратей с половцами составляет содержание поэмы, а борьба иная, та, которая происходит в душе человеческой, которой определяется каждая человеческая судьба и ход мировой истории, которая по природе своей не может быть лишь фактором прошлого, ибо сопровождает человека во все времена, в течение всего его земного бытия...

В "Слове о полку Игореве" постигнуто на все времена понятное, а сегодня особенно остро проявляющееся противоборство, которому разные эпохи придавали свою форму, но отчего не изменилась его сущность... "Слово о полку Игореве" - поэма о том, как погибает без веры и как спасается в вере человеческая душа. Можно лишь удивляться тому, что в древнерусской поэме XII века в классической форме представлено романное мышление, то есть то, чего потом долго не будет в русской литературе и что проявится в ней лишь в XIX веке...

Хочу особо отметить, что говоря о вечном противоборстве, я не открываю ничего нового, а лишь указываю на явление известное. Это то психологическое и мировоззренческое состояние, о котором писал В.Розанов и которое характеризуется "построением возможной действительности на месте существующей", что грозит порвать "правильный ход истории". Говоря об источниках этой потери чувства действительности, В.Розанов определял ее как "некоторый протекающий в истории психоз".

Мне кажется, что изучение "Слова", превратившееся уже давно в некую самостоятельную науку, зашло в какой-то трагический тупик, когда накопление фактов, соображений и догадок перестало служить более глубокому пониманию поэмы, а наоборот, обнажило упрощенность подхода к ней. Стало ясно, что позитивистский, атеистический по сути подход к ней себя исчерпал.

И если мое прочтение поэмы и ее отдельных образов покажется кому-то слишком уж нетрадиционным, непривычным, несогласующимся с тем, как их толковали ранее, в этом нет ничего удивительного. В нашей русской истории, точнее в толковании ее, немало было таких нелепостей и недоразумений, которые держались стойко даже тогда, когда доказывалась их абсолютная несостоятельность. О литературе и говорить нечего, тут губительный позитивистский подход, кажется, был всегда преобладающим.

Представляется, что прочтение "Слова" именно как художественного памятника, напоминает пресловутую "норманскую" теорию происхождения Руси, представляющую собой "плод трагического и весьма печального недоразумения" (Сергей Лесной (Парамонов)). Поскольку открытие "Слова" в свое время показало, что русская культура тех времен поднималась до таких высот, с которыми не могла сравниться вся западноевропейская литература, и этот поразительный факт игнорировать было невозможно, ибо сомнения в подлинности поэмы оказались несостоятельными, принялись толковать древнерусскую поэму так, что у неискушенного читателя складывалось впечатление, что ничего особенного в ней нет, что она мало чем отличается от других письменных памятников своего времени, что это всего лишь один из источников исторических фактов. Да и могло ли быть иначе, если все дело изучения "Слова" сводилось то к разгадке маршрута похода, что можно было делать и помимо поэмы, то к разгадкам ее авторства, но только не ее духовного смысла, той апокалипсической и человеческой драмы, которую явил автор в своем миропонимании, в судьбах изображаемых им героев. И все ради того, чтобы отвлечь внимание читателей от положения очевидного: великой литературы без мощного народного духа не бывает...

Вообще многие недоразумения и даже нелепицы в толковании образов "Слова" вызваны зачастую низкой эстетической культурой, недоверием к образной природе художества вообще, что является проявлением недоверия к духовной природе человека. Ну и конечно же, преобладанием позитивистских упрощенных представлений.

Какие только догадки не выдвигались, к примеру, о Бояне, о том, что "тогда пущашеть десять соколов на стадо лебедей..." На самом же деле это обычное образное представление, такое же, как, скажем, в стихах Николая Рубцова:

И дубы вековые над нами
Оживленно листвою трясли.
И со струн под твоими руками
Улетели на юг журавли.

В стихах современного поэта никто ведь не пытается выискать журавлей в буквальном смысле слова. Но вот у древнего певца "соколы" и "лебеди" в образном смысле почему-то не воспринимаются...

Основанием для такого сравнения и сопоставления творений разных времен является то, что художники во все времена творят по сути, по единым законам образности. Ссылки же на "прогресс", который якобы изменяет и образную природу художества, неубедительны. Они-то как раз и доказывают преобладание позитивистского мышления, которому образные представления просто недоступны, а вместе с тем, недоступна и тайна бытия человеческого...

К сожалению, значительная часть исследований по "Слову" посвящена прояснению лексического значения входящих в него слов, в то время как это лишь первый, начальный этап прочтения всякого произведения. Главное же состоит в том, чтобы установить, какое

значение то или иное слово имеет в тексте произведения, ибо, как понятно, словарное значение лексики и его значение в тексте памятника далеко не одно и то же.

К примеру, большинство исследователей справедливо сходятся на том, что дважды упоминаемый в поэме Див есть некое мифическое существо, которое вначале кличет князя, а потом "вержеся на землю". Но ведь мало объяснить что значит это слово в мифологии вообще, мы ведь не просто мифологию изучаем, но читаем текст древнерусской поэмы... А потому главное состоит в том, чтобы понять: зачем он здесь упоминается.

Образ мифического существа Дива есть не только в русской мифологии, но и у других народов. В тюркско-монгольском языке Дев - это великан, мифическое существо, которое может летать, служить людям, покорившим его. Кроме того, оно владеет искусством оборотничества. Вполне возможно, что именно это свойство Дива и оправдывает его появление в поэме. Ведь одной из основных тем "Слова" является противопоставленность оборотничества, которое являет Всеслав, и преобразования, которое являет Игорь.

Див кличет Игоря вначале, то есть искушает его, как бы склоняет его к оборотничеству, как более простому в сравнении с преобразованием, которое понимается более широко, как обретение веры, как сохранение человеческого облика.

Кажется удивительным и странным, что в наше время - время новой, очевидной, как всегда во многих мере рукотворной, а потому и невнятной смуты, уже явной междоусобицы, "суверенизации", то есть умышленного разделения и дробления страны на уделы, время духовной отчужденности, утраты родства между людьми, человеческого сиротства, время крамолы, не предпринято нового прочтения "Слова о полку Игореве"... Поэма почему-то не стала предметом нового пристального внимания и обсуждения, поэтического осмысления, как это было в смутные годы начала века, когда к ней обратились вдруг многие поэты, обнаружив удивительную переключку времен. Ведь в поэме постигнуто и изображено не только то, что было когда-то, не столько собственно исторические события, сколько то, что происходит всегда и сегодня, что происходит обыкновенно в земной человеческой жизни. Это поэма о причинах разлада человеческой души, которые во все времена едины, несмотря на то, что каждый раз они выступают в иных формах.

Казалось бы, что в таких условиях люди станут искать ответы на мучительные вопросы в духовном опыте "Слова", да и других произведениях русской литературы, созданных в его традициях. Но, к сожалению, этого не происходит, чему есть свои причины. Вероятно, вульгарный социологизм, как следствие материалистического, позитивистского мировоззрения, столь проник в наше сознание, что мы уже и мысли не допускаем, что художественная литература, изящная словесность - ничем не заменимая, своеобразная форма сознания, отличающаяся от иных форм тем, что, говоря словами Н.Гоголя, "она есть только образ, которым передает человек человеку все им узнанное, найденное, почувствованное и открытое". Но прежде всего - образ...

И вот наконец-то, столь ожидаемое и предполагаемое обсуждение "Слова" вроде бы началось, во всяком случае появились статьи о нем. Имею в виду публикации Н.Переяслова "Монах такого не напишет" ("Книжное обозрение" № 41, 1995). "Бусый ворон, что ты въеешься?.." ("Литературная Россия" № 50, 1996), а также статью В.Сидорова из Якутска "Мнимые тайны" ("Книжное обозрение" № 34, 1996). Однако даже это робкое обсуждение "Слова" вызвало разочарование, так как по всем приметам оно явилось не итогом нового осмысления поэмы, а скорее стало следствием той прострации умов и

растерянности душ, которые общество наше, к сожалению, переживает и которые-то и являются следствием все той же крамолы, изображенной и в "Слове". Здесь сказалась скорее дань моде, рынку идей, фетишей, их расхожему набору, а не действительное объяснение образов. В общем - "духу времени". Подтверждается это и некоторой претензией на сенсационность в статье Н.Переяслова, опубликованной в "Книжном обозрении", да и самим выбором темы исследования: в какой мере образы древнерусской поэмы эротичны. Эротичность в прочтении древнерусской поэмы преподносится как сенсация. А потому и напоминает некое мальчишество, подсматривание в щелку или лукавый идиотизм нынешних идеологов о том, что ранее-де у нас секса не было, а теперь есть...

Но если какие-то образы "Слова" и в самом деле эротичны, что же здесь особенного, почему внимание сосредоточено на самой их эротичности, а не на том значении, которое они имеют в поэме?.. Но если об эротичности их сообщаются сенсации, то это не что иное, как проявление того странного миропредставления, когда всякая стыдливость объявляется ханжеством, а обыкновенная распущенность - признаком свободы и даже интеллекта. К сожалению, этой болезнью бесстыдства оказалась пораженной значительная часть интеллигенции. Какое уж там при этом прочтение "Слова"... А если оно и предпринимается, то, как говорится, не поднимается выше пояса.

Методика подобного рода исследований известна. Авторы их, увлекшись какой-то одной идеей, как с аршином, проходят с ней по всему тексту, обнаруживая то, что они хотят увидеть, а не то, что в тексте действительно есть. А это как раз и говорит за то, что не все тайны "Слова" мнимые, что они все еще не хотят нам открываться. В самом деле, Н.Переяслов, задавшись сакраментальным вопросом о том, все ли тайны разгаданы, тут же с поразительной категоричностью и самонадеянностью отвечает: "Ни одной". И оказывается всего лишь потому, что он вот уже как десять лет занимается "Словом"... Аргумент, скажем прямо, малоубедительный.

Итак, исследователь усмотрел в поэме такие места, которые не могли быть написаны монахом из-за их греховности. Сплошь и рядом в тексте поэмы, чуть ли не в каждой ее строке, он находит "мотивы совокупления". Видно, начитавшись литературы о народно-поэтических символах, он механически перенес их и на толкование поэмы. На этом основании он утверждает, что поэма "почти не содержит в себе обязательной для монастырского летописания православной символики". Но в произведении художественном никаких элементов церковной проповеди и не должно быть, а "монастырское летописание" здесь и вовсе не при чем, так как, во-первых, мы читаем не летопись, а поэму, во-вторых, церковный этикет в известной мере всегда был противопоставлен собственно художественному творчеству. Но главное, автор, кажется, сам того не замечает, какую злую шутку сыграла с ним избранная односторонность - вопреки тексту "мотивы совокупления" оказались для него дороже и важнее православных образов и христианского миропонимания древнерусского автора... Между тем, как вне христианского мировоззрения понять поэму вообще невозможно.

Допустим, что те места, на которые указывает исследователь, действительно являются эротическими, хотя таковыми они вовсе не являются. Что следует из этого и открывает ли это хоть как-то смысл изображаемого? Этим исследователь не задается, он поражен лишь тем, что увидел непристойность там, где ее никто не видел, так как ее там просто нет. Причем, этой непристойности так обрадовался, что она побудила его к размышлению... Но это же действительно какое-то мальчишество, озорство... Но зато результатом такого вполне понятного по нынешним бесстыдным временам интереса стало отрицание

христианских образов в поэме... Закономерный результат при подобного рода выборе "ценностей"...

Другой автор В.Сидоров, естественно, возмущенный столь произвольным толкованием древнерусской поэмы, напрочь отрицает "мотивы греховности", эротические образы в поэме лишь потому, что их там не может быть никогда... Не соглашаясь ни с произвольностью одного исследователя, ни с категоричностью другого, остановлюсь лишь на одном образе "Слова", чрезвычайно важном для понимания общего смысла поэмы, но, основа которого, как мне представляется, все-таки "греховная". Имею в виду "мутен сон Святослава", наиболее загадочное и таинственное место поэмы, что, впрочем, в традициях всей последующей русской литературы, в которой с удивительным постоянством и последовательностью встречаются сны. Мне представляется, что сон Святослава является центральным местом для уяснения смысла поэмы вообще.

Сложился довольно стойкий стереотип, что "Слово о полку Игореве" - это поэма о единстве русских князей в борьбе с внешним врагом - половцами. И это действительно так. Правда, нет четкого представления о тех опасностях, которые действительно угрожали Руси.

Безусловно, что единство княжеств, согласованность действий их ратей являлись неременным условием спасения Русской земли. Но это единство нельзя понимать упрощенно, лишь как исключительно воинское. Ведь оно совершалось не само по себе, а было уже венцом, результатом, следствием иного единства - родства по вере и духу.

Конечно, сюжетом, фабулой древнерусской поэмы является военный поход и борьба со степняками, но ее духовным содержанием является борьба иная, та, что происходит в душе человеческой во все времена, это борьба добра и зла, от которой зависит исход борьбы и с врагом внешним.

Итак, князь Святослав рассказывает боярам свой, не вполне внятный, мутный, но явно зловещий сон. Якобы его одевали черною паполомою на кровати тисовой, "сыпахуть ми тощими тулы поганых тлковин великий жемчуг на лоно, и негуют мя", то есть сыпали ему на грудь жемчуг, тем самым нежа его, доставляя ему удовольствие. Жемчуг же сыпется "тощими тулы поганых тлковин", то есть пустыми колчанами каких-то "поганых тлковин".

Если "поганых" значит иноверных, то никак уж не толмачей-переводчиков, как поняло, пожалуй, большинство исследователей. В большинстве объяснений этого места поэмы, вроде бы найденная семантика каждого отдельно взятого слова, так и не сливается в стройную смысловую, логическую и цельную картину.

Сон однозначно предсказывает князю Святославу смерть. Тут исследователи единодушны. Но вот откуда Святославу грозит смерть, объяснений этого по сути нет. А между тем это как раз и является основным. Какова же природа опасности, грозящей Святославу гибелью?..

Ни о каких толмачах-переводчиках в буквальном смысле слова здесь не может быть и речи, так как это не выходит из самой ситуации, изображенной в поэме. Если это "переводчики", то где "иноземцы", "иностранцы", что и зачем они переводят Святославу?.. Можно, конечно, назвать их и переводчиками, но в том смысле, что это были переводчики с человеческого языка на нечеловеческий... Тлковины, толкователи - это то окружение

князя, подхалимное и корыстное, враждебное по самой своей сути интересам Руси, которое разменивает эти интересы стяжательством и эгоизмом. Через них проводятся губительные идеи (толкования) как для князя, так и для Руси. Именно поэтому князь Святослав изображается во сне на смертном одре.

Обычно эту возможную, предрекаемую смерть князя объясняют тем, что, мол, молодые князья, ушедшие в Степь вопреки его воле, потерпели поражение и через это грозит гибель и самому Святославу. А потому-де он и является во сне на смертном одре. Но это ведь довольно произвольное понимание, в нем чувствуется очень уж большая натяжка.

То, что "поганные тлковины" несут смерть Святославу, очевидно по приметам похоронного обряда: "Си ночь с вечера одевахуть мя, - рече, - чрною паполомоу на кровати тисове". То есть с вечера одевают черным войлоком на тисовой кровати... Но зададимся вопросом: по какому обряду "поганные тлковины" хоронят Святослава? По христианскому или же по своему?.. Они хоронят его по своему обряду и тем самым говорят кто они такие: "Полную аналогию описанного выше погребального обряда находим лишь у хазар (выше речь шла о погребальном обряде караимов - П.Т.). Ориенталист проф. Веселовский в своих лекциях в С.Петербургском университете указывал, что в случае смерти хазарского кагана тризну по нем справляли, сидя на черном войлоке" (А.И.Полканов "Крымские караимы", Париж, 1995).

Таким образом, прямо не названные "поганные тлковины" открываются, прямо не называясь, через похоронный обряд.

Гибель Святославу исходит от "поганных тлковин", от их действий, изображенных в поэме, которые сыпали пустыми тулами жемчуг на лоно, доставляя ему тем самым удовольствие. Иными словами - льстили ему, усыпляли его бдительность, ублажали его. Совершенно очевидно, что эти враждебные поганные, иноверные толкователи, наушники совершали какое-то шулерство, обман, который грозит гибелью Святославу.

Снова напомним, что в "Слове" изображается не столько борьба военная, сколько духовная. Противники здесь не столько половцы, но "поганные", то есть иноверные. Вот где проходит основной фронт борьбы, от исхода которой зависит гибель или спасение Русской земли: не столько в половецкой Степи, не столько в поле незнакомом, а в гриднице киевского князя... Впрочем, так происходит всегда, так происходит и теперь, чему мы являемся свидетелями, когда под эфемерными лозунгами правящая элита ставится в зависимость от недобрых для России сил. Для того, чтобы выразить это, безвестный автор "Слова о полку Игореве" и избрал оригинальный образ, имеющий действительно смысл эротический. Как видно это понадобилось ему для уничижения тех, кто этим недобрым делом занимается. Собственно такое обращение к образу эротическому является как бы непроизнесенным прямо ругательством автора в их адрес.

Прежде всего, в понимании сна Святослава поражает неточный перевод слова "лоно", принципиально изменяющий смысл всей картины. Все, кажется, без исключения исследователи переводят его как грудь. Но переводить его так было бы справедливо лишь тогда, если бы речь шла о женщине. В отношении же к мужчине слово "лоно", "лон" имеет совсем иное значение. Тоже символическое, но иное. Если в отношении к женщине лоно - символ материнства, так же, как грудь или чрево, то в отношении к мужчине слова лон, лоно имеют значение символа продолжения рода, мужской детородный орган. Именно такой смысл это слово имеет и в поэме. А это значительно изменяет смысл сна Святослава.

В таком значении употребление этого слова было обыкновенным в памятниках письменности: "Вложит ли кто огонь в лоно, не сожжет ли ризы своей". То есть, монах, священник, прелюбодействуя, впадая в грех, перестает быть священником, сжигает, образно говоря, свою ризу. Или: "Лона же не имеет жена". То есть у женщины нет, не бывает лона. Естественно, конечно же, у женщины нет лона... Или - выражение, не оставляющее никаких сомнений в том, что же такое лон: "Простерши руку иметь мужа своего за лон, да оусекнеши руку ея". То есть, если жена возьмет мужа за член, она достойна отсечения руки. А вот прямо-таки целая картина, перекликающаяся с тем, о чем говорится во сне Святослава: "Аще калогер иметь ся за лоно да и поглядает на ны да поклониться Т раз, то яко сблудил есть". ("Словарь древнерусского языка". М., 1991. Т.IV). Иными словами, если монах возьмет себя за член, да поглядывая на него, поклонится триста раз, то это равносильно блуду. Иными словами, онанизм равносильен блуду...

Соотнося это с изображенным во сне Святослава, ясно, что именно то же самое действие совершают над князем "поганные тлковины", сыпя жемчуг на лон и тем самым, доставляя ему удовольствие. То есть обманывают князя. Причем, под этими толкователями князь не имеет в виду своих бояр. К ним-то он как раз обращается за объяснением сна. Жемчуг, - конечно, не в буквальном смысле слова.

Теперь становится ясно, почему здесь говорится об удовольствии. Это оргазм, который вызывают у него "тлковины". Все в этой картине символично и образно. Автор поэмы говорит о том, что князю снится соблазн и обман, сравниваемый с онанизмом...

Иноверные толкователи соблазняют князя некой мнимой ценностью, обманывают его - сыпят пустыми тулами, то есть вроде бы драгоценными, а на самом деле пустыми посулами. Изображая такую греховную картину, автор говорит, конечно же, о борьбе мировоззренческой.

Следующая далее картина разорения его дома: "Уже доски без кнеса в моем тереме златоверсем", - символизирует разорение и храма его души, и княжества. Это следствие того соблазна и обмана, который ему предлагался. Возможная смерть Святослава, привидевшаяся ему во сне, грозила ему именно от этого.

Кстати, подступы именно к такому пониманию сна Святослава обнаруживаются уже у исследователей последнего времени. К примеру, В.П.Буйначев приходит к выводу, что лон - "это область детородных органов и ничто иное" ("Слово о полку Игореве". Новое прочтение. Автор известен", "Книжный сад", М., 1998 г.). Правда, автор не продолжил дальнейшую логику этого образа, не ответил на вопрос о том, почему автор обратился к такому эротическому образу, то есть какую роль играет этот образ в тексте поэмы.

Далее бояре, толкуя сон Святослава, почему-то словно забывая о самом князе, говорят о молодых князьях, ушедших в Степь, которым "туга ум полонила" и которые в связи с этим пошли поискать града Тмутаракани. Не того ли хотели поганные тлковины и от великого князя?.. Можно предположить, что молодые князья духовного испытания не выдержали и, лишившись разума, пошли искать иноверный хазарский град Тмутаракань. То есть опять-таки, основная борьба ведется не только в поле, не в Степи, не только в прямом военном столкновении, а в княжеских палатах, в конечном счете, за душу человеческую.

Соблазн иной верой изображен в мутном сне Святослава. Об этом однозначно говорит то, что толкователи поганные, то есть иноверные.

Для постижения этого древнерусский поэт использует разные образы - и греховные, и не греховные. Дело вовсе не в том, в какой степени эти образы "греховны", а в том, что именно с их помощью хотел выразить автор, что хотел сказать в назидание современникам своим и в поучение потомкам, хотя, как понятно, потомки будут разрешать для себя по сути те же проблемы вновь и самостоятельно...

Автор древнерусской поэмы противопоставляет предшествующие рати и битвы с той битвой, которую он постигает: "То было в ты рати и в ты плъкы, а сиций рати не слышно". Таким противопоставлением он, как думается, говорит не только и не столько о том, что современная ему борьба более жестокая, чем ранее, но отмечает начало иной борьбы - всемирной, за сохранение поколебавшегося мироздания. И борьба эта, как следует из "Слова", ведется через сохранение человека, его личности, его духа, его неповторимости и уникальности, как божеского творения.

Какой-то невероятной силой прозрения древнерусский автор постиг то, что еще не вполне ясно людям конца второго тысячелетия, к чему они с трудом приходят ценой невероятных потерь, мук и страданий. Ведь жестокий двадцатый век уже вроде бы однозначно показал, что человек, вооруженный только разумом, только идеей, неизбежно становится рабом своих идей. Вооруженный лишь разумом он, сам того не замечая, переводит свое существование на принципы остального материального мира, пренебрегая своей духовной природой, своей выделенностью из материального мира. Ведь даже если бессмертия души в нашем его земном понимании не существует, то отказываясь от него, человек переходит в иные, нечеловеческие формы бытия...

Принято считать, что основная тема "Слова", - есть защита Русской земли. Или - защита земли Русской и преодоление междоусобицы князей. Но о защите земли Русской и, проявляемым при этом мужестве и патриотизме, более уместно было бы говорить, если бы в поэме изображалась борьба оборонительная. В поэме же речь идет о походе в Степь. И тем не менее, это поэма и о мужестве, и о героизме. Уже только это несоответствие убедительно свидетельствует о том, что лишь сюжетная, фабульная основа поэмы играет для уяснения в ней изображенного далеко не первостепенную роль.

Не княжеская междоусобица является основной темой поэмы, но причины ее. В поэме прямо говорится о том, что распри между князьями, братьями являются не самым большим и не самым страшным злом. Истинным злом являются их причины, то, что приводит князей, братьев к борьбе между собой: "Не се зло - княже ми непособие: наниче ся години обратиша". То есть самым большим злом является то, что времена вывернулись наизнанку, что нарушен естественный и привычный порядок вещей, нарушено представление человека о мироздании и его ценностях. То есть зло не в том, что князья непомощники, а в том, что время вывернулось наизнанку, спутаны представления о добре и зле, утрачивается высокий духовный смысл человеческого бытия, зло одолевает добро, "уже снесся хула на хвалу", "тьма свет покрыла", "пустыня силу прикрыла"... Вот о чем поэма. О том, как человек удерживается в пределах своей природы, как он оберегает "ум крепостию своею", как недопускает, чтобы "туга ум полонила", как он обретает веру. Ведь трагедию земли Русской можно понять только через личную трагедию человека.

Главная тема "Слова о полку Игореве" - это крамола, то, как и почему возникает это бедствие, эта напасть, этот недуг человеческой души и сознания.

В школьном представлении крамолу обычно понимают как те же княжеские междоусобицы. На самом же деле природа крамолы не внешняя, не социальная, но внутренняя, духовная. Это не просто распря, но бунт, заговор. И причина его, как сказано в поэме, - в утрате духовного родства между людьми, между братьями, в их мельчании, в их стяжательстве: "се мое и то мое же"... А это в свою очередь становится возможным в результате утраты представлений об истинных ценностях этого мира: "начаша князи про малое "се великое" молвити". Это и значит "наниче ся години обратиша", то есть время вывернулось наизнанку...

Умаление человека, его духовная деградация - вот причина крамолы. То есть в поэме не просто говорится о княжеских распрях, но о бунте человека пред огромностью и непонятностью мира. Поэма о том, почему человек, это бедное существо не справляется само с собой, самонадеянно руководствуясь лишь разумом... Почему в его сознании зарождается бунт, периодически сотрясающий человеческое общество, который необъясним причинами ни социальными, ни экономическими...

"Слово" - поэма не только о подвиге как таковом, лишь воинском, но о подвижничестве, о том как человек (князь Игорь) находит духовное равновесие в мире, возвращаясь к вере и тем самым возвращаясь в Русскую землю: "Игорь князь в Русской земли". Русская земля спасается не только тем, что ее отстояли с оружием в руках, а тем, что преодолели крамолу, сохранили себя, свою душу, свой дух.

Потому "Слово о полку Игореве" и обладает такой поразительной притягательностью, что оно как бы создано не в свое время, намного опередив его. В нем уже есть романное мышление, для того времени вроде бы и вовсе немыслимое. В нем говорится о том, что всегда присутствует в русской жизни, во всяком случае, со времени его создания до сего дня. В нем говорится о том, как возникает тьма духовная и как она преодолевается человеком.

Стоит лишь удивляться тому, что "мутен сон Святослава" - одно из самых сложных, таинственных и загадочных мест "Слова" остается до сих пор по сути не прочитанным в общем смысловом контексте поэмы. Обычно смысл его сводят к тому, что молодые князья ушли в Степь самовольно, чем и доставили неприятности киевскому князю Святославу. Но это довольно простое представление. Да, Святослав высказывает упреки молодым князьям, но их уход "поискати града Тмутараканя" имеет другой смысл. Между тем "мутен сон Святослава" занимает центральное, ключевое место в поэме, без уяснения которого невозможно понять ее смысл вообще. Большинство исследователей, смею утверждать, прошло мимо этого сна, доверив его разгадку боярам, положившись на то объяснение его, которое есть в самой поэме и дается ее персонажами. Но толкование сна боярами вовсе не должно совпадать с его авторским смыслом. Мало кто, кажется, обратил внимание и на странную нелогичность в толковании сна боярами.

Итак, смысл сна Святослава, следующий из поэмы, абсолютно ясен и понят, пожалуй, всеми однозначно - он сулит Святославу смерть и разрушение его терема златоверхого, то есть сулит разорение его княжества. Причина трагедии вроде бы тоже ясна - она наступает в результате каких-то странных, неясных действий над князем "поганных тлковин", то есть его иноверного окружения. Все вроде бы предельно ясно. Но странно толкуют сон бояре. Они называют не истинных виновников трагедии - "поганных тлковин", а молодых князей, которым, по их мнению, "туга ум полонила", впавших в безрассудство, намереваясь достичь невозможного и недостижимого - "поискати града Тмутараканя". Причем, молодые князья называются в такой логической связи и причинно-следственной последовательности, что опасность киевскому князю грозит якобы от них. При этом бояре явно предвосхищают события, сообщая о том, что им, молодым соколам уже крылья подрублены "поганных саблями" и сами они опутаны "в путины железны". По сюжету поэмы бояре сообщают это до битвы, до пленения молодых князей половцами... Как видим, "мутен сон Святослава" вроде бы и не мутен, мутно его толкование боярами...

Проясняется и то, почему князь Игорь перед походом говорит воинам своим о том, что лучше погибнуть, "потяту быти", нежели попасть в плен, в неволю. Ведь о своем предстоящем пленении он пока не знает. Следовательно, он говорит о каком-то ином плене, не буквальном, которого он пытается избежать ценой похода в Степь. Можно

понять и так, что он избегает того плена "поганых тлковин", плена у "отня злата стола", а вовсе не в Степи.

Таким образом, можно сказать, что в "Слове о полку Игореве", в "мутном сне Святослава" изображена одна из самых тяжелейших и коварных нападений Русской земли, терзающая ее по сути во всю историю - захват "отня злата стола", центральной власти "погаными тлковинами", то есть иноверным, чуждым народу окружением князя, через которое и именем которого оно и совершает разорение Русской земли.

Становится понятной и та нелогичность, с которой непременно сталкивается большинство исследователей поэмы: отчего погибает Русская земля в то время, как князья сами пошли в Степь, а не половцы разорили ее своим набегом. Да ведь не только о половцах, как помним, идет речь в поэме, но о "поганых", "детях бесовых", "хинови".

Эта напасть в последующей нашей истории повторяется с удивительной и пугающей неизменностью. Ведь, по сути, то же самое произошло и в период опричнины при Иване Грозном, когда русская аристократия, причем, уже не только при дворе, но по всему государству была заменена на иноземную - татарскую, черкесскую, ногайскую. Здесь я отсылаю читателей к убедительной статье Владимира Куковенко "Иван Грозный и опричнина" ("Образ", № 1 (5), 1996 г.), который не только вскрыл механику насильственной и кровавой замены русской аристократии, но и показал причину трагедии, простое и понятное значение которой историками почему-то не принималось в расчет: "Причина заключается в советниках и окружении царя. Именно они правили государством и толкали Грозного на те или иные действия". Причем, судя по многочисленным свидетельствам самих участников той трагедии, в основе репрессий были не политические разногласия, а обыкновенный материальный интерес. Жертвами репрессий оказывались исключительно русские люди, у которых отбиралось имущество и богатство...

Надеюсь, что сегодня уже мало кто будет оспаривать тот очевидный факт, что в результате революции в России начала века произошло подобное же иноверное ее завоевание. По сути, то же самое переживаем мы и теперь, когда в результате идеологического шулерства об "отсутствии идеологии", то есть смысла бытия России, была тут же совершена еще более жесткая идеологизация общества, но теперь уже "демократическая". "Новая" идеология в своих основных постулатах мало чем отличалась от своей предшественницы. Да и не в идеологиях дело, они - лишь средство для целей более конкретных - материальных. Вот результат этого идеологического шулерства: "Ежегодный криминальный вывоз из обнищавшей страны 20-25 млрд. долл. по официальным оценкам, т.е. по 1,5 тыс. долл. на каждого, включая младенцев. А ведь еще примерно столько же полуголодные россияне теперь обязаны ежегодно выплачивать по зарубежным долгам - государственным и частным" ("Независимая газета", 10.06.99 г.). Вот результат нынешней "демократической" опричнины, действий нынешних "поганых тлковин". Не видеть же полную, абсолютную зависимость нынешнего президента России от внешних, враждебных сил сегодня могут разве только самые наивные или лукавые люди...

Такое завоевание страны изнутри возможно через немощных князей, безвольных царей, интеллектуально беспомощных президентов, не волей случая, но целенаправленно приведенных к центральной власти. Князь, царь, президент, и врага вроде бы нет в родных пределах, а результат один и тот же - мерзость запустения: "Тогда по Руской земли редко ратаев кикахуть, но часто врани граяхуть, трупиа себе деляче". Ведь механика власти - ее удержания и ее утраты остается неизменной в тысячелетиях...

Примечательно и то, что автор поэмы четко разграничивает те битвы, те рати, которые были ранее и нынешнюю, особенную, отличающуюся чем то принципиальным: "То было в ты рати и в ты плкы, а сицей рати не слышано!". То есть эта рать какая-то особенная, не такая, какие были ранее. В чем состоит ее особенность автор декларативно не проговаривает, но изображает это, как и должно в произведении художественном.

Но почему эта напасть терзает только Русь-Россию? - может спросить озадаченный читатель. Ну почему же только Россию, не только, вся мировая история переполнена дворцовыми заговорами и переворотами... Но Россия в силу своего геополитического положения и приоритета государственных ценностей как бы провоцировала противника на нанесение удара в самое уязвимое место... А потому институт государственной власти в России должен быть особо оберегаемым. И это должно быть уяснено не только политиками, но и народом в массе своей. Но как теперь уяснить это народу, если в душах людей почти век вытравлялось все родное и национальное...

Безвестный автор "Слова" не только вскрывает причины трагедии Руси, прямо-таки в деталях прописывая механику утраты верховной власти, но и указывает выход из этой трагедии. В результате похода, точнее испытания князя Игоря тьмой духовной ("тьма свет покрыла", конечно же, нельзя понимать буквально) Игорь укрепляется в вере. Ему "бог путь кажет из земли Половецкой на землю Рускую к отню злату столу". Именно "к отню злату столу" и приходит Игорь, в храм Пресвятой Богородицы Пирогощей. Князь и дружина "побарая за христианы". Утверждение же исследователей о том, что в поэме нет христианства, как, к примеру, утверждает В.Буйначев, "в "Слове" практически нет христианства" ("Московская правда", 23.01.99 г.) выглядят более чем странно. Так, вопреки фактам, может утверждать лишь человек, находящийся вне христианских представлений, которому эти факты мало о чем говорят. Следует сказать, что посещение храма, тем более в произведении художественном не может иметь какое-то лишь бытовое значение, но обязательно символическое, что придает всей поэме вполне определенный смысл.

Храм Пирогощей упомянут тут, конечно же, не случайно. Святая Богородица Пирогощая, как доказывал В.Чивилихин, сближается в православном представлении с Параскевой Пятницей. Личность же великомученицы совпадает с жизненным принципом самого Игоря, афористически выраженным в поэме: "Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти". Именно этот стоицизм в вере является основной особенностью образа Параскевы Пятницы: "Великомученица, именуемая Пятницей, дочь богатых родителей, она посвятила себя еще в юности аскетической жизни; в гонение Диоклетиана, по обвинению в христианстве, была приведена на суд к правителю области, который предлагал ей за отречение от Христа взять ее себе в супруги. За отказ ей отсечена голова" ("Христианство", Энциклопедический словарь, т. 2, М., 1995 г.).

Кроме того, идя в этот храм, князь Игорь как бы давал обет, клятву быть стойким в вере. Это подтверждается более поздним обычаем отмечать день Параскевы Пятницы. А обычай, как известно, самое стойкое, что только может быть в человеческой жизни. Приведу описание этого праздника, относящегося к концу прошлого века в г. Ейске Кубанской области: "Женщины особенно чтут эту св. угодницу и прибегают к ней во время постигающих их бедствий со всевозможными молебнами, сопровождая их обетами. Нам приходилось видеть таких женщин, которые по обету ходили на голых коленках вокруг церкви по жгучему песку в день празднования святой великомученицы Параскевы" ("Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", выпуск четвертый, Тифлис, 1884 г.).

Если отойти от этого основного духовного содержания к сухой хронологии, на которую почему-то так падки исследователи в толковании творения духа, то можно точно сказать, когда именно князь Игорь пришел "к отню злату столу" в Киев и в храм, в день св. Параскевы - 28 октября. Но эта хронология мало что добавит к тому основному смыслу, который открывается в самом сопоставлении миропонимания князя Игоря и святой великомученицы. Не придавать же никакого значения тому столь важному факту, что Игорь посещает православный храм, значит умышленно или по убеждению исказить весь смысл поэмы.

Косвенным же подтверждением того, что в "Слове о полку Игореве" все-таки присутствует не прямо выраженная хазарская тема, в смысле иноверная, является и то, что она, эта тема, присутствует довольно ярко выраженной в русской литературе уже гораздо позднего времени. К примеру, в "Песне о вещем Олеге" А.Пушкина. Тем более, что характеристика, данная в этой балладе хазарам оказалась столь навязчивой, что обязательно вспоминается, как только мы заводим теперь речь о них - "неразумные" хазары. Именно на этом стихотворении стоит остановиться и потому, что определение это остается пока не истолкованным. И тут мы неизбежно сталкиваемся со странным явлением: всякий, кто касается этой темы, демагогически или наукообразно оглушается. В этом смысле, видимо, прав Вадим Кожинов, писавший о том, что тема эта очень опасна. Наглядным тому примером является статья доктора исторических наук А.Кузьмина в журнале "Молодая гвардия" (№5-6, 1993). Статья опубликована под рубрикой "Лжепатриоты топчут историческую Русь". Куда уж дальше, какие еще аргументы нужны в доказательство того, что тема эта действительно опасна. А "лжепатриотами" оказываются, по Кузьмину, Вадим Кожинов и Лев Гумилев. Вполне мог среди них оказаться и митрополит Иоанн, так как он тоже писал об этом же, и так же как Вадим Кожинов в русских былинах усмотрел проявление именно хазарского, иудейского ига. Не слишком ли много "лжепатриотов", причем, среди людей наиболее образованных?..

Обычный прием при таком оглушении всякого, коснувшегося хазарской темы, - разговор из области мировоззренческой и духовной свести к "крови", к национальности, то есть умышленно и преднамеренно загнать проблему в такой тупик, из которого решительно нет никакого выхода. Именно так и поступает доктор исторических наук А.Кузьмин, "тонко" намекая о национальном происхождении Льва Гумилева: "Зачем было Гумилеву от юдофильства повернуть к юдофобии? Вроде бы никаких видимых причин для этого не было, а из книг Надежды Мандельштам, где главный герой не столько ее супруг Осип, сколько подруга "акума" А.Ахматова (уроженная Аренс) и ее сын Лев, следует, что вроде бы и не должно быть". Вот такие "тонкие" намеки на "толстые" обстоятельства... Причем, такое отрицание темы как таковой ученым происходит наряду с признанием того неоспоримого факта, коим все и объясняется: "Господство в течение достаточно длительного времени иудаизма на землях, где этнические евреи не составляли сколько-нибудь значительной социальной группы". Но этот факт, по логике ученого, всего лишь "пикантный" и "удивительный". Но ведь это и есть основной факт, ибо служить иным богам - погибель: "Если же ты забудешь Господа, Бога твоего и пойдешь вслед богам другим, и будешь служить им и поклоняться им, то свидетельствую вам сегодня (небом и землею), что вы погибнете" (Второзаконие, 7-19). Разве такое положение, когда малая группа людей определяла образ жизни всего народа, не является насилием и понуждением служить "другим богам" и разве это не есть война на уничтожение народа?.. Видно, потому Пушкин и назвал коренных тюркских хазар неразумными, что они попустили над собой иноверное владычество и погибли. Так что хазары в данном случае не иудейская правящая верхушка, а народ, допустивший над собою иноверное владычество. По этой логике мы, россияне, давно уже заслужили это же определение "неразумных", ибо сегодня только самым наивным не ясно, что насильственная коммунизация России, ее

насильственная атеизация и была современным вариантом ее "охазаривания"... Более того, мы заслуживаем звания "неразумных" вдвойне, так как пережив моровой период своей истории, уже по сути приняли новый вариант атеистического большевизма под именем "демократии"...

Но в том-то и особенность этой темы, что фактов для "доктора наук" она вроде бы и не дает, что ее и вовсе вроде бы нет, а реальные разрушения есть...

Вернемся, однако, к пушкинской "Песне о вещем Олеге". По обыденной, "ученой" логике совсем непонятно: зачем вообще в начале стихотворения поэт говорит о хазарах, если последующий сюжет баллады с этим вовсе не связан. Во всяком случае прямо, риторически это никак не проговорено. Но это представлено, как и должно в произведении художественном, образно. Причем, в пушкинском понимании, отмищение хазарам не является лишь уделом какого-то прошлого, тех битв, которые вспоминают теперь бойцы. Не является потому, что поэт пишет "как ныне", то есть опять, снова, словно сегодня, в смысле всегда...

О чем это стихотворение? Как очевидно, оно об обмане и предательстве. Обман совершает "вдохновенный кудесник", вышедший из "темного леса". Как понятно, лес здесь назван не в прямом смысле слова, но в переносном - из тьмы иноверия. Кудесник поет князю славу и убеждает его в том, что тот примет смерть от коня своего... Князь, сбитый с толку предсказанием, предает своего верного друга - коня, меняет его на другого. Конь же в данном случае не просто конь, но друг, товарищ, образ жизни. По сути все так же, как и в "Слове". Князь меняет свой образ жизни, - а он всегда связан с верой, - и погибает. Погибает от гробовой змеи. Стало быть предсказание кудесника таило в себе змеиное коварство.

Любопытна и историческая сторона этой баллады. Как помним, дружина князя была "в цареградской броне", то есть византийской, или, как можно еще понять, - христианской. Ведь броня здесь - вовсе не только кольчуга, да об этом говорит и коварный кудесник: "Под грозной броней ты не ведаешь ран; Незримый хранитель могущему дан". Кудесник же, славословя князю, говорит почему-то о его щите "на вратах Цареграда", то есть о завоевании им Византии... Как совершенно ясно, "незримый хранитель" - это Бог, причем Бог византийский, то есть христианский. Итак, в результате "пророчеств" коварного кудесника, вышедшего из "темного леса", князь Олег сменяет свой образ жизни, "цареградскую броню", то есть свою христианскую веру, доверясь языческому волхву, в результате чего погибает. Но тогда почему песнь называется о вещем Олеге, если князь не пророчествует, а пророчествует кудесник? Думаю, это не случайно и имеет тот очевидный смысл, что печальная судьба князя Олега оказалась пророческой для его потомков... Как видим, картина очень близка к той, которая изображена в мутном сне Святослава.

Мы не выберемся из тьмы безверия, все еще терзающего народное тело, пока честно и открыто, без всяких пугливых и лукавых оглядок не ответим на вопрос об истинных причинах и характере того несчастья, в котором оказалась в результате революций Россия. А это значит, что надо наконец-то признать, что революция в России имела целью далеко не установление социальной справедливости или установление более совершенного социального строя, но завоевание ее, причем, завоевание иноверное. Другое дело, что народ силой своего духа и ценой невероятных жертв переборол-таки эту напасть, обессилил, выхолостил ее, оставив лишь ее название, хватаясь за которое, теперь пытаются пробудить, восстановить в России уже в иной форме и саму напасть... Неоспоримым подтверждением именно такого характера нашествия является свирепость и бесчеловечность, с которыми искоренялась христианская и другие веры народов России, рушились храмы. Все ведь свершалось по писанному: "Истребите все места, где народы, которыми вы овладеваете, служили богам своим, на высоких горах, и на холмах, и под всяким ветвистым деревом. И разрушьте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнем рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того" (Второзаконие", 12-23). Или то, что происходило в России, было чем-то иным? Кстати сказать, именно в таком смысле значение этой борьбы изображено в "Тихом Доне" М.Шолохова. Имею в виду тот эпизод, когда Мишка Кошевой, принявший иную веру, нацепив "звезду", по выражению деда Гришаки, вдруг стал с какой-то необъяснимой злостью стрелять из винтовки по скотине: "Рубил безжалостно! И не только рубил, но и "красного кочета" пускал под крыши куреней в брошенных повстанцами хуторах. А когда, ломая плетни горящих базов, на проулки с ревом выбегали обезумевшие от страха быки и коровы, Мишка в упор расстреливал их из винтовки".

Оказывается, Мишка проявляя столь непонятное изуверство и жестокость, действовал вовсе не произвольно, а согласно вполне определенного "учения", согласно вполне определенной мировоззренческой заданности из Ветхого Завета: "И истреби все, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа и жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла" (Первая Книга Царств, 15, 3).

Именно по этому бесчеловечному установлению шла борьба в России, именно ее вновь пытаются теперь пробудить, что становится уже вполне очевидным. Но смысл этой борьбы большинству людей, претерпевающих ее муки, остается неясным, ибо он всегда закрыт, замаскирован идеологическими фетишами, на каждый час новыми. Стало быть, дело не только и не столько в коммунистической идеологии как таковой. Она лишь форма, одежда, лишь вариация все того же бесчеловечного представления. Кстати, духовные служители именно так и понимали это бедствие, обрушившееся на Россию. Поместный собор Российской церкви 1918 года дал ясное понимание смысла происходящего. Разве не потому в таком массовом масштабе были уничтожены священники... Именно это их значение и было выставлено "о пиумом для народа". Понимают это священники и теперь. На первой научно-практической и богословской конференции "Государственная легитимность", к примеру, отмечалось, что "сионизм в форме большевизма несмотря на маскировку, явно показывает свою религиозную сущность, неся в глубине дух талмудистского иудаизма". (О.Александр Зверев. "Государственная легитимность", выпуск первый, СПб, М., 1994).

Пока мы этого не признаем, мы будем "коммунизм" менять на "демократию", "демократию", по всей вероятности, опять на "социализм", и так без конца, точнее, до тех пор, пока не истребим себя окончательно. А потому те, кто столь запоздало развязывает воинственный антикоммунизм, борется вовсе не со злом, а в конце концов работает на сохранение все того же миропредставления, несущего зло, но лишь под иным названием...

Вопрос же состоит в том, что надо, наконец-то, распознать и обуздать те страшные темные силы, которые терзают человека и общество. Ведь невнятица в осмыслении положения Руси и России в мире происходит от того, что врага, противника вроде бы и нет, во всяком случае нас настойчиво пытаются убедить в этом, а разрушения налицо, то есть сокрываются причины и истинный смысл свершаемого. Нынешним проявлением этого является лукавое утверждение, что у нас-де "нет" идеологии, то есть подумать ведь только: концепции и смысла бытия. А отсюда - все беды, мол, кроются в дурной природе народа... На это можно ответить разве что строчками А.Блока из "Возмездия": "Но, право, может только хам над русской жизнью издеваться. Она всегда - меж двух огней...". Все это, конечно же, свидетельствует о том, что человеческое общество утрачивает духовный смысл своего существования, что неизбежно ведет к трагедиям, перерыву постепенности развития и катаклизмам. Сложность объяснения этого не только российского, но и всечеловеческого несчастья состоит в том, что оно свершается именем прогресса. Но дело вовсе не в нем. Ради прогресса человечеству вовсе не обязательно отказываться от веры, ибо без веры человек жить не может. Без веры прогресс в конце концов ни к чему иному не приводит, кроме как уничтожению самого человека. Ясно, что это все та же, хитроумно сокрытая идеология экспансии, ибо самым большим бедствием, какое только может произойти с человеком, неизбежно приводящим к его гибели, есть отказ от самого себя и служение "иным богам".

В "Слове о полку Игореве" символическое, образное как правило выступает в форме реально-бытового. Может быть, потому поэма так запросто дает повод рассматривать в ней изображенное лишь с точки зрения трезвого и упрощенного позитивизма. Если исторический князь Игорь действительно был в плену, то для героя "Слова" - князя Игоря плен имел несколько иное значение. Как впрочем, он имеет иное значение во всей русской литературе, в которой сюжет о пленении героя довольно распространен, ибо там "сам по себе плен не есть еще самое великое несчастье" (К.Леонтьев). Уже в "Молении Даниила Заточника" освобождение из заточения понимается не буквально, но как освобождение от "оков сердца", как познание истины, которая единственно и делает человека действительно свободным: "Вострубим, как в златокované трубы, во все силы ума своего".

В "Войне и мире" Л.Толстого Пьер Безухов, попадающий в плен, пересматривает, переоценивает всю жизнь свою, постигает "всю силу жизненности человека", делается действительно свободным уже как бы вне зависимости от того, где он находится, уже как бы вне зависимости от самого вызволения. А потому в заколдованном кругу московских привычек он чувствовал себя "пленным", а в плену, наоборот, свободным: "В плену, в балагане, Пьер узнал не умом, а всем существом своим, жизнью, что человек сотворен для счастья, что счастье в нем самом, в удовлетворении естественных человеческих потребностей, и что все несчастье происходит не от недостатка, а от излишка; но теперь, в эти последние три недели похода, он узнал еще новую, утешительную истину - он узнал, что на свете нет ничего страшного. Он узнал, что так как нет положения, в котором бы человек был счастлив и вполне свободен, так и нет положения, в котором бы он был бы несчастлив и несвободен...".

Словом, в результате плена происходит преображение человека.

В "Братьях Карамазовых" Ф.Достоевского в плену человек укрепляется в вере своей и гибнет за нее. Глубокого смысла исполнен этот рассказ "об одном русском солдате, что тот, где-то далеко на границе, у азиатов, попал к ним в плен и будучи принуждаем ими под страхом мучительной и немедленной смерти отказаться от христианства и перейти в ислам, не согласился изменить своей веры и принял муки, дал содрать с себя кожу и умер,

славя и хваля Христа". Естественно, это оспаривается Смердяковым, не видящим большого греха в отречении от Христова имени, "чтобы спасти тем самым свою жизнь для добрых дел, коими в течение лет и искупить малодушие". Этот рассказ о солдате, конечно же, не может быть безусловным образцом и примером. Но оспаривать, отрицать его, может лишь смердяковское сознание с перевернутой шкалой ценностей, ибо сохранение веры и есть самое доброе дело, и никаких самих по себе, без этого, "добрых дел" не бывает...

Но как удивительно неизменна все-таки природа человеческая. Не могу удержаться, чтобы не привести поразительный факт из нашей нынешней, недавней жизни, связанный с иным военным походом - войной в Афганистане. Факт этот попался мне, когда я готовил книгу "Дорогие мои... Письма из Афгана" (М., Политиздат, 1991 г.) и говорил, конечно же, о том, сколь устойчива духовная природа человека, сколь она загадочна и таинственна.

Сержант Юрий Е. из Алма-Аты писал своей маме с той непонятной войны: "Получил я твои письма и молитву, но, мама, ты не обижайся, но я ее выучить не могу, у меня уже есть одна молитва, правда, не из Библии или Евангелия, а из Корана. Кстати, Коран здесь может больше помочь, были такие случаи, когда душманы отпускали наших солдат, когда те им читали молитвы из Корана, они здесь все верующие".

Как тут винить человека за то, что он во спасение свое отрекся от своей исконной веры, если эту веру у него давно отобрали... Судьба же его сложилась трагически. Уцелев на войне, вернувшись домой израненный, угнетенный неустроенностью, он в конце концов покончил жизнь самоубийством - разорвав ветеранское удостоверение и тельняшку, бросился с обрыва реки Большая Алмаатинка... Прямо-таки по всем канонам русской литературы - с обрыва...

Многозначно возвращение из плена и князя Игоря. Он со своей ратью уходит во тьму, которая, как понятно, имеет значение не только природное, не только от случившегося в пути солнечного затмения; пребывает во тьме греховной. Терпит поражение и попадает в неволю. Пройдя муки грехопадения, раскаиваясь, он преображается, обретает истинную веру. И это мы узнаем не только из летописных повестей о походе, где говорится об этом со всей публицистической и назидательной определенностью, узнаем и из "Слова": "Игореви князю Бог путь кажет из земли Половецкой на землю Русскую". Всему этому несчастному походу автор придает высокий духовный и нравственный смысл: "Побарая за христиан", то есть повоевать за христиан, за веру.

По обыденной логике кажется совершенно невероятным и нелогичным, что после такого несчастья, как поражение ратей, автор рисует в заключение радостную, светлую картину: "Страны рады, грады весели". Но это, как я уже сказал, радость обретения веры. Наконец, Игорь возвращается в церковь, о чем сказано прямо. Даже не просто в церковь, а "ко святой Богородице Пирогощей", то есть к иконе, являющейся на Руси великой святыней, привезенной на Русь из Константинополя в 1130-1131 гг. Для иконы Божией Матери Пирогощей была построена церковь, носящая ее имя. В тексте "Слова" говорится, что князь Игорь возвращается именно к иконе Пресвятой Богородицы "Пирогоща". Следовательно, упоминание в "Слове о полку Игореве" о том, что князь возвращается к иконе Пресвятой Богородицы, однозначно говорит о том, что многое претерпев и пережив, Игорь утвердился в истинной вере.

Вполне понятно, почему в поэме помянут и Боричев, по которому Игорь едет к Святой Богородице Пирогощей. Ведь эта сцена его возвращения в Киев, так напоминает сцену возвращения Владимира из Корсуни после принятия христианства. В летописном рассказе

там тоже помянут Боричев, ибо "по Боричеву взвозу к ручью" провожали старых языческих богов. То есть уже одно упоминание Боричева взвоза подчеркивает сходство ситуаций обретения князьями истинной веры. Кстати, это сопоставление утверждает нас в том, что вознамерившись петь "от старого Владимира до нынешнего Игоря", автор имел в виду, конечно же Крестителя Руси, а не какого-то иного Владимира.

Князь Игорь совершает свой крестный путь, обретая благодать веры, становясь необходимым Русской земле, - теперь без него ей было бы зло и тяжело...

Не хотелось бы, чтобы читатель понял так, что я говорю о каких-то церковно-догматических вещах. Вовсе нет, но о том преображении, которое составляет содержание и смысл духовного бытия человека: "Укоренение в Боге не будет отвержением нашей свободы, но, напротив, ее высшим утверждением и абсолютным раскрытием. В этом смысл Преображения. Мы должны видеть целью истории Преображение. Прозрение вечных корней мира выводит нас на вершину всецелой ответственности за его судьбу" (В.Калашников, "Дон", № 8-9, 1993 г.).

Духовное преображение князя определялось и тем, что он пребывал в неволе до похода, что поход его и стал выходом из этой неволи.

По всему видно, что, отправляясь в поход, Игорь идет на верную гибель. Об этом свидетельствует его афористическое обращение к воинам, о том, что лучше быть убитым, чем быть в неволе, в полоне: "Луче ж бы потяту быти, неже полонену быти". Заранее зная сюжет поэмы, то, что Игорь действительно попал в плен, мы обыкновенно полагаем, что он как бы предвещает свой плен. На самом же деле в поэме говорится о другом. Говоря так перед походом, Игорь еще не знает своей судьбы, не знает, что он попадет в плен. Следовательно, здесь он говорит о другом плене, о том, в котором находился до похода и из которого хотел вырваться, ради чего, возможно, и предпринял поход. Причем, та неволя, в которой он пребывал, ему столь опостылела, что было лучше умереть, чем быть в ней. Это нечто вроде современного выражения - лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Справедливо отмечает Юрий Сгибнев, что, обращаясь к воинам, Игорь "предлагает им вырваться из плена, в котором они уже находятся" ("Тайна "Слова", "День литературы", № 4, 1997). Но такое прочтение по сути переворачивает все привычное представление о "Слове", переводит понимание его из области лишь реально-бытовой в совершенно иное представление, влечет за собой новые и новые вопросы, не ответив на которые, невозможно понять поэму в принципе.

Но картина возвращения князя Игоря в Русскую землю имеет не только такой религиозно-духовный смысл, но и народно-поэтический, сказочный. Приведу текст одной из старинных казачьих песен "Бегство из плена" по своему строю и смыслу очень сходную с финалом "Слова":

Воздалече, воздалече в чистом поле
Пролежала не дорога - тропа малая;
Шли по ней два невольничка молодые,
Увидали два невольничка густой камыш.
Они просили камыш-траву ночлег себе:
"Прими ты нас, камыш, гостями себе.
Дозволь ты нам суконные онучи просушить.
Ременные бахилочки тут провялоти!"
Легли тут добрые молодцы в камыш-траву.
Со вечера камыш-травушка приутихла,
Со полуночи камыш-травушка зашумела.

На заре камыш-травушка возговорила:
"Уставайте вы, невольнички, молодые.
За вами есть черкесская злая погоня.
Росланбек-мурза с узденями не далеко!"
Встрепенулись добры молодцы, в ход пустились.
Перед балкой они камышовой очутились.
Дошли вниз по ней молодцы до трясины,
Схоронились в ней молодцы со всем телом.
Росланбек-злодей до балки той доезжает,
Не нашедши их - за Кубань-реку завертает.

("Славяне", Выпуск 4, 1993 г.).

Схожесть ситуации в песне и в "Слове" - в их сказочности - здесь разговор с камышом, там - с рекой Донцом. Удивительно, что как в поэме, так и в песне называются имена преследователей.

Сказочный сюжет угадывается во всем строе "Слова о полку Игореве": уход во тьму, испытание, преодоление препятствий, возвращение, магическое бегство с превращениями. Все это, конечно же, символизирует возвращение героя из страны мертвых в страну живых. Особенно явно виден сказочный сюжет с превращениями в финале "Слова", в сюжете бегства Игоря из плена.

В связи с этим хотелось обратить внимание на странную фразу, кажется, так никем из переводчиков и толкователей не понятую, во всяком случае внятно не объясненную в связи с текстом поэмы: "Стукну земля". Так и переводят, что "стукнула земля", - зачем, почему "стукнула", неведомо. Если иметь ввиду какую-то шумную картину, то она при тайном бегстве из плена вроде бы и ни к чему. Да и есть подобная картина в обращении Святослава к Роману и Мстиславу - "треснула земля", которую можно понимать так, что они были столь сильны, что земля дрожала под ними. Но здесь-то, при бегстве Игоря ситуация совсем иная, обратная.

Видимо, объяснение этой фразы можно найти в сказочности картины бегства. Ведь сразу после нее говорится о том, что князь Игорь превращается в горностая, белого гоголя, волка, сокола... Но это ведь так напоминает магические превращения многих сказок, в частности, сказки "Иван-солдат", который "ударился оземь" и стал соколом, рысью, оленем. Старичок так и наказывает солдату: "А за то, что выбрал ты себе добрую службу, я тебя вот какой силой одарю: когда придет нужда, ударься оземь, и враз обернешься - коли захочешь соколом, - так соколом, коли захочешь рысью, - так рысью, коли захочешь оленем, - так оленем". Такие же превращения испытывает и Игорь, обладая этой таинственной силой, которой он, надо полагать, тоже одарен за добрую духовную службу. Примечательно, что эти сказочные магические превращения сочетаются в Игоре с его духовным преображением и обретением им праведной веры...

В самом выражении "стукну земля" угадывается некое эпическое представление, к сожалению, так и не нашедшее более или менее логического объяснения в контексте самой поэмы. Хотелось обратить внимание на еще один вероятный смысл этого места "Слова". Собирая пословицы Кубани, я встретил удивительную, загадочную пословицу: "Зэмля рэпнула, чорт выскочив", то есть земля ударилась, а точнее треснула, раскололась и как следствие - выскочил черт, то есть нечистая сила, зло. Соотнося смысл этой пословицы со "Словом", можно сказать, что речь идет о каком-то трагическом положении, нечто вроде- земля разверзлась, обнажив свою преисподнюю. То есть за этим выражением

снова различается основная апокалипсическая тема поэмы - рушащееся мироздание в связи с разрушением духовного мира человека. Во всяком случае совершенно очевидно, что в этом месте поэмы говорится не о какой-то безобидной детали, почему-то так и не нашедшей убедительного объяснения, а о трагическом состоянии героя в самый решающий момент его судьбы - освобождения из плена. Из плена не только в бытовом и военном смысле, но в его духовном значении.

Конечно, повествование мое далеко от соответствия тем нормам и канонам ученых сочинений, с которыми у нас принято выступать, так сказать, по проблемам "Слова". Но я к ним, признаться и не стремился. Более того, всячески стремился отойти от них. Я нисколько не сомневаюсь в их полезности и нужности, ни в коем разе не могу отрицать их. Мне только и хотелось, рассказать читателям о том, что же изображено в "Слове о полку Игореве". Ведь не хроника и не ученый трактат перед нами, а одно из величайших творений духа человеческого во всю историю, и толковать его вне духовной природы человеческой бессмысленно да и нечестно по отношению к людям...

Исключительно позитивистское, лишь с точки зрения исторической, военной, географической, не охватывающее всей полноты бытия прочтение такого мощного памятника духа, как "Слово о полку Игореве" не только не открывает нам смысла самой поэмы, но во многой мере вообще закрывает возможность понять духовное значение, образ мыслей и миропредставление русских людей в их преемственности с тех далеких времен до наших дней. А потому многие исключительно исторические изыски исследователей, необходимые сами по себе, но пристегнутые к поэме, далеко не безобидны, ибо они совершают ничем не оправданную подмену духовного позитивистским. Это сознание рассматривает человеческую жизнь, как правило, лишь со стороны социальной, в то время как литература постигает жизнь человеческую через единичное, индивидуальное, духовное ее бытие. Это разные сферы сознания, подмена и смешение которых недопустимо. Ведь с точки зрения личного духовного бытия героев поэмы, составляющего ее основной смысл, в ней говорится совсем об ином, чем с точки зрения только исторической и социальной.

Я снова возвращаюсь к тому, что изображаемый в поэме поход имел для Игоря, как героя поэмы и личности, не только значение военное и политическое, но, прежде всего, духовное, что и составляет основное содержание древнерусской поэмы.

Князь Игорь предпринимает свой поход на Пасху, что, как видно, из текста поэмы, не просто историческое совпадение, но имеет решающее значение для уяснения того, что происходит с Игорем. Собственно весь поход для князя Игоря и есть Страстная неделя, Великая или Пасхальная седмица. Следовательно, этот поход для Игоря является духовным преображением и обретением веры. Причем, вне зависимости от того, что так исторически совпало, что поход пришелся на Пасху. Историческому положению безвестный автор уже только придает этот высокий духовный смысл. Пасха (от греческого страдать) является главным христианским праздником в честь воскрешения Иисуса Христа. Князь Игорь собственно повторяет скорбный путь Христа, обретая истинную веру. То есть, как отмечал Иоанн Златоуст, он умирает не естественным, а грехом, воскресая в вере.

Есть в тексте "Слова" и прямое указание на то, что изображенное происходит именно на Пасху и имеет высокое духовное значение. Герои поэмы, молодые князья пребывают в плену духовном, точнее, в плену иноверном: "Уже соколома крыльца припышали поганых саблями, а самаю опуташа въ путины железны". И это является основным

бедствием, постигшим героев поэмы - "тьма свет прикрыла", то есть восторжествовали темные силы, пошатнулись основы жизни, времена "нанич", наизнанку обернулись...
Темно бо бѣ в третій день:
Два солнца помѣркаста...

То есть от тьмы безверия закатились солнца князей, погибли молодые князья. И далее идет описание причин этой трагедии, этого бедствия, причины которого далеко не только в военном разорении русской земли, а в разорении духовном, в порушении человеческих основ бытия, ставших следствием того, что "тьма свет прикрыла", то есть люди утратили веру:

Уже снесся хула на хвалу;
Уже тресну нужда на волю;
Уже врьжеся Див на землю.

Начиная с первых издателей "Слова", это место поэмы было понято так, что все происходящее произошло на третий день битвы. В тексте же третий день обозначен через титлованную букву Г, согласно славянскому исчислению. Но картина этого человеческого разорения вовсе не объясняется и не мотивируется третьим днем. Мало того это понятия совершенно разноплановые - конкретно-хронологическое не вяжется с духовным. Но титулованное обозначение Г прочитывается и по-другому. Совершенно справедливо писал Геннадий Карпунин: "Такое буквосочетание с поставленным над ним титлом (и даже без оногo) любым грамотным русичем всегда читалось одинаково: Господень ...День Господень - это воскрешение". ("По мысленному древу", Новосибирское книжное издательство, 1989 г.). То есть речь идет о Пасхе. И тогда вся картина несчастья приобретает цельность и мотивированность: в день Господень тьма свет прикрыла, то есть тьма одолевает веру, следствием чего и стали эти ужасные человеческие разорения... Так что в поэме изображена не столько битва с половцами, с врагом внешним, сколько с тем врагом, который пребывает в душе человеческой и борьба с которым продолжается во веки веков, до тех пор пока человек не утрачивает своего духовного, человеческого облика.

Это прямое указание в тексте на именно такое значение изображаемого. Но поэма, как и должно действительно художественному творению, глубоко образна, то или иное положение представляется в ней не декларативно и не риторически. На пасхальный смысл изображаемого указывают, пожалуй, самые, поэтические места поэмы - изображение битвы через брачный пир и через картины земледельческого труда:

... Чръна земля подъ копыты костьми была

посъяна,

а кровию поляна:

тугою взыдоша по Руской земли.

...На Немизь снопы стелють головами,

молотятъ чепи харалужными,

на тоць животъ кладуть,

вьють душу отъ тѣла.

Немизь кровави брезь

не бологомъ бяхуть посъяни -

посъяни костьми рускихъ сыновъ.

... Ту кроваваго вина не доста;

ту пиръ докончаша храбрии русичи:

сваты попойша, а сами полегоша

за землю Рускую.

Но брачный пир есть трапеза Господня, есть трапеза Евхаристии - одно из основных таинств Церкви, признаваемое всеми христианскими вероисповеданиями, которым венчается Пасха и составляет главное христианское богослужение - литургию. И хотя таинство Евхаристии трудно передаваемо на языке обыденной логики, оно знаменует собой обретение веры истинной. Форму же именно брачного пира оно приобретает потому, что согласно Посланию св. апостола Павла к ефесянам, оно символизирует союз мужа и жены по аналогии с союзом Христа и Церкви. При этом Христос - Жених, Церковь - Невеста.

Изображение битвы в "Слове" через брачный пир и земледельческий труд и есть таинство Евхаристии, где хлеб и вино пресуществляются в истинное тело и кровь Христовы. В тексте "Слова" - именно кровавое вино... Причем, здесь мы можем говорить именно о православном представлении, так как Православная церковь приобщает мирян под обоими видами - хлеба и вина.

Вся Пасхальная седмица символизирует и повторяет смерть и воскрешение Христа, выступающих в форме духовного брака, священного брака. Как писал св. Иоанн Златоуст, "семь дней сряду вы пользуетесь наставлениями, чтобы в точности научиться приемам борьбы (с дьяволом - П.Т.)... Совершающееся теперь, есть духовный брак, а брачное торжество продолжается семь дней. Посему мы установили, чтобы вы семь дней присутствовали здесь при этом священном браке. Но там после семи дней торжество прекращается, а здесь, если хочешь, можешь постоянно присутствовать при священном браке".

А потому упоминание о сватах толковать лишь как родственные связи русских князей и половецких ханов; а в упоминании о браке видеть лишь какие-то эротические образы и не более того, есть то упрощенное позитивистское представление, которое закрывает саму возможность понимания изображаемого в поэме, о котором я говорю.

Итак, эти образы Евхаристии в тексте "Слова о полку Игореве" - изображение битвы через брачный пир и добывание хлеба - однозначно говорят о глубоко христианском мировоззрении автора поэмы. Исследователи, без каких-либо на то текстовых оснований относившие автора поэмы к язычникам, исходили единственно из того, что в тексте нет каких-то христианских деклараций и элементов проповеди. То есть шли по пути наиболее простому. Но о христианстве автора свидетельствуют вовсе не те или иные декларации, но сам строй его мысли, характер его миропонимания и верования, а он однозначно говорит о христианстве.

Не прямо, а образно представляя в поэме Великую седмицу, Страстную неделю, через нее автор изображает то главное, что происходит с героем поэмы Игорем - обретение им веры, его духовное спасение. Именно этим, а не чем иным (не полководческим талантом или бездарностью) определяется в поэме значение князя Игоря.

"Слово о полку Игореве" памятник, прежде всего, мировоззренческий, представляющий образ мира автора. Многие в поэме и вовсе остаются непонятными при исключительно социально-бытовом подходе, обходящем сторону мировоззренческую. Между тем совершенно очевидно, что автор поэмы, повествуя о трагедии своего времени (не только трагедии похода, но времени вообще), прибегает к библейским образам и понятиям, составляющим суть его миропредставления. Так, к примеру, "Тмутороканский блванъ" так и остался непонятым исследователями. Но его значение вполне проясняется в русле библейских представлений. Если это "блван" в смысле "истукан", то это и есть тот "литый истукан", как символ недействительного, неживого бога: "Вы согрешили против Господа, Бога вашего, сделали себе литого тельца, скоро уклонились от пути, которого держаться заповедовал вам Господь" ("Второзаконие", 9.16). Это и есть тот колосс на глиняных ногах, который символизирует непрочное царство, непрочное государство, ибо только с живым, только с действительным Богом сохраняется и приумножается земное царство. С богом же неживым, истуканом оно разрушается.

Это тот "золотой истукан", "идол по имени Вил", который царь Навуходоносор поставил "на поле Деир в области Вавилонской" вместо веры в живого Бога ("Книга пророка Даниила", 3.1). Причем удивительно, что об этом истукане говорится в связи со снами Навуходоносора, так же, как и в "Слове" Тмутаракань называется в связи с толкованием сна Святослава. Само такое совпадение - об истукане говорится в связи со снами Навуходоносора, так же, как и о Тмутаракани говорится в связи со сном Святослава - свидетельствует о том, что автор поэмы изображая сон Святослава, помнил о сне Навуходоносора. Ясно, что он обращался к библейской ситуации затем, чтобы сопоставить ее с событиями своего времени, придавая им тем самым подобный смысл и представляя время как единое и неразрывное целое. Из такого сопоставления следует, что Тмутаракань в "Слове о полку Игореве" есть земля, страна неживого бога, а значит подлежащая разрушению, ибо "берегитесь, чтобы не обольстилось сердце ваше, и вы не уклонились и не стали служить иным богам" ("Второзаконие", 11.16). Тогда становится понятно, почему "блван" в тексте "Слова" назван в ряду перечисления именно земель, речь о царстве, о земле, обреченной на завоевание.

Впрочем, это логика, точнее идеология стремящегося завоевать царство. Бог его не обязательно живой, но выставляя его таковым, он оправдывает завоевание. Нетрудно заметить, что если в библейский текст вместо "живого бога" вставить фетиши современных "передовых" идеологий, мало что изменится в тексте. а значит мало что изменилось в мире за прошедшие не века даже, а тысячелетия...

Итак, в "Слове" изображаемые события являются проявлением, как и во все времена, борьбы за действительного и недействительного Бога, за живого и неживого. Отсюда проясняются упреки Святослава молодым князьям. Он упрекает их не потому, во всяком случае не только потому, что они самовольно ушли в Степь, а потому, что отправились искать града Тмутаракани, то есть царства с неживым богом, иными словами - уклонились от веры. Именно в жестокосердечии, то есть в безверии упрекает он их: ваши храбрые сердца в "жестоцем харалузе скованы". В связи с этим приобретает иной смысл и то, что в тексте говорится о воскрешении-невоскрешении Игоревы полка: "А Игоревы храброго плъку не крьсити!"

Традиция же изображать опасность, грозящую царству, стране, народу через "блвана", "истукана", "колосса на глиняных ногах" продолжилась потом во всей русской литературе. Вспомним стихотворение А. Пушкина "Бородинская годовщина": "Еще ли росс Больной, расслабленный колосс?" Или стихотворение Ю. Друниной, написанное уже в наше время, не менее трагическое:

Безумно страшно за Россию,
И обоснован этот страх.
Как обескровлен, обессилен
Колосс на глиняных ногах...

Так, в сквозном развитии художественной мысли, открывается смысл и значение художественного образа в "Слове о полку Игореве", причем образа, имеющего ключевое значение для понимания смысла изображаемого.

Как думается, библейскую основу имеет и характеристика полоцкого князя Всеслава. Как исследователи ни рассчитывали, так и не исчислили, что же значит "на седьмом веце". Помня чародейный облик Всеслава, можно предположить, что это и есть "семь времен", которые проходят над поверженным царем, пока он не уверует в Бога живого: "семь времен пройдут над тобою, доколе познаешь, что Всевышний владычествует над царством человеческим..." ("Книга пророка Даниила"). Кроме того, положение Всеслава в "Слове" подсказывает, что здесь имеется в виду и прощенное время, согласно "Второзаконию": "В седьмой год делай прощение". То есть на седьмой год прощаются все долги, но только братьям. Таким сопоставлением в "Слове" говорится, что наступило время прощения братьями друг друга, а Всеслав все еще упорствует, все еще не унимается, даже в такое время и тем самым идет против закона Божеского, прерывает путь Богу, Христу (по тексту "великому Хрьсови").

Только эти общие, без детализации, сопоставления библейских ситуаций и аналогичных им образов в тексте "Слова о полку Игореве" уже убеждают в том, что поэма является прежде всего произведением мировоззренческим, и образ мира, представленный в ней автором, был, конечно же, христианским. Из этого следует, что герои "Слова" искали все тот же град Тмутаракань, тот же "Новый град", как образ мира, основанный на вере, который русский человек искал и ищет во все времена, пока он остается человеком, который ищем теперь и мы. А потому свести эти духовные поиски лишь к поискам какого-то конкретного древнерусского города, тем более некоего инженерного сооружения, которое можно было бы назвать "блваном", есть ничем не оправданное умаление и упрощение тех духовных проблем, которые постигнуты в "Слове".

Христианские образы в поэме говорят об этом однозначно и только атеистическое сознание, вопреки тексту, может их не замечать, или не придавать им значения, в то время как именно в них и таится смысл изображаемого в "Слове о полку Игореве".

Хазарская тема, то есть идущее от "Слова о законе и благодати" Илариона противопоставление Закона и Благодати, как тьмы и света, как духовной неволи и действительной свободы, в "Слове" присутствует не на уровне деклараций и публицистических проговоров, но представлено образно, как бы растворено в тексте поэмы. Между тем, оно составляет главное мировоззренческое содержание поэмы. К примеру, в конце текста поэмы, где снова поминается Боян, встречается слово коган, которое почему-то единодушно относится исследователями к князю Олегу, будто бы он назван таким титулом: "Рек Боян и ходы на Святославля песнотворца старого времени Ярославля, Ольгова когана хоти: "Тяжко ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы". Русской земле без Игоря".

Здесь угадывается такой смысл: Говорил Боян - ходатай, певец Святославля, старого времени Ярославля и Олега, послушника когана. Похоже, что автор оценивает князей в зависимости от их отношения к хазарству, то есть иудейскому мировоззрению.

Обычно считают, что коганом по имевшейся традиции назван Олег и что слово это тюркского происхождения, так, мол, именовался титул главы государства древних тюрков. При этом никакого смысла в контексте поэмы такое объяснение не имеет, просто свидетельствует о восточном влиянии и не более того. Еще Е.Барсов писал, что "вследствие продолжительного господства хазар в Киеве восточные взгляды до того окрепли, что и князей русских называли коганами". Трудно, правда, представить, чтобы князь, царь в любые времена вдруг стал бы по доброй воле называть себя скажем, ханом... Речь ведь не просто о каком-то "восточном" влиянии, которое безусловно, было, но о влиянии хазарском, то есть иудейском. Перед нами вовсе не проблема языка, но - веры. Ведь коган означает не просто титул главы государства у древних тюрков, да у тюрков ли... Сошлюсь на свидетельство человека, более сведующего в этих древних и таинственных проблемах: "Коган в переводе означает "священник". Он никем не выбирается, так как должность эта исключительно наследственна. Коганом может быть только человек из рода первосвященника Аарона и уж ни в коем случае не тюркского происхождения" (Ю.Спасский-Боро, "Караимы отвечают", "Независимая газета", 20.07.96). Автор этой статьи сообщает, что само слово "хазар" в переводе с иврита означает "вернувшийся", "именно так называли в иудаизме людей, возвратившихся к религии отцов".

Таким образом, слово это, как видим, имеет противоположное значение тому, как его понимают многие исследователи в "Слове". Похоже, что автор с упреком намекает о зависимости князя Олега от "хоти", то есть воли когана, хазарского иудейского "священника". Иными словами, Олег упрекается здесь в следовании хазарской, иудейской вере и политике... Не потому ли он и был столь щедр на кровопролитие русских людей, заслужив себе имя Гориславича, что отпал от своей веры и прибил к чужой.

Удивительно, с какой старательностью это слово обходится переводчиками и толкователями, как вполне ясное, как само собой разумеющееся, как мало что значащее. Во всяком случае, в переводах Д.Лихачева и И.Еремина его и вовсе нет, в то время, как оно является ключевым в понимании крамолы в поэме.

Таким образом, можно сказать, что "Слово о полку Игореве" продолжает традицию "Слова о законе и благодати", где противопоставление света и тьмы имеет не отвлеченное значение, а в иной, не декларативной, но образной форме представленное.

Столько сентиментальных вздохов было отпущено в связи с удивительным, действительно красивым, но загадочным рефреном: "О Руская земле! Уже за шеломянем еси. О Руская земле! Уже не шеломянем еси". И все же образ этот остается не вполне ясным. Упрощенное представление, даже некая странность, несообразность здесь просто поражает. Как известно, первые издатели "Слова" полагали, что шеломянем - это название русского села в области Переясловской, то есть поняли это место совершенно иначе, чем последующие читатели. После же того, как в 1810 году А.Х.Востоков "определил", что это всего лишь "возвышение, пригорок", все толкования и вертятся возле того, что слово "шеломянем" есть холм или курган. Все оказалось сведенным к реально-бытовому пониманию, неоправданно занижающему значение художественного образа.

Но переводить это странное, загадочное слово как холм неоправданно уже хотя бы потому, что слово холм в тексте поэмы встречается... Если же предположить, что это производная форма от слова шлем, воинский доспех, то тогда значение образа предстает более многозначным, ибо фразы эти можно читать так: в первом случае - Русская земля под защитой, во втором - Русская земля без защиты...

Устанавливая этимологию слова шеломянем, М.Фасмер преднамеренно оговаривался, что "попытка толкования из слав. при условии связи по чередованию гласных с холм сомнительны". Но главное - этот красивый рефрен в значении "за холмом" никак не связан с текстом самой поэмы.

В отличие от последующих читателей автор "Задонщины" видел в этом месте поэмы нечто более значительное и переосмыслил "за шеломянем" как "за царем, за Соломоном". И не без оснований. Но толкователи "просвещенных" времен пошли по пути наипростейшему. Отказавшись от прочтения образа, решили подогнать его под свое, заранее сложившееся представление и для этого даже совершили недопустимое - внесли в текст конъектуру. Рефрен был приведен к, так сказать, единообразию - "не шеломянем" исправлено на "за шеломянем"... Единообразие соблюдено (и это-то в литературном, художественном тексте!), что, как понятно, не могло приблизить к пониманию того, о чем же говорится в тексте. Но с тех пор это место поэмы представляется исследователями как одно из самых ясных и простых, во всяком случае не относящимся к "темным местам". Нам же оно видится наиболее сложным и одним из самых трудных для понимания.

Между тем очевидно, что исправление текста недопустимо, так как разница в рефрене имеет какой-то смысл, может быть, основной. Можно, конечно, по обыкновению сослаться на небрежность переписчиков и издателей. Но будем помнить, что небрежное отношение к слову это уже плод нашего просвещенного времени, не знающего трепета и ответственности пред словом.

Борьба за сохранение своей веры, своего, Богом данного образа жизни, как сказали бы сегодня, за сохранение своего менталитета, собственно права на жизнь, является основной темой русской литературы. С нее-то собственно и начинается она в "Слове о законе и благодати" митрополита Илариона. Как справедливо отмечает В.Кожин, древнейшие литературные и письменные памятники "в большинстве своем заострены против иудаизма - государственной религии хазарского каганата". И было бы странным полагать, что эта основная тема напрочь отсутствует в "Слове о полку Игореве". Даже из тех примеров, которые я привел, видно, что она-то и является в поэме основной. Правда, выраженной, как я уже сказал, не публицистически определено, а образно, как должно в произведении художественном.

Кроме того, само понятие "Русская земля" для современников автора "Слова" являлось основным мировоззренческим понятием, через которое они определяли себя в мире.

Упоминание о Русской земле и в "Слове" говорит о чем-то самом важном, о ее судьбе и было бы непростительным сводить его к какой-то красивости. Основные же мировоззренческие представления народа, связанные с его верой, остаются по сути неизменными на протяжении тысячелетий, потому-то на них в первую очередь и покушаются, когда хотят покорить народ.

Мне никак не хочется думать о каком-то "холме" и "кургане" в этом страстном рефрене "Слова", когда чуть ли не через день в московском метро мне вручают некие странные люди анкеты "Евреи за Иисуса". Каждый раз по-иному оформленные, они обещают одно - некий образ мира шалом, как мир спокойствия и благополучия, который я должен принять взамен собственного... Дикость ситуации состоит в том, что вместо того мира, который у меня есть, мира России, Русской земли мне сулятся некий шалом... И ведь не где-то за тридевять земель, а у себя дома, в столице... Кажется, что и сама столица находится уже под каким-то шаломом, за шеломянем...

Как совершенно ясно, под этим именем действует некая разрушительная сила, так как она из всех граждан отбирает лишь одну их категорию по национальному признаку. И если сегодня под этим именем выступает такая сила, почему мы не должны допускать мысли, что именно ее имел в виду и автор "Слова о полку Игореве", тем более, что тема веры является в поэме как видим, основной...

Хотелось бы упредить все "понимающих" в поэме читателей, которые в моих размышлениях обязательно усмотрят национальный вопрос. Обычно так и делают, чтобы загнать мировоззренческую проблему, о которой я говорю, в неразрешимый тупик. Но там, где я говорю о хазарах, я имею в виду вовсе не национальность, а образ мышления, миропонимания и веру, имею в виду жизнь по Закону или Благодати, самоутверждение или спасение, радение о земном или небесном...

С такой точки зрения становится более понятным и оправданным в поэме разночтение "не шеломянем" и "за шеломянем", приведенное к единообразию... Ведь для такого прочтения этого таинственного места поэмы есть более чем веские основания: тревога о русской земле, которой болела душа автора "Слова" снова стала жестокой реальностью. Снова разоряется Россия и не в результате прямого завоевания, а в результате подрыва ее духовных и экономических основ... Сегодня это уже стало более чем очевидным...

Разве революция в России, совершенная под знаком коммунизма, не носила все признаки иноземного завоевания?.. Ведь только в покоренном народе и в завоеванной стране возможно столь варварское и даже демонстративное подавление традиционной веры. Вспомним, как писала об этом в своей "Черной книжке" вдруг прозревшая З.Гиппиус: "Не надо русскому писателю быть профессиональным политиком, чтобы понимать, что происходит... Получается истинная картина чужеземного завоевания. Латышские, башкирские и китайские полки (самые надежные) дорисовывают эту картину..."

На этот неопровержимый и страшный факт обычно приводят довод более чем бесцеремонный по отношению к народу: таков, мол, народ по своей природе, такова страна, если она допускает действие над собой столь губительное... Довод, как видим, выдвигаемый цивилизованными варварами, совершенно расистский. А чтобы отвлечь внимание народа от главной опасности, грозящей ему, трубят о "фашизме" в русском народе... Неслыханный цинизм, после всех разрушений, совершенных в России в нашем веке...

Смысл происходящего теперь в России с точки зрения мировоззренческой и идеологической прост и непригляден до предела: ценой неслыханной жестокости и невиданных человеческих жертв, обманом и силой оружия народу навязывали чуждое ему коммунистическое мировоззрение, а когда народ все-таки переборол совершаемое над ним насилие, стали его "освобождать" от коммунизма, как понятно, тем самым, совершая новое над ним насилие... Вопреки логике, элементарному чувству справедливости народ, над которым совершалось насилие, объявлен приверженцем этой идеологии и даже виновником ее... Можно ли придумать более изощренные лукавство и издевательство...

В этом смысле идеология, называемая "демократией", именно в том смысле, в каком она применена в России, вовсе не является альтернативной коммунистической идеологии, но по сути - ее разновидностью и продолжением, ибо произрастает из одного с ней философского корня. Эта либерально-западническая идеология так же, как и коммунистическая, враждебна всему национальному и народному. Это все та же вульгарно-материалистическая философия, видящая весь мир идущим к единому образу, а не к единству многообразия. Евроцентристская по сути, она опять указывает какие угодно

пути, но только не те, которые ведут к восстановлению исторической преемственности народной жизни... Не замечать этого уже невозможно. Видеть во всем этом какие-то "объективные" законы бытия, "веление времени" и неизбежность, значит окончательно согласиться на ту участь, которая нам уготовляется... Даже "Литературная газета" давно уже переставшая быть литературной, наконец-то соглашается с тем, что элита, отобранная с помощью хитроумной селекции, по отношению к народу является предательской: "По-прежнему в элите господствует иррациональное и, по существу, предательские настроения" (Андрей Быстрицкий, № 30, 26 июля 1995 г.).

В странную ситуацию попадают и сами переустроители жизни на "новых" началах, приверженцы "демократических" ценностей, то есть те, кто отвергает ценности, народу искони свойственные. Они, по подсчетам американских специалистов составляют всего лишь десять процентов населения России, но, тем не менее, определяют пока "новый порядок" и ход развития событий.

Есть два неперемennых условия, которые должны быть соблюдены при прочтении и толковании всякого произведения художественного, а "Слова", в силу его необыкновенной духовной мощи, в особенности. Произведение должно быть прочитано именно как творение художнической мысли, со своей, только ему свойственной образной природой.

Кроме того, произведение должно быть прочитано с точки зрения того мировоззрения и вероисповедания, которых люди придерживались в те времена, в том числе и автор, то есть с позиций христианского миропредставления. Это не может рассматриваться как один из возможных подходов, но как неперемennое условие, без которого древнерусская поэма просто непонятна.

Впрочем, в своем прочтении "Слова" через христианские воззрения я далеко не первооткрыватель. Характерно в этом отношении прочтение "Слова" исследователем из города Меленки Владимирской области Владимиром Михайловым. Свою книжку он назвал "Раскрытые тайны", а жанр определил, видно отдавая дань времени, как "литературный детектив" (г. Меленки, 1990 г.). Факт сам по себе, конечно поразительный: мы прочитываем сегодня "Слово", постигая его многообразие, как детектив. И это после-то двухсотлетнего его чтения... О чем это говорит? Да, конечно же, о том, что долгие годы навязывались однажды установленные толкования. И всякая попытка взглянуть на тот или иной образ иначе, вызывали жесткий отпор.

Я не сторонник версии А.Зими́на. Но теперь, когда опубликована переписка Д.Лихачева, поражает то, что ученые не столько доказывали научную несостоятельность версии, сколько кинулись защищать свои корпоративные интересы. (См. "К истории спора о подлинности "Слова о полку Игореве", из переписки академика Д.С.Лихачева", "Русская литература", № 2, 1994 г.).

Суждения В.Михайлова в связи с этим не кажутся столь уж претенциозными: "Мы знаем теперь, что автор "Слова" был христианином, человеком высокообразованным... Для него главное - апология православия, что он и сделал в "Слове". И не его, а наша беда, что мы за двести лет не сумели разобраться в поэтических образах памятника, скользая по его поверхности, не заглянув вглубь". В самом деле, если исследователям ни о чем не говорит фраза "побарая за христианы", как не согласиться с В.Михайловым: "Эта фраза осталась не понятой исследователями, как и весь памятник"...

Отмечу лишь некоторые толкования автора. Совершенно справедливо фразу "чрес поля на горы" он понимает не в реально-географическом плане, а в духовном, где поля - пажити, а горы - пророческие книги. Находит он в "Слове" и упоминание об иконе, кроме иконы Пирогощей: "Скорбь Святослава вызвана другими обстоятельствами. Разгромленный Киев остался без своих святынь - икон и крестов, и среди них была икона, названная в "Слове" кнесом. Иконы в древности нередко назывались досками... Слово "доска" вместо "икона" встречается и в византийской литературе. "Кнес" - это "князь" или княжеская икона..."

Наконец В.Михайлов совершенно прав, говоря о том, что Игорь возвращается в Русскую землю, то есть - "в лоно православной церкви".

Еще раз подчеркну, что это не одно из возможных прочтений, а единственно возможное, ибо всякое прочтение художественного произведения лишь с точки зрения реально-бытовой, есть следствие дурно понятого позитивизма, неоправданно умаляющего творения духа и ничем не может быть оправдано.

В прочтении "Слова о полку Игореве", в толковании его образов уже давно ощутима странная закономерность - чем глубже вроде бы его исследуют, чем больше сведений из самых разных областей знаний для этого привлекают, вопросы не только не снимаются, но обостряются, смысл изображенного не только не проясняется, а еще более затуманивается. Чем более мы детализируем реально-бытовое значение того или иного образа, тем более удаляемся от его духовного смысла. Возникла обширная область знаний, прямо-таки целая наука, занимающаяся древнерусским периодом нашей истории в связи со "Словом", где поэма является как бы только лишь поводом, а не целью исследований. И кажется, что мы все более и более утрачиваем смысл поэмы. Это является верным признаком того, что в прочтении поэмы мы идем часто по ложному пути, не литературному, не художественному и духовному. А потому все более, вроде бы уточняя те или иные понятия, не проясняем, а еще более затуманиваем их. Так происходит потому, что в наших толкованиях не берется в расчет та мировоззренческая основа, на которой "Слово" выросло. А такой основой является, конечно же, христианское представление о мире. Иной основы просто не было.

Теперь можно разве только удивляться тому, сколь искаженными оказались наши духовные, эстетические и художественные представления, если мы с упоением изучаем возможный маршрут похода, выясняем автора, устанавливаем прототипы - то есть заняты тем, что не имеет прямого отношения к духовному смыслу произведения. При этом как бы забывается главное, то, что в подлинно художественном произведении всегда говорится о единичной судьбе, о душе человеческой, о том, что с ней происходит в этом мире. "Слово" - поэма, прежде всего о том, как пропадает душа в безверии и как выходит из тьмы человеческой чрез веру. Это поэма о том, как Бог указал князю Игорю путь "из земли Половецкой на землю Русскую" (отнюдь не только в смысле географическом), о том, как он спасся в вере, "побарая за христиан на поганы полки".

Нет сомнений в том, что Тмутороканский болван, как я уже сказал, есть тот библейский истукан, идол "по имени Вил", который был в Вавилонской земле, указывающий на то, что спор идет о разных верах. Даже не о преимуществах той и другой, речь идет о коварном способе завоевания других государств с помощью веры. Ведь такие произвольные и совсем необязательные доводы были приведены Даниилом Валтасару, предрекающие его неизбежную гибель в расшифровке надписи, сделанной "на извести чертога царского" рукой, "которая писала": "Исчислил Бог царство твое и положил конец ему... Ты взвешен на весах и найден очень легким..." И все, и этого достаточно для того,

чтобы Валтасар умер. То есть он должен умереть лишь потому, что не такой как другие, по самой своей природе, по факту своего существования... Ну точно так же, как уже бывало: России надлежит быть переделанной лишь потому, что она "самодержавная", "коммунистическая", "социалистическая" и так далее.

Кстати, тот же библейский смысл имеет в определенной мере и "мысленное древо", помимо его фольклорного значения. Древо, на котором держится красота мира сего, и с которого она низвергается.... "Я видел, вот среди земли дерево весьма высокое. Большое было это дерево и крепкое; и высота его достигала до неба, и оно видно было до краев всей земли. Листья его прекрасные, и плодов на нем множество, и пища на нем для всех; под ним находили тень полевые звери, и в ветвях его гнездились птицы небесные, и от него питалась всякая плоть... И вот нисшел с небес Бодрствующий и Святой. Воскликнув громко, он сказал: "Срубите это дерево, обрубите ветви его, стрясите листья с него, и разбросайте плоды его; пусть удалятся звери из-под него и птицы с ветвей его. Но главный корень его оставьте в земле и пусть он в узах железных и медных среди полевой травы орошается небесною росой, и с животными пусть будет часть его в траве земной. Сердце человеческое отнимется от него, и дастся ему сердце звериное и пройдут над ним семь времен". В таком мировоззренческом контексте становятся ясными и другие невразумительные места поэмы.

Мне могут возразить, что такие сопоставления малооправданы. Но, во-первых, совпадение сюжета здесь очевидно, совпадение смыслов тоже явное. Во-вторых, кощунственно же в самом деле и унизительно столь мощное проявление духа человеческого, каким является поэма "Слово о полку Игореве", сводить к какому-то глуповатому позитивизму, ничего не объясняющему из того, о чем говорится в поэме. Конечно, это поэма и о жестокости вооруженной борьбы, но главным образом - о страданиях человеческих при утрате веры и радости ее обретения, о том, что происходит с человеком, когда плоть извращает путь свой на земле...

Когда я разделяю историческое и литературное прочтение произведения художественного, я вовсе не отрицаю исторический подход. Он есть необходимое условие прочтения творения духа, но не его цель. Собственно говоря, и разделять эти подходы понадобилось лишь потому, что изучение "Слова о полку Игореве", по сути, свелось лишь к его историческому аспекту. История и искусство по-разному понимают смысл человеческого бытия. Такова их природа и обижаться тут абсолютно не на кого. Но подменять одно другим недопустимо. Ведь многие наши беды проистекают именно по причине подобной подмены и смешения. При этом обыкновенно не учитывается, игнорируется основное противоречие человеческого бытия: между его сознанием, разумом и его духовной природой...

С точки зрения историка человеческая жизнь представляет собой поступательный процесс от простого к сложному. С точки же зрения художника - это вовсе не так, ибо духовная природа человека остается по сути неизменной. И в этом смысле литература, конечно же, "консервативна" по самой своей природе. Иначе чем можно объяснить тот, странный вроде бы факт, что в XII или в XIX веках могли проявляться такие всплески духа, которые стали немыслимыми в XX веке, хотя по обыденной логике человечество стало, вроде бы, более развитым... Не является ли это доказательством того, что в нравственном отношении человек прошлого был более совершенен, чем современный... К сожалению, зачастую за критерий оценки люди берут далеко не основные признаки. Можно сказать словами Л.Толстого: "Бессознательная, а иногда и сознательная ошибка, которую делают люди, защищающие цивилизацию, состоит в том, что они цивилизацию, которая есть только орудие, признают за цель и считают ее всегда благом".

Для уяснения смысла и значения того или иного художественного образа больше дает образная логика произведения, чем то или иное словарное значение слова. Поясню на примерах.

Как только не переводили и не понимали загадочное слово "Див", вернусь снова к этому загадочному образу. Но рассмотрим его в образной, художественной логике:

Уже снесся хула на хвалу;
Уже тресну нужда на волю;
Уже врьжеся Див на землю.

О чем с такой болью взывает автор? О том, что пришли недобрые времена, когда хула стала одолевать хвалу, нужда - волю, о том, что рушится мироздание. В этом же ряду упоминается и о Диве, о низвержении его, как о самом большом несчастье, ибо в этом причитании автора черед напастей идет по возрастающей. А потому наиболее вероятно здесь то понимание, которое давал еще А.Афанасьев в "Поэтических воззрениях славян на природу": "Слово "див" стало употребляться для обозначения нечистой силы... От этого слова, по указанию Я.Гримма, образов. слав. дьявол". То есть, нечистая сила, дьявол пришел на землю. Как видим, это вполне согласуется с тем пониманием, к которому я пришел ранее совершенно иным путем.

По художественной логике иначе представляется в "Слове" "тьма", столь часто упоминаемая: "Солнце ему тьмою путь заступаше... и виде от него тьмою вся воя прикрыты... На реце на Каяле тьма свет прикрыла". Конечно, "тьма" в поэме меньше всего имеет отношение к солнечному затмению, которое действительно было. Это та тьма человеческая, которая прикрывает свет, о чем в "Слове", как видим, говорится прямо, где под светом понимается дух, вера, а под тьмою - безверие.

В "Тарасе Бульбе" Н.Гоголя: "Как орлы, озирали они вокруг себя очами все поле и чернеющую вдаль судьбу свою". В "Тихом Доне" М.Шолохова: "Словно пробудившись от тяжкого сна, он поднял голову и увидел над собой черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца".

Эта душевная тьма означает духовную сломленность человека: "Как выжженная палами степь, черна стала жизнь Григория. Он лишился всего, что было дорого его сердцу... Он утратил со смертью Аксиньи и разум, и былую смелость".

То же опять-таки и в "Тарасе Бульбе": "Он был в странном, небывалом положении: он чувствовал в первый раз в жизни беспокойство. Душа его была в лихорадочном состоянии. Он не был тот прежний, непреклонный, неколебимый, крепкий как дуб; он был малодушен; он был теперь слаб". Вот что значит чернеющая судьба, тьма духовная. И нет никаких оснований понимать ее как-то иначе в "Слове".

Сам по себе факт, что Тмутаракани в "Слове" уделено столь много внимания и что она появляется в поэме вроде бы неожиданно и беспричинно, так как давно уже перестала быть русским княжеством и даже упоминаться в летописях, свидетельствует о том, что автор обращался к ней не ради какой-то исторической точности, во всяком случае не только ради нее. Какое дело ему было до далекой и уже забытой Тмутаракани перед лицом таких грозных, апокалипсических событий, очевидцем и участником которых ему довелось быть... Совершенно очевидно, что к прошлому Тмутаракани автор обращался для того, чтобы понять самому и объяснить современникам своим смысл и значение своего времени. И тут оказалось, что объяснить ныне происходящее без широкой картины русской истории было невозможно и особенно невозможно было обойти Тмутаракань. Не

историческую только, не событийную правду искал автор поэмы, обращаясь к прошлому, но мировоззренческий и духовный смысл своего времени. Складывается впечатление, что для автора "Слова" и его современников наступали времена очень близкие к тем, какие были в период Тмутаракани. Именно поэтому и вроде бы вдруг вспоминается Тмутаракань, именно поэтому ей уделяется столь много внимания. Стало быть, беда, которая теперь терзала Русь, была сходна с бедой тех времен, если она не была все та же...

Тмутараканское же княжество как таковое и по сей день представляется каким-то не вполне реальным. Истинное значение его в истории Руси остается внятно не объясненным. За фактами историческими, обрывочными и скудными совсем теряется его мировоззренческое и духовное значение. Между тем, как в хазарских походах и в принятии христианства, оно сыграло значение исключительное. Как отмечается в "Хазарском словаре", "Легенды, порожденные этим событием (хазарской полемикой - П.Т.), были особенно живучи в Крыму, на Таманском полуострове и в городе Таматарха, известном как своеобразная еврейская столица в хазарском царстве". Да и сама "полемика" происходила в этом регионе, во временной столице или летней резиденции Хазарии Самандаре, как считают, близ нынешней станицы Шелковской.

Тмутаракани принадлежало какое-то ключевое, не только собственно военно-стратегическое значение для Руси. Георгий Владимирович Вернадский в своей книге "Киевская Русь" (Тверь, "Леан", Москва, "Аграф", 1996) отмечает, что "существовало два центра русской активности этого периода - Киев и Тмутаракань". А в отдельные периоды Тмутаракань даже перехватывала у Киева значение духовного центра: "Как правитель Тмутаракани, Мстислав, видимо, носил титул кагана. Интересно отметить, что в "Слове о полку Игореве" черниговского князя Олега, который тоже какое-то время управлял Тмутараканью, также называли каганом. Таким образом, правление Мстислава - это, в определенном смысле, попытка заменить господство на Руси Киева господством Тмутаракани и возродить древнерусский каганат докиевских времен. В тот период, судя по всему, Тмутаракань являлась своего рода духовной столицей Руси".

Без сомнения, это был плацдарм для выхода Руси во внешний мир: "Подобно Олегу, Святослав имел своей главной целью объединение сил Киевской Руси с Тмутараканской Русью с тем, чтобы расширить свой контроль над регионом Азова и в конечном итоге открыть дорогу к Каспийскому морю. Для этого необходимо было разбить хазар" (Г.Вернадский). Из Тмутаракани, собственно, и начались хазарские походы. И все же значение Тмутаракани не сводилось лишь к значению военно-стратегическому. Примечательно, что первая русская епархия, учрежденная при патриархе Фотие в 864 году, находилась в Тмутаракани.

Здесь надо иметь в виду очень важное обстоятельство. Речь - не о достоинствах или недостатках той или иной религии, это вопрос сложный и особый. Речь о том, что каждому народу присуща своя вера в такой же мере, как каждому человеку - свое единственное и неповторимое лицо. Народы принимали ту или иную веру вовсе не произвольно, но именно ту, которая соответствует их духу, характеру, образу. Но произвольная смена веры грозит трагедией и гибелью государства и народа, ибо она является изощренной формой духовного подчинения и физического порабощения народов. Причем, это не есть изобретение нашего цивилизованного времени. Этой формой борьбы пронизан, как мы уже видели, весь Ветхий Завет. Вполне справедливо писал Л.Гумилев по поводу введения Обадией в Хазарии раввинского иудаизма в качестве государственной религии: "Это не столь религиозный, сколь государственный переворот, прикрытый множеством легенд, которые все без исключения представляются вымышленными с одной целью - утаить от народа и истории истинное положение дел".

("Древняя Русь и Великая Степь", М., "Мысль", 1989 г.). Вполне понятно, что "о мотивах этого необычного события ничего не известно" (Л.Гумилев), то есть обращения хазар в новую, чуждую им веру.

Итак, именно произвольная смена веры губительна для государства и народа, а не та или иная вера сама по себе. Ведь гибель Хазарии после принятия иудаизма правящей элитой более чем убедительный факт. Предвидя подобную трагедию, князь Владимир согласно легенде о "выборе веры" отказывается от иудаизма.

Примечательно и то, что это обращение в другую веру, поклонение "иным богам" утаивалось от самого хазарского народа и в международных отношениях было встречено негативно: "Когда правители греко- и арабоязычных стран слышали об этом обращении, они были настолько поражены, что высказали свое недовольство в посланиях к хазарским вождям" (Норман Голб и Омелян Прицак, "Хазаро-еврейские документы X века", "Гешарим", Москва, 1997, Иерусалим, 5757). Это, бесспорно, свидетельствует о том, что уже тогда было ясное осознание смысла происходящего, несмотря на всю его невнятность и необъяснимость.

Отсутствие Хазарского государства как такового вовсе не означает, что "хазарская проблема" более не существует, что возможность создания где-либо этнической и социально-политической химеры отсутствует. Скорее наоборот, такая возможность усилилась сразу же после разрушения Хазарского государства, ибо хазарская иудейская правящая верхушка никуда не делась, а эмигрировала в другие страны, поселилась в других народах, где вынуждена по самой своей природе создавать подобные химеры, ибо другой формы жизни она не знает. Нынешний же уровень организации человеческого общества пока еще не находит противоядия против подобной мировоззренческой и духовной агрессии. А потому можно с уверенностью сказать, что спор о Хазарии как в прошлом, так и сегодня, не есть спор только о ее странной и трагической истории, не есть спор чисто исторический. Это извечный спор о духовной природе человека, о путях и судьбах человеческой цивилизации, о том, как человек утрачивает и как сохраняет свою духовную природу. Это вид той брани духовной, которая и составляет суть человеческого бытия.

Тмутаракань - врата Руси во внешний мир, ее недремлющее духовное око, коим она когда-то смотрела в мир. Неслучайно ведь и совпадение значения этих слов - око и окно. И хотя через это окно, как видели, шел не только свет, но и тьма, все же именно оттуда, с юга шла на Русь благодать новой веры. Уже первая легенда начальной русской летописи о христианстве на Руси, - писал Д.Лихачев, - "рассказывает о путешествии апостола Андрея Первозванного из Синопии и Корсуни (Херсона) по великому пути "из грек в варяги" - по Днепру, Ловати и Волхову в Балтийское море, а затем кругом Европы в Рим". ("Новый мир" № 6, 1988). Апостол Андрей, по преданию, проповедовал на своем пути в Русь через Кавказ, Боспор (Керчь), Феодосию и Херсонес. И, конечно же, через Тмутаракань...

Предвижу скорые возражения просвещенных, прогрессивно настроенных читателей о том, что Россия, ведь не осталась потом без окна в мир. Оно было громко и шумно прорублено в Европу деятельным и безудержным Петром Великим, был выстроен новый град. Но в том-то и дело, что вместо естественного, природного окна, было сооружено окно рукотворное. И, кстати, не в мир, а лишь в Европу... В этом факте, может быть, - вся наша судьба. Ведь было же естественное северное окно Руси - древний Великий Новгород. Так издавна повелось на Руси, и не только с этим пресловутым окном, что вместо естественного и природного сооружалось рукотворное и произвольное. И, конечно, это было следствием не недомыслия или попустительства.

Но ведь Петр, "стеливший души, как солому" (Б.Чичибабин) хотел добра? Безусловно, вся его неумная натура была вроде бы направлена на это. Только через естественное окно Руси шел свет просвещения и веры, а через окно, прорубленное Петром, пришла в Россию тьма трех (!) войн, названных в родных пределах Отечественными и трех (или сколько уже?) революций, исказивших лицо страны до неузнаваемости. Какие еще факты нужны живой, неослепшей душе?

Но роковым охвачен нетерпением,
Все исказил неистовый Хирург,
Что кесаревым вылушил сеченьем
Незрелый плод славянства - Петербург.

М.Волошин

Как же теперь бойкому, самонадеянному племени не заглядывать воровато через то самое "окно", прорубленное Петром, ожидая снова спасения и блага оттуда, откуда они еще никогда не приходили... Откуда ему ведать, что в граде, воздвигнутом на костях, счастья быть не может. Может быть, только или ликование или бесовской шабаш. Откуда ему слышать, что по ночам, когда дома эти дают осадку, слышен хруст костей...

То, что было ясно, скажем, И.Бунину, в апреле 1919 года, и о чем он сделал запись в "Окаянных днях", большинству откроется только через семьдесят лет: "А сколько дурачков убеждено, что в российской истории произошел великий "сдвиг" к чему-то будто бы совершенно новому, доселе небывалому!" Не будем же и мы торопиться обзывать невиданным прогрессом то, что происходит теперь в России. Происходит новое бедствие. И все через то же шумно прорубленное окно, откуда уж только самые незрячие все еще ждут блага. Потому и ждут, что само понятие блага в душе и сердце искажено.

Видно, на теле России на месте Петербурга должно быть что-то иное, какое-то иное сооружение, образование, только не окно. Россия все еще смотрит в мир искусственным, незрячим оком, зловеще блестящим моноклем, а растерянные граждане, кажется, никак не могут в это поверить, признать в этом причину бесконечных пока нелепиц, ни в какой иной земле невообразимых, не то что вполне серьезно осуществляемых...

Нет, напрасно искать здесь тот духовный град, который издавна загадочно именуется Тмутараканью. О граде же на Неве я говорю лишь потому, что по законам всего сущего на земле каждому явлению есть своя противоположность. Противоположность внутреннего различия и порой поразительного внешнего сходства. Как и в нашем сопоставлении : и там и тут - град, и там и тут - окно во внешний мир. Но там град нерукотворный, "вечный град", Бог весть кем и когда выстроенный. Тут же град рукотворный, на костях людских построенный. Но главное - через то окно пришла благодать новой веры, а через это приходили войны и революции. В поэме "Песнь о великом походе" С.Есенин прямо соотносил эпоху Петра с революцией. А его прозорливости и чуткости, его способности распознавать смысл происходящего, нельзя не доверять. Еще с большей определенностью и даже полемичностью это противопоставлено в стихотворении М.Цветаевой "Петру", где деяния его уже прямо названы работой бесовской - "Бесам на торжество!":

Ты под котел кипящий этот -
Сам подложил углей!
Родоначальник - ты - Советов,
Ревнитель Ассамблей!
Родоначальник - ты - развалин,
Тобой - скиты горят!

Твоею же рукой провален
Твой баснословный град...

Ни в коем разе не хочу, чтобы меня поняли так, что я советую теперь наскоро, досками крест-на-крест забить одно окно, "незрелый плод славянства", как забивают уже давно по деревням брошенные избы, и открыть другое окно. И то, и другое теперь немыслимо и невозможно. Исправление несправедливо совершенного столь же болезненно и требует, может быть, не меньших жертв, чем нарушение естественности. Я лишь отмечаю положение сложившееся, и, может быть, уже в полной мере непоправимое...

Русь, Россия - страна необычная, как бы с блуждающей во времени столицей, с блуждающим сердцем... Может быть, трудная ее судьба, коварство вековой борьбы против нее выработало у нее такой странный иммунитет. Не потому ли столица ее постоянно меняет свое место и имя, что там действительно поселялось зло, нечистая сила, оказывалась захваченной недобрыми силами и ничего иного не оставалось, кроме как оставить ее, отсесть вместе с градом...

Может быть, то, что столица в России блуждает, как раз и свидетельствует о том, что она, в отличие от других стран и народов, все еще сопротивляется вселенскому молоху, злу всеединения, как страна более молодая, не хочет примириться с уготованной всем погибелью. А потому всякий раз, как только град ее становился блудницей, "жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу", она его оставляла безжалостно и решительно, ища другое пристанище духа, так же, как ящерица оставляет в опасности хвост свой, дабы уцелеть... И то, что внешним поводом для этого могли быть соображения и условия самые разные, не скрывает этой главной и очевидной закономерности.

Может показаться даже причудой та настойчивость, с которой вроде бы вдруг, причем, люди самые разные в наши дни заговорили о необходимости переноса теперь столицы. Но так может показаться лишь тем, кто погружен в сиюминутные интересы, не умея удерживать внимание "долгих дум". Ведь причина столь грандиозного действия уже не скрывается, диагноз установлен довольно точно - белокаменная "стала как бы противовесом всей остальной стране". И еще более определенно: "Перенос столицы подорвал бы господство московского истеблишмента над страной, обрезал бы его связи с мафией, существенно ограничил количество всяких ведомств и управ, размножившихся за годы "демократии" самым устрашающим образом". Словом, предстоит "освобождение России от засилья Москвы" (Владимир Миронов, директор Института политики, "Независимая газета", 27.09.94). Что же за такое странное и опасное засилье столицы, угрожающее гибелью всей стране, враждебное народу? Что это за такой "истеблишмент"? Если оставить понятную в данном случае для ученого деликатность, то это означает не что иное, как новое иго "демократическое", генетически родственное "коммунистическому" и восходящее к "хазарскому"...

Философ Г.Федотов удивлялся, почему мать городов русских Киев оказался обойденным великой русской литературой уже в более поздние времена. Знать, действительно, дух человеческий туда не мог уже возвратиться... Петербург, не в пример Киеву, литературой не был обойден. Но в литературе этой зачастую были убийственные ему приговоры. "Ужасный город; бесчеловечный город" - не потому ли он и стал "колыбелью" революции, "колыбелью" разрухи и несчастий, что "здесь свершилось чудовищное насилие над природой и духом уже при основании его", что "в его идее есть что-то изначально безумное, предопределяющее его гибель?" (Г.Федотов). За сорок лет до "Петербурга" А.Белого за образ этого странного града взялся было Л.Толстой: "Обложился книгами о Петре I и его времени... что за эпоха для художника, - писал он в

1872 году Н.Страхову, - весь узел русской жизни сидит тут". Но странно, что замысел этот остался невоплощенным. Таких случайностей у художников такого масштаба не бывает. Значит, если и был там узел чего-то, но только не русской жизни. И грандиозность и масштабы совершавшегося действия еще не говорят ни о его праведности, ни о его неизбежности. "Петербургом Петр зажал Россию в финском болоте, и она страшными усилиями выбиралась из него и потом утрамбовала его своими костями, чтобы сделать из него Невский проспект и Петропавловскую крепость - гигантское дело деспотизма, равное египетским пирамидам", - писал В.Ключевский. Но ведь во имя прогресса, - могут возразить мне. Во имя перерождения умов "посредством штанов и кафтанов"? В.Ключевский считал это "мистикой". Я же думаю, что это или наивность или безумие. Ну, и - ложной теорией бесконечного земного "прогресса", дурной бесконечностью, следствие которых - "бесконечная война - самоистребление человечества" (Д.Мережковский).

Зловещий символ. С-Петербург - это город, где погибают поэты... Именно погибают, а не просто умирают в свой положенный час. Там закатилось наше духовное и нравственное солнце, там был убит Александр Пушкин. Там потерял волю и ушел из жизни Александр Блок. Там был убит и Сергей Есенин. Он словно бы специально поехал туда на свою гибель... Зловещий город.

Столица же духовная у России есть постоянная и неизменная. И если мы не можем указать ее место, то это не значит, что ее нет...

Ведь грады и храмы не исчезают, но становятся невидимыми, когда им грозит опасность. Так оберегаются они рукой Господней: "Так покрыл Господь тот град дланию своею".

Не остается, кажется, уже никаких сомнений в том, что и нынешняя столица начинает отмирать, что и она уже превратилась в "великую блудницу", в "железную клеть", "в ней негде поплакать и душу согреть" (Н.Клюев), что и здесь поселилась нечистая сила... Отсюда стало исходить безумие, разрушающее страну. Куда теперь переместится столица, оставив бесовство без кровавой пищи? В Воронеж? Омск? Екатеринбург? Неизвестно... Или сможет самоочиститься и остаться на прежнем месте... Но разве не показательно, что в наши дни вдруг заговорили не просто о возможности, а о крайней необходимости переноса столицы России. Куда угодно, но лучше всего - в "чистое поле".

Позже, когда северная столица уже вошла в силу, и пути России были вроде бы определены, страна как бы непроизвольно и интуитивно припомнила о другом полюсе своей жизни, о Новороссии, огромной русской провинции, области от Приднепровья до Ростова, включающей в себя Азово-Черноморское побережье. В самом этом имени - Новороссия, чувствовалась все та же мечта о преображении России через отыскание естественных путей на юге. Но эта мечта, этот порыв оказались задушенными новой "национальной политикой", первой заповедью и краеугольным камнем которой была непримиримая и жестокая борьба против так называемого "великодержавного шовинизма", что означало борьбу против всякого проявления в русском народе действительно самобытного.

Ориентации на Запад, по этой системе воззрений, конечно "нет альтернативы". Но мы-то пока в нашем веке переживаем не "ориентацию", а откровенную экспансию. Или коммунизм, как разрушительная система воззрений пришел не с Запада, а с Востока, и не явился продуктом жизни именно Запада?.. Видно, снова дети разных народов ведут борьбу за торжество мировой демократии в России, где России уготована роль хвороста в топку этой борьбы. Что подобной опасной схоластике мнение ученых, философов, если

оно становится поперек ее безумия: "Запад и Восток - это две вечные стороны состояния человечества; это не география, это два вечных момента. Если это так, то они по определению, не могут пересечься и не могут конфликтовать один с другим. Не может быть конфликта между Западом и Востоком как вечными моментами человеческого состояния..." (М.Мамардашвили). Но все давно уже вульгаризировано, извращено, чтобы люди не догадались, что борется-то не Запад и Восток, а нечто, совсем иное, что "теория и жизнь - вот Запад и Восток в настоящую минуту", - как писал еще Ап.Григорьев.

Примечательно, что во времена смуты и гражданской войны, когда люди пытались отыскать их мировоззренческие причины, припомнилась именно эта ориентация России в мире. Бывший кубанский атаман А.П.Филимонов писал в статье "Разгром Кубанской рады": "Гений русского народа всегда тянулся на юг, а не на север, а потому петровская реформа - историческая ошибка. Казаки олицетворяли собою тягу на юг, туда где больше света, больше тепла, больше солнца".

Град Тмутаракань - мечта Руси о своем идеале, о своем пути в этом мире, о самой себе. Так же, как град Китеж, как Беловодье, как новый град Иерусалим, снисходящий с неба. Или наоборот, - сосредоточение тьмы человеческой, что отразилось в самом ее имени - Тмутаракань... Может быть, это тот зловеший град, который по законам всего сущего на земле противостоит тому граду небесному, достижение которого составляет смысл человеческого существования. Теперь уже за далью веков и лукавством мира этого не разобрать. Но выяснением этого прежде всего мы и должны быть заняты, читая уникальный памятник мировой литературы "Слово о полку Игореве".

Россия всегда, издавна и до сегодняшнего дня, жила в состоянии выбора, постоянно на распутье, каждый раз заново начиная свою историю и судьбу, над ней всегда довлела мучительная ситуация "выбора веры". Как великий Владимир выбирал веру, так позже Петр выбирал столицу, а вместе с ней и путь развития, судьбу страны и народа, так позже Россия выбрала социалистический путь, теперь отказывается и от него, совершая очередной радикальный поворот, как уже совершенно ясно не на пользу ей идущий.

Это миропонимание предполагает устройство Царства Божия на земле, а не "на небеси и на земли", через смену укладов, то есть через перерыв постепенности, с конечной целью такого устройства бытия, где не будет страдания, а будет только одно блаженство. Но ведь страдание в сей жизни неустранимо, по самой природе человеческой, его нужно научиться преодолевать, а не обходить, научиться входить "тесными вратами". А если так, то в этой конечной цели есть неправда, которая делает несправедливым и путь к ней...

Совсем иначе с привидевшимся мне градом. Ведь это град, которого никогда вроде бы и не было на земле. Все признаки говорят за то, что он должен быть. Все приметы указывают на то, где именно ему должно быть. А его там почему-то не оказывается... Там, где должен быть грандиозный град, оказывается то маленькая Таматарха, то таинственная Тмутаракань, то скверный городишко Тамань, то провинциальная станица Таманская... Но это не значит, что града нет вообще, иначе откуда же эти многочисленные приметы и признаки, указывающие на то, что он есть? Может быть, у нас просто нет пока такого органа чувств, который бы безошибочно отыскивал и различал его. И если не всякая душа обладает достаточной чуткостью, чтобы его распознать, приходится полагаться на эти внешние приметы и признаки, указывающие на его действительное существование.

Многое прочитав о Тмутаракани, многое передумав о ней, я, признаться, боялся ехать теперь в Тамань. Опасался, что ничего из того, что виделось и представлялось, в ее пыльных улочках не найду. Да и не эти приметы я искал. Они - только свидетельство того, что Тмутаракань действительно есть. Но сам град... Как писал М.Волошин в "России распятой": "Мой единственный идеал - это град Божий. Но он находится не только за гранью политики и социологии, но даже за гранью времени. Путь к нему - вся крестная, страстная история человечества".

Где он, чудный, таинственный, невидимый, заветный град Тмутаракань?! Куда идти на его поиски? Об этом узнаёт лишь тот, кто его находит.

Приклонись к земле - и вся земля
Песню заздравной.
Это, Игорьь, - Русь через моря
Плачет Ярославной.

М.Цветаева

Пожалуй, нет ничего губительнее для литературы, чем толковать произведение художественное, творение духа с помощью каких-то идеологических и политических понятий, отрываясь от живой жизни, души человеческой,

которой только и занята подлинная литература. И хотя образный язык произведения художественного не переложим на язык обыденной логики, иначе бы отпала в ней всякая потребность, у читателя просто нет иного способа понять произведение художественное, кроме как через те же самые господствующие в обществе мировоззренческие понятия. Нет иного способа кроме как через них, говоря словами Даниила Заточника, разгадать в притчах загадки художника, через которые он возвещает в народах свою славу.

Теперь в литературе царит какая-то растерянность. Это, как понятно, следствие общего духовного падения, охватившего наше общество. И сказывается это не только в понимании литературы текущей, но и всего наследия, до нас созданного. В литературе назрела переоценка ценностей. Но переоценка, как освобождение от догм вульгарного социологизма, а не отрицание догм старых лишь для того, чтобы тут же подхватить новые. Однако, дела наши в литературе видно действительно плохи, если писатель, уже нисколько не смущаясь, заявляет читателям, что нам, стало быть и ему, теперь не до эстетики, собственно не до литературы. Такие писательские заявления уже стали как бы знаком "прогрессивности" мышления, чуть ли не признаком хорошего тона. Так ведь прямо и пишет: "Трудно с этим примириться, но интерес к литературе, к театру упал, что наверное естественно. Естественно потому, что раньше хоть и чуточная правда о нашей жизни могла появиться только в искусстве, в литературе... Сейчас правдивое слово везде: и в демократической прессе, и в лозунгах на митингах, и в бытовых разговорах. Литература же запаздывает, она требует времени и для создания, и не меньше - для публикации, она доходит до читателя уже тогда, когда публицистика сказала свое слово. Что же касается эстетической стороны, то нам что-то сейчас не до эстетики, настолько переполняет нас политика" (В.Кондратьев, "Литературная газета", № 13,1991). Так говорил писатель, человек настроенный решительно и критически, порицающий все и вся, упрекающий правительство за то, что оно не умеет управлять, армию за то, что она, якобы окончательно разложилась: "Такую армию нельзя принять нормальному человеку". Согласившись с ним в том, что и правительство могло быть у нас попроворнее, да и в армии безобразий немало, словом, согласившись, хочется все же умерив пыл писателя, спросить его: а у вас, как у писателя, у художника, с точки зрения профессиональной, все в порядке?.. Вот то-то и оно... Ведь изложенное выше по понятиям литературным столь упрощенно и даже примитивно, что становится за человека, считающего себя писателем, даже неудобно. Разве путь правды таков: от лозунга, митинга, от публицистики до собственно художественного произведения? И если правда лозунга одинакова с правдой художественной, зачем нужна последняя? Разве призвание писателя состоит в том, чтобы поспешить за скорыми публицистами и демонстрантами, и падение интересов к литературе разве знак ему для скорой "перестройки"? И разве естественно вообще падение интереса к литературе? Это, как раз неестественно, и является одним из проявлений падения культуры, о котором теперь говорится столь часто. Нетрудно заметить, что правдивость художественную он уподобляет фактической и социальной достоверности. А они далеко не совпадают. Совмещение их в каких бы то ни было целях и формах ничем иным не оборачивается как упрощением жизни и оскотинением литературы. И трагедией, уже не эстетической... Ведь ни о чем этом писателя уже не спросишь... Утверждаемое им с такой неистовостью, вошло в такое противоречие с реальностью, что его физическое существо не выдержало и он покончил с собой... Вот цена упрощения и литературы, и природы человеческой...

Ведь это все то же, от Чернышевского еще идущее представление о литературе, как разновидности прокламации. Кому же тогда есть дело до эстетики, литературы, если не художнику, не писателю? Не до эстетики может быть кооператору, арендатору, другому трудовому человеку, замордованному проблемами, но не писателю же... Писатели перестают мыслить категориями художественными, уже даже не различают образное мышление от иных представлений. Даже признаются в этом с некоторой гордостью. И тут сказывается вовсе не веление и не влияние времени, Бог весть кем и как поверяемое, а обыкновенное падение литературного профессионализма. Думается, что у писателя, несмотря ни на какую сложность времени (оно всегда по-своему непростое), нет большей заботы, чем о душе человеческой, чем собственно о литературе. А потому, в благополучные времена потребность в нем, может быть, и не столь ощутима. Но в периоды смут, когда душа человеческая растеряна и готова впасть во искушение, наступает час художника. На этот час он, может быть, и приходит... Духовный поводырь необходим человеку тогда, когда ему трудно, а не тогда, когда легко. Поэтому писатель в общей толпе бегущий за "велением времени", отрекающийся от эстетики, мне представляется более чем странным. Во всяком случае, ему не следовало бы сетовать на непорядки и неполадки в других областях жизни...

Подобным стремлением подменить литературу чем-то иным, каким-то другим продуктом человеческой жизни сегодня охвачена не только радикальная беллетристика, но в равной мере и "консервативная", вроде бы "патриотическая" пресса. Скажем, Виталий Канашкин, занятый, кажется не столько поиском истины, сколько публичными заверениями в своей принадлежности к "патриотическому" лагерю, очередной том своих литературно-критических изысков видит выросшими "из соотзыва художественному слову, готовому перейти без остатка в действительность" (В.Канашкин, "Или-или", Краснодарское книжное издательство, 1990). Видимо, он так же, как и Вячеслав Кондратьев полагает, что художественное слово еще не есть действительность, якобы более ценная и порядком выше, чем оно. Но слово - и есть действительность и не следует его искушать ею, как якобы более драгоценной в сравнении с ним. Или - вполне соцреалистическое, программное заявление А. Солженицына в выступлении в Российской Академии наук 1 июля 1999: "Я вырос в сознании, что писатель не смеет отдалиться своим художественным прихотям, что рано или поздно он должен послужить своему народному обществу, своему Отечеству". Опять это противопоставление искусства и жизни, и шире - духа и плоти. Что значит "художественные прихоти"? А как же А. Пушкин: "Небрежный плод моих забав"... Для художника иного служения, чем служение словом, быть не может. Он, конечно, в силу житейских обстоятельств, может быть и камер-юнкером, и поручиком, и, как в наше время, диссидентом, но это все служба, а не служение. Он ведь - хранитель духа народного, а не пропагандист каких бы то ни было идей. Неисправимый соцреализм... Тут - трагедия и самого Солженицына и литературы нашего времени... Все эти, в том числе и наши нынешние, разделения на лагеря в литературе - есть следствие политизированности литературы, в конечном счете отступничество от нее, есть следствие падения художнической и общей культуры, есть разные формы проявления все того же вульгарного социологизма, есть нарушение пушкинского завета: "Слова поэта суть уже его дела"...

Я-то думал, что времена откровенного, ничем не прикрытого вульгарного социологизма канули безвозвратно, что наученные горьким опытом, не станем снова порываться в "действительность", перестанем наконец-то, в угоду своим сиюминутным куцым групповым и иным соображениям выставлять своих художников чуть ли не недоумками - и того "не понимавшими", и то "просмотревшими", вечно "заблуждающимися" и

"ошибающимися". Оказывается, нет, не ушли печально памятные времена вульгарного социологизма. Встают новые бойцы, кажется, не менее неистовые, чем прежние. Даже наоборот, опасность эта для литературы стала еще более реальной, ибо изменились формы ее проявления. К тому же переоценка литературы прошедших десятилетий действительно ведь необходима. Надо бы наконец подразобраться и с пресловутым соцреализмом. Осудить, развенчать, в очередной раз низвергнуть, разрушить до основания - это не сложно. Но что в действительности происходило в литературе в те трудные годы? От того, как мы ответим на этот вопрос, как развяжем этот узел, зависит, может быть, и наше нынешнее состояние литературы, состояние нашего духа.

Положение же складывается, не то что странное, но удивительное по своей новой, ничем не лучше старой, бесцеремонности. Десятилетиями литературе неистово навязывался так называемый социалистический реализм, литература губилась им, корчилась в муках под его бременем. И вот теперь, когда идеологическая почва коммунистической эры российской истории по сути распалась, отыскиваются новоявленные неистовые ревнители, опять-таки не обремененные ни познаниями народной жизни, ни культурой, ни чем не смущаясь, той же самой литературе, изнемогавшей под ярмом соцреализма, вменяют в вину этот самый соцреализм. Словно литература принимала его добровольно. Да и принимала ли... И теперь под видом борьбы с догмами соцреализма, под видом утверждения безграничной свободы, предлагают низвергнуть и всю литературу этого долгого и такого трудного периода российской истории, счастливо ее похоронить. Словно кроме догм не было почти вековой жизни народа, словно этими догмами, навязываемыми с невиданным остервенением, все и определялось. Словно им не сопротивлялась жизнь, душа народная. И словно это никак не отразилось в литературе. Но литература, как живой организм, не только этим догмам сопротивлялась, но и заметила те духовные пути народа, с которых всеми силами пытались его сбить. И теперь любопытно и поучительно проследить не только то, как литература сопротивлялась навязываемым ей догмам, но и какие пути выхода из этого губительного положения она искала и находила, какой ценой она уцелела.

Одной из форм выхода литературы из-под диктата догм было ее вроде бы неожиданное, но на удивление активное обращение к "Слову о полку Игореве". Литература словно бы вдруг припомнила "Слово", обратившись к нему. Вообще "Слово" каким-то удивительным образом непрерывно живет в нашей литературе. Как справедливо писал Л.Дмитриев, оно "замечательно не только само по себе, как великий памятник человеческого гения, созданный в XII столетии, но и той ролью, которую сыграло оно в истории развития русской литературы" (Л.Дмитриев, "Поэтическая жизнь "Слова о полку Игореве" в русской литературе". В кн. "Слово о полку Игореве", М., "Художественная литература", 1987). Это, можно сказать, изначальная и одна из самых устойчивых традиций русской литературы, проходящая через века, о которой убедительно писал А.Майков: "Несмотря на семь веков (теперь уже восемь - П.Т.), отделяющих нас от его певца, - он чрезвычайно близок к нынешней нашей литературе. Его поэма точно зародыш, таящий в себе все лучшие качества последней... Чувствуется, несмотря на перерыв многих веков один и тот же гений в творчестве лучших людей тогда и ныне". Говорю вовсе не об активности научного изучения древнерусской поэмы, но именно о ее присутствии в литературе на уровне литературной традиции. Ведь и ранее традиция эта сказывалась с удивительной силой, задолго до рокового советского периода. К примеру, "Тарас Бульба" Н.Гоголя, повесть написанная как бы с думой о "Слове". Есть тут и страстные речи Бульбы перед битвой, так напоминающие обращение Игоря к воинам перед походом и обращение Святослава к князьям в "златом слове", есть и традиционные изображения битвы как пира, свадьбы, и через образы созидательного земледельческого труда. Есть тут даже "жемчужная душа", как и в "Слове". Есть изображение древнего певца и размышления о

козацкой славе, так же как и в "Слове" - о "дедней славе". Есть, наконец, пятикратный рефрен, так напоминающий двукратный рефрен поэмы. "О Русская земле! Уже за шеломянем еси!" - "Пусть же стоит на вечные времена православная... Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки... Пусть же славится до конца века... Пусть же цветет вечно... Пусть же после нас живут еще лучше, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!"

Отмечая эту стойкую традицию русской литературы, справедливо писал И.Золотусский о Н.Гоголе: "Он, как и автор "Слова о полку Игореве", создал слово - о полку Тарасовом, которое сделалось вместе с тем и словом о всей русской земле. И "Слово..." и "Тарас Бульба" созданы наперекор распри, междоусобице и имеют одну святую задачу - собрать силы Руси (она же - полк, воинство, семья) помирить ее внутри ее самой и призвать на великие дела" (И.Золотусский. "Вечное слово", "Советская Россия", 23 марта 1984).

Не удивительно ли то, что традиция "Слова" в русской литературе началась задолго до находки и публикации памятника в 1800 году, до его новой жизни. Ведь "Задонщина", написанная в честь победы на Куликовом поле, как бы калькирует "Слово", пестрит заимствованиями из него, буквально покорена его художественной мощью. Литературные памятники разных эпох столь близки, что это позволило Д.Лихачеву так выразить их взаимосвязь: "Если бы до нас не дошло "Слово о полку Игореве", мы должны были бы предположить его существование, анализируя стилистический строй "Задонщины". Это поразительно, но кажется порой, что "Слово" жило в русской литературе всегда, не теряясь, жило даже тогда, когда текст его еще не был найден. Литература как бы помнила его, несмотря на "перерыв многих веков", несмотря на его долгую утерю; кажется, что традиция его жила в русской литературе как бы помимо самого текста. Но я все-таки - об особом периоде жизни "Слова" в литературе, ранее невиданном и какого уже потом, по интенсивности обращения к нему и глубине переосмысливания его художественных образов, не было. Имею в виду период конца прошлого, начала нынешнего века, период кануна революции и первых лет советской власти. Теперь, анализируя русскую литературу того времени, мы никак не можем представить традиционную жизнь "Слова" в ней, как последовательно нарастающую вплоть до дня сегодняшнего, как это видится порой исследователям. Все-таки в тот период был ее некий всплеск, ныне недостижимый, какого литература уже позже не знала. Нет никаких оснований разделять в связи с этим оптимизм Л.Сазоновой: "Оно не только остается живым и современным, но влияние его на литературу все возрастает. Некоторые идеи произведения приобретают все более широкое значение и глубокое звучание" (Л.И.Сазонова, "Слово о полку Игореве" в поэтических контекстах XX в.". В кн.: "Слово о полку Игореве". Комплексные исследования", М., "Наука", 1988).

Согласиться с тем, что влияние "Слова" в русской литературе "все возрастает", то есть совершается по пресловутому представлению "вперед и выше", можно лишь при условии бесстрастного отношения и к "Слову", и к литературе, не беря в расчет ни значения этого влияния, ни художественного уровня литературы. Не случайно речь тут идет вовсе не о традиции во всем ее многообразии, а сводится к "переключкам" и, как правило, лишь к механической их фиксации. Как бы считается, что этим и должна завершаться работа исследователя, а не только начинаться здесь. Но, понятно, что не частота обращений к "Слову" сама по себе говорит о традиции, но значение этих обращений и главное - их художественная глубина.

Может быть, теперь, в пору все еще не стихающих российских смут не время говорить о традициях "Слова" в литературе? Но, во-первых, общество, которому не до исторического, литературного, филологического интереса, явно нездорово. Во-вторых, именно в такое время, как наше, как раз и следует говорить о "Слове", ибо не только литературный и эстетический интерес оно сегодня представляет. Я даже уверен, что сказать наконец-то непредвзято о традициях "Слова" в нашей литературе, гораздо злободневнее многих, вроде бы самых жгучих тем.

Как видим, тема наша вовсе и не нова. Но авторы упомянутых статей аккуратно коллекционируют переключки и реминисценции со "Словом", не говоря об их значении. Не могу сказать, что это работы недобросовестные. Они и добросовестные, и трудоемкие. Но они как бы не о литературе, хотя предметом их анализа и является художественная литература. Они о чем-то другом. О чем? О политологии на материале литературы, но только не собственно о литературе. И весь пафос и цель обращения к теме, кажется, полностью исчерпываются словами Л.Дмитриева: "В поэзии и прозе первых революционных лет отдельные образы и поэтические обороты "Слова о полку Игореве" используются при описании героической борьбы за советскую власть". Но все было не так просто и однозначно, как в этих статьях, подогнанных, как уже видно, под господствовавшую идеологию. Оказывается, к "Слову" литература обращалась единственно и исключительно для того, чтобы более убедительно изобразить героическую борьбу за советскую власть. Но это ведь не совсем так. Даже вовсе не так. В литературе этого времени происходило нечто иное. Далеко не только с этой целью она обращалась к "Слову". Даже наоборот, совсем с иной целью она обращалась к нему. Там же, где переключки и реминисценции были продиктованы только этой задачей, сказывалась безбожная фальшь литературы, там она выходила из своей природы, снисходя до направления, всего лишь до иллюстратора идеологических понятий. Но об этом - ниже.

Не уберегла от вульгарно-социологической фальши эти работы и полнота охвата материала. А потому не она интересует меня в первую очередь, и я не стану с хронологической аккуратностью перечислять, кто и когда обращался к образам "Слова". Даже преднамеренно не стану делать этого. В первую очередь меня интересуют те закономерности и тенденции, согласно которым литература обратилась к "Слову", а также смысл и значение этих обращений.

Но прежде чем коснуться собственно этой темы, необходимо сказать еще об этой особенности литературы этого периода, еще об одном ее увлечении, а точнее искании, заблуждении, через которое, как мне представляется, она пришла к "Слову". Это ее заблуждение часто выдавали за то, что так она откликнулась, реагировала на революционные события. Речь о богоискательстве, не только художнической, но и общественной мысли того времени свойственном. Нельзя сказать, что от богоискательства к мотивам "Слова" литература шла в некой хронологической последовательности. Оба эти направления в литературе того времени наиболее заметные, как бы соседствовали. Но

если богоискательство потом оказалось иллюзией, непростительной ошибкой, заблуждением, то традиция обращения литературы к "Слову", наряду с обращением к народному творчеству, продолжает жить и сегодня. Менее интенсивная, менее явная и глубокая, но все-таки она продолжается. Следовательно, можно сказать, что это и была подлинная традиция. В русской литературе советского периода, пожалуй, не было более явных, столь всеохватывающих направлений художественных поисков, как эти. Поэтому я и рассматриваю их во взаимосвязи. О том же, как литература переходила от богоискательства к традициям "Слова", хорошо видно на примере творческой взаимосвязи поэмы "Двенадцать" и стихотворения "Скифы" в художественном мире Александра Блока. Здесь особенно ощутима общая закономерность, свойственная литературе той поры.

Не одно поколение исследователей искушала и дразнила своей загадочностью поэма А.Блока "Двенадцать", созданная, как сказали бы теперь, по горячим следам событий. Манил и озадачивал образ Христа, вроде бы неожиданный и в то же время органический и неотъемлемый. И исследователи находили ему объяснение. Но, как теперь представляется, упрощенное, однообразное, дошедшее в своей неизменности до наших дней. Можно сказать, что в понимании образа Христа в "Двенадцати", а значит и поэмы в целом, сложился определенный стереотип. Состоит он в том, что в поэме, в конечном итоге, искали оценки происходивших событий. Причем, оценки политической, в то время как, если и была в ней политика, то лишь "капля", как отметил сам поэт. Да и то ведь сказать, времена были жесткие, как писал А.Белый, "появись "Нагорная проповедь" в 1918 году, то и она рассматривалась бы с точки зрения "большевизма" или "антибольшевизма". Собственно говоря, так литература зачастую и рассматривалась, а потому в ней нередко и различали не то, что в ней действительно было, а то, что увидеть в силу обстоятельств хотелось. И что самое невероятное, так оценивали ее не только политики, видевшие в литературе значение служебное, прикладное, но и литераторы. Самое простое - попрекать теперь их задним числом. Но не будем этого делать. Отметим лишь, как это представлялось да и до сих пор представляется, к примеру, в статье Р.Иванова-Разумника о "Двенадцати" и "Скифах": "Лицом к революции, лицом к России стоит здесь поэт - и принимает, и понимает, и любит, и скорбит, и видит мировое значение совершающегося. ...Это поэма о вечной, мировой правде той же самой революции, о том, как через этих же самых запачканных в крови людей в мир идет новая благая весть о человеческом освобождении". То есть происходившие революционные события представлялись многим современникам столь грандиозными по своим масштабам, столь глубокими по своей созидательной силе, что в них виделась новая благая весть о человеческом освобождении, новая вера. Правда, были и сомнения. Тот же Р.Иванов-Разумник, сопоставляя христианскую культуру со свершившейся революцией, прозорливо заметил: "Кроме внутренней свободы, возвещенной христианством, в мир должна прийти свобода внешняя - полное освобождение политическое, полное освобождение социальное... Трудна дорога, и победа придет еще не скоро. Она придет, вероятно, лишь тогда, когда ясно станет человеку, что нет полного освобождения ни в духовной, ни в социальной революции, а только в той и другой одновременно". Вроде бы совершенно здравая мысль, которая и должна была бы уберечь от легких путей переустройства жизни, наипростейшего ее революционного преобразования, понятно, затрагивающего лишь социальную сферу, но не духовную. Но сам искус сопоставить происходившее революционное переустройство с христианством оказался столь сильным, что подавил и здравый смысл, и действительное значение происходившего: "Но на этот раз - освобождение полное: физическое, социальное, духовное". И произошло это вовсе не случайно. Это определялось самой сущностью марксизма, социализма, коммунизма. "Революционный социализм не есть экономическое и политическое учение, не есть система социальных реформ, - он претендует быть религией, он есть вера, противоположная вере христианской". Ни более, и ни менее.

Но понятно, что обманчивое сходство социализма с христианством никого извинить и оправдать не могло. Не могло хотя бы потому, что задолго до того, как социализм из теории превратили в практику жизни, сущность его была уже провидена в "Бесах" Ф.Достоевского: "Социализм ведь это замена христианства, ведь это новое христианство, которое идет обновить весь мир. Это совершенно то же христианство, только без Бога" (Ф.Достоевский).

И добро бы только современникам революции виделся таким смысл происходившего. Но представление это оказалось удивительно стойким, дошедшим в неизменности до наших дней. Не буду пред изумленным, а, может быть, просто растерянным читателем ворошить груды книг, в которых эта мысль утверждалась, возьму из нынешнего литературно-художественного процесса только последние, убеждающие в стойкости и неизменности подобного представления.

К примеру, даже Г.Карпунин в своей совершенно оригинальной, замечательной книге "По мысленному древу" (Геннадий Карпунин. "По мысленному древу. Перечитывая "Слово о полку Игореве". Новосибирское книжное издательство, 1989) не удержался от того, чтобы не повторить расхожее толкование: "Блоковский Христос - знак положительной оценки Октябрьской революции, символ искупления пролитой красногвардейцами крови". Или - Г.Гунн в книге "Очарованная Русь": "Для Блока 1918 года русская революция, после христианской эры, - начало новой эры - событие космического значения. Поэтому Россия - Мессия... "Апостолы", представители народа, дают не только свое число красногвардейцев, но и символ носителей правого дела" (Генрих Гунн. "Очарованная Русь", М., "Искусство", 1990).

Как видим, перед нами, все то же, однажды заданное, понимание и событий, и поэмы: мол, не двенадцать "красногвардейцев" мы видим, а "двенадцать" апостолов, несущих миру новую благовест извещения. Но не будем сводить толкование поэмы до того "идиотического понимания", о котором писал еще А.Белый: "Да не так же это надо понимать, что идут двенадцать, маршируют, позади жалкий пес, а впереди марширует Иисус Христос, - это было бы действительно идиотическое понимание". Конечно, не так механически все это представлялось А.Белому, как, впрочем, и многим современникам его. Но как? А представлялось так, что в конечном счете происходил процесс обновления жизни, глубокий, духовный. То есть - через освобождение социальное должно непременно прийти и освобождение духовное: "Через все, через углубление революции до революции жизни, сознания, плоти и кости, до изменения наших чувств, наших мыслей, до изменения нас в любви и братстве, вот это "все" идет к тому, что "впереди"; - вот к этому "впереди" это идет". Собственно так и постиг значение происходившего А.Белый в поэме "Христос Воскрес", написанной почти одновременно с "Двенадцатью": "Совершается Мировая Мистерия".

Вроде бы все логично, верно, если бы теперь мы были так же уверены в том, что в России произошло событие эпохальное по своей созидательной силе, действительно некая "Мистерия". Но теперь с позиций пережитого, с позиций прошедшего времени мы в этом совсем неуверены. "Но предсказания марксизма почти все, как на подбор, оказались неверными: большой процент верных предсказаний можно было бы, вероятно получить, делая их наугад... истина оказалась не просто другой, но прямо противоположной" (И.Шафаревич). Наоборот, теперь мы не можем не согласиться с теми, кто еще тогда, с болью писал о том, что в России совершилась величайшая трагедия, губительная для народа, величайшее падение народа, а вместе с ним и человека. Другое дело, отмечу вновь, что сила народного духа эту напасть переборола. Теперь очевидно, что то, чего

Россия достигла в этом веке, свершалось не благодаря запущенной в народ идеологии, а вопреки ей...

Действительно ли в поэме "Двенадцать" есть положительная оценка революции, действительно ли поэт как бы освящал в ней происходившее высоким именем Христа? Мне кажется, что текст поэмы не дает никаких оснований для такого ее понимания. Так поняли поэму А.Блока те, кому хотелось бы "освятить" совершенную ими революцию. Только теперь они уже не хотели "освящать" ее именем Христа, видя в нем то ли противника, то ли соперника. За этим сквозит абсолютная уверенность в том, что свершенная под их водительством революция, будет иметь для народов значение еще большее, чем христианство. Но тогда чьим же именем они намеревались "освятить" свои деяния? Именем якобы безупречной, но отвлеченной и обезличенной теории революционного преобразования жизни или своими собственными именами?... Вот как понял поэму, к примеру, Н.Бухарин, о чем высказался на первом съезде писателей. Признавая, что Блок, мол, выступил за революцию, он вместе с тем утверждал противоположное. Как это должно было хотя бы логически соединиться, неведомо: "Мы никак не можем сказать, что он - знаменосец нового мира. Квалифицированное дитя старой культуры, он чужие символы хотел поставить у врат новой эпохи". Но теперь-то совершенно ясно, что Н.Бухарин не понял, не захотел, не мог по своему духовному уровню понять того, что в поэме действительно изображено, и чем мучился поэт. Точнее, он увидел в поэме не то, что в ней было, а лишь то, что хотел увидеть. Ведь за всем этим воинственным атеизмом марксистов стоит до предела ясная, однозначная и дерзостная идея: на смену учению христианскому якобы пришло новое, более совершенное, более передовое, более гуманное учение, которое-то и сплотит людей новой верой и приведет их не когда-нибудь, а уже завтра к некоей совершенной жизни, всеобщему братству или как мечтал один из персонажей "Бесов", ко "всемирно-человеческой социальной республике и гармонии"... Тут и таится исток такого иступленного, такого воинственного атеизма. Об этом, кстати писал еще Н.Бердяев в "Коммунизме и христианстве": "Коммунизм, не как социальная система, а как религия, фанатически враждебна религии и более всего христианской. Он сам хочет быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать смысл жизни". Но выйдет из этого нечто совсем иное, даже противоположное, что М.Цветаева в "Поэме конца" назовет "братством таборным", "бродячим": "В братствах бродячих Мрут, а не плачут".

Тех слов Н.Бухарина А.Блок уже не слышал. Но он слышал по сути то же самое, о чем и сделал пометку в записной книжке: "О.Д. Каменева (комиссар театрального отдела) сказала Любе: "Стихи Александра Александровича ("Двенадцать") - очень талантливые, почти гениальное изображение действительности. Анатолий Васильевич (Луначарский) будет о них писать, но читать их не надо (вслух), потому что в них восхваляется то, чего мы, старые социалисты, больше всего боимся". И сразу же после этой записи идет полная горечи фраза: "Марксисты умные, - может быть, и правы. Но где же опять художник и его бесприютное дело?"

Н.Бухарин, и не только он, видевший положение литературы подчиненное, служебное политике и идеологии, похоже, и мысли не допускал, что Христос появляется в поэме вовсе не потому, что А.Блок был "квалифицированное дитя старой культуры", а потому, что он был дитя гармонии, что душа его, как он сам сказал однажды в одном из писем, была часовым несменяемым. Ведь мучительные размышления поэта этого времени о Христе начались не до написания поэмы, как вроде бы должно быть по обыденной логике, а после ее создания, после того как этот таинственный образ как бы помимо воли автора появился в конце поэмы. Уже после начались мучительные размышления поэта о ком-то Другом, о некоем новом символе веры. И вопрос о Другом возникал вовсе не потому, что

поэт не в пример марксистам, его, Другого якобы не видел по своей политической ограниченности, а потому, что его Другого просто не было. Таким образом, все опять-таки сходилось на оценке смысла и масштабов происходивших революционных событий. Похоже, что Н.Бухарин, как и другие "духи революции", не подозревали, сколь убийственная оценка революции таилась за этим, вроде бы случайно мелькнувшим в поэме образом Христа: обновления жизни на новых, духовных началах не произошло, а потому никакого нового символа веры нет. Вернее, они-то знали, что здесь таится им чуждое. Всей же глубины этого образа они так и не постигли. Между тем, как появление Христа в поэме и дальнейшие размышления поэта однозначно говорят о том, что никакой "новой веры", грезившейся марксистам, просто не было. А потому поэт ее и не видел: "Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы "не достойны" Иисуса, который идет с ними сейчас, а в том, что именно он идет с ними, а надо, чтобы шел другой", - записал он в дневнике 31 января 1918 года. И добавил в записи 18 февраля: "Что Христос идет перед ними - несомненно. Дело не в том, "достойны ли они его", а страшно то, что опять он с ними, и другого пока нет; а надо Другого?"

Если бы А.Блок всего лишь "чужие символы хотел поставить у врат новой эпохи", если бы он также как и многие его современники, выразил в поэме всего лишь обыкновенное, обыденное, расхожее тогда сравнение революции с христианством, его мысли о Христе не были бы страшными. Ведь не была же эта мысль страшной для А.Белого в его поэме "Христос Воскрес", и по замыслу, и по самому строю перекликающейся с "Двенадцатью". Просто свершалась "Мировая Мистерия" и все. Это потом уже, в марте, в письме к А.Блоку, прося и призывая его соединять с отвагой осторожность, он напишет: "Если Россия и Европа не стряхнет с себя "Железную пядь", - скоро мы увидим открытые человеческие жертвоприношения". Но это будет потом, когда закономерные и неизбежные, жестокие и бесчеловечные результаты "Мистерии" со всей очевидностью дадут о себе знать. А пока, как в поэме "Христос Воскрес", была торжественная Мистерия, вера в то, что "Россия, моя, - Богоносица, побеждающая Змия..."

Для А.Блока же, подобной, как сегодня мы сказали бы, эйфории не было, его мучили страшные мысли. И уже в июне 1919 года, когда Н.Гумилев в лекции о поэзии А.Блока сказал о том, что конец "Двенадцати" кажется ему "искусственно приклеенный", что внезапное появление Христа - прием чисто "литературный", А.Блок, присутствовавший на лекции, ответил: "Мне тоже не нравится конец "Двенадцати". Я хотел бы, чтобы этот конец был иной. Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос? Но чем больше я вглядывался, тем яснее я видел Христа. И я тогда же записал у себя: "к сожалению, Христос"...

Потому-то мысль о Христе для поэта и была страшной, что по его логике обновления жизни на новых началах, новой "вере", связанных с духовным обновлением человека, а не просто со сменой политического устройства, в результате революции не произошло. Произошло лишь разрушение ее, гибель, но не возрождение. Об этом свидетельствуют дальнейшие сомнения поэта: "Если даже не было революции, т.е. то, что было, не было революцией, если революционный народ действительно только расселся у того же пирога, у которого сидела бюрократия, то это только усугубляет русскую трагедию".

Эти страшные мысли поэта о Христе не дают нам никаких оснований отнестись к ним упрощенно, как, к примеру, в суждениях Вл.Гусева: "Но кроме слов "В белом венчике из роз...", там же ничего нет..." ("День", №8, апрель. 1991). Надо вовсе не учитывать всей сложности и напряжения идеологических противоборств, совсем уж смотреть на то время из сегодняшнего дня, чтобы "ничего" не увидеть в поэме. Теперь склонны упрекать поэта за то, что он, якобы кощунствовал, богохульствовал, освящая именем Христа бесовское

дело. Но ведь он вовсе и не освящал. Совсем даже наоборот. И это видно из его страшных дум о Христе. Христос в "Двенадцати" появляется в финале так же неожиданно и вопреки ожиданиям обыденного сознания, как и храм Пирогощей в "Слове о полку Игореве".

Было ведь еще одно убеждение, а точнее - заблуждение тех времен, кажется, в точности повторяемое сегодня. Предполагалось, что в результате революции погибает Россия старая, отсталая, "кондовая", и на смену ей явится Россия молодая, новая, передовая, прогрессивная, в которой люди будут счастливы. Именно это имел в виду Р.Иванов-Разумник, когда восклицал: "Да, погибла Россия! - только какая Россия, вот вопрос!" Именно это представление проявилось и в заклинаниях А.Белого о том, чтобы Россия исчезла, рассеялась в пространстве...

Но кому, кроме самой природы и Бога дано разделять, какая часть Отечества, плоти народа, страны должна быть уничтожена, а какая оставлена? Никому такого права не дано. Текст поэмы решительно не дает основания для подобного вывода. Никакого торжества новой Руси в поэме "Двенадцать" просто нет. Конечно, соблазнительно было для идеологического обоснования совершаемого разора в шествии красновардейцев увидеть евангельских апостолов. И число их совпадало, и имена их сходились, и Христом вроде бы ведомые... Все вроде бы совпадало. Но только почему-то поэт изобразил их разбойниками. Об этом он сделал пометку в черновике: "И был с разбойниками. Жило двенадцать разбойников". Может быть, число их говорит вовсе не о евангельских апостолах, а о кудеяровых разбойниках, которых ведь тоже было двенадцать... Да ведь и в тексте поэмы прямо говорится, что разбойники ("на спину надо б бубновый туз") пальнули пулей в Святую Русь. Уже в декабре 1917 года поэт сделал такую пометку: "Тусклые глаза большевиков... потом ясно - глаза убийц". Где же тут торжество?.. Нет, не торжество "новой" России изображено в "Двенадцати", а нечто совсем иное, даже противоположное ему. Подтверждением этого является дальнейшая творческая, да и человеческая судьба поэта.

Можно сказать, что поэма А.Блока - произведение о гибели России "без креста", в которую пальнули пулей. Герои поэмы, не найдя другого символа веры, возвращаются к Христу, но уже без веры в него. В этом и состояла русская трагедия этого периода. Получался замкнутый круг, а не движение вперед, не обновление. Освобождение социальное вовсе не предполагало освобождения духовного...

В поэме "Двенадцать" А.Блок распознал мессианский, наднациональный ("без креста", "без имени святого") характер русской революции. Распознал ее максимализм, атеизм, ее новую "религиозность". Но распознав религиозный характер революции, поэт расценил это вовсе не как благо. Он отказывает ей в принципиальной новизне, в духовном обновлении. Иного символа веры, кроме Христа, в той жизни он не находил. А потому можно сказать, что поэма "Двенадцать" - произведение русской литературы советского периода, начавшее плач о гибели России, традиционный плач о гибели русской земли. К сожалению, с этой точки зрения литературу советского периода никто еще, кажется, не рассматривал. И теперь все еще разоблачают ей силой навязываемый, пресловутый, но так во многих мере к ней и не приставший, соцреализм.

И все было бы проще и понятней, если бы через некоторое время после того, как свершилось в России новое революционное "мессианство", с восторгом принимаемая "Мистерия", когда вроде бы забили, как многими ожидалось, животворные ключи "Нового Назарета", вдруг не стало наступать отрезвление, прозрение. Теперь, уже никто, как ранее, как еще совсем недавно, не рисковал напрямую соединить христианство и социализм: "Но все эти многообразные формы "социализма", "синдикализма",

"анархизма" неизбежно нам объединить условной, общей - не боюсь этого слова - религиозной идеей Социализма, новой верой и новым знанием, идущим на смену старому знанию и старой вере Христианства и его многочисленных исторических форм" (Р.Иванов-Разумник). Теперь подобное сопоставление стало просто кощунственным. Но что же произошло? Замечательному плану революционного переустройства жизни кто-то помешал? Или просто прошло время и стали видны закономерные плоды содеянного? Видимо, так. Во всяком случае, даже те, кто в обыкновенном нигилизме русской интеллигенции выискивал корни "русского коммунизма", теперь увидел в свершившемся совершенно обратное: "С Россией произошла страшная катастрофа. Она ниспала в темную бездну... Русская революция антинациональна по своему характеру, она превратила Россию в бездыханный труп" (Н.Бердяев). И еще более определенное: "Сходство революционной святости с христианской есть обманчивое сходство антихриста с Христом. ... Революционная мораль, революционная святость глубоко противоположна Христианству". Так вот сместились оценки. Не уточнились со временем, а поменялись на противоположные, где предполагалось добро, так оказалось зло, где виделся Христос, там оказался антихрист...

Но самое поразительное, самое невероятное состоит в том, что еще в знаменитых "Вехах", в сборнике статей о русской интеллигенции, вышедшем после первой русской революции, наиболее глубокие представители интеллигенции все это предвидели. "Их неудовлетворенность - не от практики строительства коммунизма, но от философской противоречивости учения, заставляющей предвидеть братоубийство при воплощении его" - справедливо пишет Ю.Латынина.

И даже В.Розанов с удивительной точностью напроорочивший в письме к К.Леонтьеву еще в 1891 году то, что произошло, обреченно скажет в 1909 году после первой революции: "Гением, высшей мыслью не обвеена наша революция... Только мне ужасно жаль бедную Россию, которая решительно валится на бок". И еще более обреченно уже после 1917 года: "Рухнуло Русское царство... Голгофский страдалец - это Россия, это мы..."

Понятна запоздалая печаль писателя, но напомним и то пророческое письмо К. Леонтьеву, чрезвычайно характерное для умонастроений интеллигенции той поры, письмо, писанное, как мне кажется, с некоторой долей восторга, чуть ли не как рекомендация к действию, как якобы путь ко всеобщему благу и спасению: "А культуру всемирную нужно сохранить, сберечь. Мне мечтается, что догадаются люди, к чему идут (к смерти) и... удержатся. Появится новый жреческий орден, появится союз пифагорейцев. Из семени вырастает дерево, а не складывается оно из земли: где-нибудь и когда-нибудь появится кучка людей, решившихся взять историю в свои руки. Это будет смешение религии, философии, политики и также высокой поэзии". Но ведь все свершилось в точности по этому рецепту - отыскался "орден", "кучка людей", решившихся взять в свои руки историю. И взяли. Но получилось из этого не могучее древо, о котором так сладко мечталось, а Голгофа... В обыкновенной болезни души - нигилизме сначала виделись истоки "русского коммунизма", а потом нечто совсем иное: "Потеря личного и национального самообладания, расковывание хаоса не только не уготовляет демократии, но делает ее невозможной, - это всегда путь к "деспотизму". Правильно. Да только что стоят эти запоздалые раскаяния, если свершившееся неповторимо. Сладко, азартно было подбрасывать поленья нигилизма в костер народного сознания. Совсем не думалось, что из этого может выйти пожар. Годами и десятилетиями добро называли злом, а зло добром, стали "про малое се великое молвити", как сказано в "Слове о полку Игореве", что, как помним, и явилось причиной крамолы, вражды между братьями. И теперь как ни в чем не бывало снова задаемся вопросами "Кто виноват?" и "Что делать?", вопросами, на которые жизнь уже давно ответила. Неужто не понимали люди, именовавшие себя интеллигентами, что чистота человеческих ценностей - главная их забота? Не митинги и манифестации, не коллективные послания в инстанции по всякому поводу и без повода, не грязь политической борьбы, а чистота человеческих ценностей, что есть зло, а что добро, ибо перепутанность понятий ведет к хаосу в жизни. Знали же наши просвещенные, спохватившиеся интеллигенты уже вдали от разоренной Родины, скажем, предупреждение П. Чаадаева: "Чтобы размышлять, чтобы судить о вещах, необходимо иметь понятие о добре и зле. Отнимите у человека это понятие, и он не будет ни размышлять, ни судить, он не будет существом разумным". Не могли же они, воспитанные на классической русской литературе, не знать причины этой перепутанности понятий, высказанной в "Бесах": "Потеряли различие зла и добра, потому что перестали свой народ узнавать". Не могли же не знать образованные люди, называвшие себя интеллигентами, что свободы вообще, без свободы духовной не бывает. Не могли же они не помнить последнюю фразу "Войны и мира", словно преднамеренно, дабы ее хорошенько запомнили, поставленную в заключение романа: "Необходимо отказаться от несуществующей свободы и признать неощущаемую нами зависимость". Знали, ведали, но грешили. И пришлось каяться. Трагедия же состояла в том, что пришлось каяться на родном пепелище, когда многое оказалось вообще непоправимым.

Если бы А. Блок написал только поэму "Двенадцать", то уже по ней можно было бы говорить о понимании им происходившего, всей глубины трагедии России. Но он кроме поэмы в это время написал статью "Интеллигенция и революция" и стихотворение "Скифы", которые и надо рассматривать в единстве. Но уже только из поэмы "Двенадцать" ясно, что его понимание свершившегося было далеко от стереотипного, расхожего уподобления революции новому мессианству. Потому-то дума его о Христе и была страшной. А. Блоку не пришлось каяться. И не только потому, что до этого всеобщего, а потому и театрального покаяния он не дожил. Каяться ему было не в чем. То, что для многих интеллигентов прояснилось через годы, поэту стало ясно по сути на следующий день после написания поэмы "Двенадцать", когда он сразу же после окончания ее, на следующий день написал "Скифы".

На генетическую связь поэмы и стихотворения, указывает разве только черновой вариант стиха: "Да, жулики, да азиаты мы", от которого поэт отказался. Но вместе с тем в этом варианте стиха - и принципиальное различие между "Двенадцатью" и "Скифами". И в какой-то мере - подтверждение той логики движения поэтической мысли, о которой я говорю.

Поэма и стихотворение связаны единой темой судьбы России. Но было бы неверным представлять дело так, что выраженное в поэме, якобы получило дальнейшее развитие в стихотворении. Совсем не так. Даже наоборот. Открывшееся поэту в "Двенадцати" - гибель России - в "Скифах" отрицается. Россия, действительно, оборачивается к поэту новым ликом.

Главным событием поэмы является "мировой пожар" или "мировой пожар в крови". С ним связывается надежда на обновление мира человека. Но странным образом "забывается" это событие в "Скифах". Говоря сухими понятиями политических терминов, если в "Двенадцати" изображен конфликт внутри страны, несмотря на "мировой пожар", то в "Скифах" - некий конфликт мировой, конфликт России со "старым миром". Может быть, такая переакцентировка внимания поэта была связана с тем, что в это время происходили важные политические события - возобновление переговоров с немцами в Брест-Литовске. Но сообщения об этом появились в газетах 11 января, то есть тогда, когда поэт был охвачен стихией "Двенадцати". И только 29 января, то есть после написания поэмы он обозначит в записной книжке проблематику "Скифов": "Азия и Европа". Именно в этот день, 29 января он и записал известную фразу - "сегодня - я гений", которая без сомнения относится не к поэме, а к стихотворению. То есть, по всей вероятности, поэт считал, что в "Скифах" ему открылось нечто гораздо более важное, чем в "Двенадцати".

Странно, но кажется, все исследователи относили эту фразу к поэме. В то время как запись сделана 29 января, когда написаны "Скифы". К тому же поэт указывает день - "сегодня - я гений", не вчера, когда была завершена поэма, а сегодня, когда созданы "Скифы". И главное - в начале этой записи указана проблематика "Скифов": "Азия и Европа". Но вместо перечитывания поэта, вместо объяснения его, снова ищем наилегчайшие пути понимания: "И знаменитые его слова о том, что "сегодня - я гений" - это для каждого литератора довольно знакомая профессиональная ситуация: в момент окончания рукописи ощущать, что это лучшая твоя работа..." (Вл. Гусев). Но почему-то ни под каким своим произведением Блок такой надписи не оставил. Но основное-то состоит в том, что фраза эта относится не к поэме, а к стихотворению "Скифы", о чем однозначно свидетельствует дневниковая запись поэта. Зачем ее относили к поэме? Да затем, чтобы показать, каким якобы революционным был поэт, каким прозорливым и прилежным певцом революции он был...

Так совершилась подмена.

Итак, главным событием "Скифов" является то, что "срок настал", то есть роковой, решающий, урочный час, от которого зависит дальнейшая судьба России. Но связан он теперь уже не с "мировым пожаром", а с тем, что те, кто веками жил, "копя и плава наши перлы", кто глумясь, считал лишь срок, когда "наставить пушек жерла", дождались-таки своего часа. Срок настал, жерла пушек наставлены, Россия переживает роковой час.

Именно этой принципиальной тематической разницы между "Двенадцатью" и "Скифами" не хотят замечать современные толкователи поэзии, в частности, А. Агеев ("Варварская лира", "Знамя", № 2, 1991). Итак, "срок настал". Чего? А. Агеев уверяет нас в том, что это "срок того страшного преображения, которое, отсеяв "груды человеческого шлака",

сотворит наконец новую породу, "человека-артиста". Но ведь ничего подобного в "Скифах" нет. Даже самого отдаленного намека на это нет. Что значит прямо-таки чекистское "отсеять груды человеческого шлака", мы теперь хорошо знаем. Но не кощунственно ли вменять поэту в вину то, чего он, видно, и в самом кошмарном сне не мог представить, это самое "отсеивание"? Не кощунственно ли теперь выставить поэта чуть ли не идеологом этого "отсеивания"? И это в то время, когда поэт изобразил нечто совсем обратное. В "Скифах" Блок словно "забывает" ту проблематику, которую он обозначил в "Двенадцати". "Срок настал" не для революционных преобразований, не для "переделки" человека, настал такой срок, когда жерла пушек на Россию наставлены:

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!
Вот - срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит.
И день придет - не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может.

Итак, жерла пушек на Россию наставлены. Чьи же пушки? Во всяком случае не Петькины с Андрюхой из "Двенадцати" и не буржуя, упрятавшего в воротник нос. Так что же это за пушки? Да, те же, те же, что и в поэме С.Есенина "Песнь о великом походе": "Пушки бьют палат. Бьют за городом, Бьют из-за моря. Понимай, как хошь, ты душа моя...". Может быть, это пушки "старого" мира в том смысле, в каком эти понятия - "старого" и "нового" - предстают в "Слове о полку Игореве"? Не случайна же здесь перекличка с образом "Слова": "Крылами бьет беда". То есть, для России настало столь же трудное и губительное время, сходное с тем, когда создавалось "Слово". Над Россией снова нависла беда, множимая каждым днем. Из стихотворения ясно, что несут беду, некие силы извне. Может быть, несет ее то зло мирового сознания, о котором пишет теперь А.Солженицын.

На этот переход поэта от богоискательства в поэме "Двенадцать" к "Слову" в стихотворении "Скифы" я хотел бы обратить особое внимание читателя. Собственно говоря, ради этого перехода, я и затеял столь пространное объяснение. Не найдя разрешения своих страшных мыслей в богоискательстве, поэт вроде бы неожиданно обращается к "Слову". На это мне хотелось обратить внимание еще и потому, что перед нами - не только путь творческих исканий Блока, но, как мне видится, и в целом русской литературы этого периода.

Так что же стало все-таки главным событием эпохи в стихотворении "Скифы"? Революция в России и грезившийся за ней "мировой пожар", понимаемый как благо, как избавление? Нет, ибо мы помним "парижских улиц ад", а именно к нему неизбежно ведет революционный пожар. Ну так что же тогда? Новое положение России в мире, ее новая миссия в сообществе народов. Если раньше "Мы, как послушные холопы, Держали щит меж двух враждебных рас Монголов и Европы", то теперь "Но сами мы - отныне вам не щит, Отныне в бой не вступим сами". Не "мировой пожар", а новое положение России и есть главное событие эпохи, выраженное в "Скифах".

Можно сказать, что тема судьбы России в "Скифах" разрешается противоположно тому, как ее разрешал поэт в "Двенадцати". Если в поэме - гибель России под бременем нового мессианства - "мирового пожара", то здесь отказ от "мессианства" даже традиционного, пушкинского - быть щитом между Западом и Востоком.

Но не только в поэме и стихотворении сказались страшные мысли поэта этого времени, но и в статье "Интеллигенция и революция". Ведь статья не так однозначна, как привыкли на нее смотреть, видеть в ней лишь одобрение революции. Те, кто склонен был видеть художника по ту сторону идейно-политических баррикад, увидел в словах поэта лишь призыв во славу революции: "Всем телом, всем сердцем, всем сознанием - слушайте Революцию". В то время как в этих словах не просто призыв, не просто лозунг, но дана как бы формула, последовательность, в результате которой человек приходит к новому сознанию, к постижению смысла бытия. Именно в такой последовательности: тело - сердце - сознание. Иными словами, новое миропонимание может быть выработано сначала на уровне житейском, затем на уровне веры и только потом на уровне идеи, мысли. Но парадокс состоял в том, что эта последовательность оказалась нарушенной, перевернутой. Радикальные переустроители жизни начинают с сознания, идеи, не сверяясь с тем, выходит ли это из "тела", то есть закономерностей народной жизни или противоречит ей. Гениальность А.Блока в том и состояла, что уже в то время он почувствовал нарушение естественности, явив нам ее формулу в этой вроде бы лозунговой фразе. А потому и судить поэта следует не по принятию или неприятию им революции, а по верности законам бытия или нарушению их...

Но вместе с тем, в стихотворении и надежда на непоколебимость России, надежда на то, что она все-таки не погибнет. И достигает этого поэт таинственным образом Сфинкса, сравнивая с ним Россию. Ведь за этим, традиционным и вроде бы чужеродным образом кроется глубочайший смысл, нами, может быть, так и не понятый. Но главное состоит в том, что в результате мучительных размышлений поэта замечен явный "переход" его от богоискательства к понятиям и истокам народным. Это сказалось в "Скифах", вовсе не случайно мелькнувшем в них образе из "Слова".

Не символично ли и то, что перед гаснущим взором поэта, в рассказе "Ни сны, ни явь", написанном в марте 1921 года, ему припомнилась была картина сельской шахматовской жизни, и неким видением возникли русские богатыри: "А за деревней на холмах остановились богатыри: сияние кольчуг, больше ничего не разобрать. Один выехал вперед, конь крепко уперся ногами в землю, всадник протянул руку, показывая далеко - за лес.

Вдруг толпа двинулась по направлению, указанному рукой богатыря. На плечи взмахиваются вилы: у других - странные старинные мечи" (VI, 171).

Постигнув гибель России "без креста", "без имени святого" в "Двенадцати", поэт словно ужаснувшись и не желая примириться с этим, не желая поверить в то, что так просто, так обыкновенно и даже обыденно может погибнуть огромнейшая страна, тут же на одном дыхании и словно спохватившись, буквально на следующий день пишет стихотворение "Скифы", в котором и пытается обнажить истинные причины трагедии России.

Может быть, все это ко дню сегодняшнему, к владеющим ныне умами идеям, никакого отношения уже и не имеет? Как бы не так. Иначе почему именно этот переход поэта от богоискательства к образам "Слова", к подлинно народным понятиям оспаривается и сейчас? Причем, с такой неистовостью, можно сказать, понося последними словами великого поэта. Характерна в этом отношении помянутая статья А.Агеева. Останавливаясь на ней подробнее именно потому, что она чрезвычайно примечательна для нынешних политических противоборств, в которые, к сожалению, втягивается литература, снова используется при этом, лишь как подсобный материал.

Вот так и дожили до такого плюрализма, до такой гласности, что уже приходится защищать великого Блока. Дело в том, что А.Агеев дает своей статье подзаголовок: "Очерки "патриотической" поэзии", слово "патриотической" беря в кавычки, как нечто не только не реальное, но самое что ни на есть зловердное, во всяком случае ироническое. И для доказательства этого привлекает в помощники А.Блока. Нет, не прозорливостью великого поэта, что называется, побивает неразумных его нынешних последователей, но для того, чтобы уязвить современных поэтов, миропонимания которых он не принимает, А.Блока обвиняет во всех возможных, самых низменных человеческих грехах. То есть занят неблаговидным делом теперь уже "счастливых похорон" литературы, как это ни странно, затеянных "Литературной газетой", "похорон", продолжающих пресловутое сбрасывание с корабля современности...

Борясь с ненавистным ему патриотизмом, что само по себе уже более, чем странно, вроде бы отстаивая беспредельную духовную свободу, А.Агеев являет такую бездуховную казарму, в которой дышать действительно трудно.

Как все-таки они похожи, как одинаковы во все времена эти нигилисты и ниспровергатели, несчастные люди с надорванными душами...

Пытаясь развенчать патриотизм, как якобы самое низкое человеческое чувство, намекая, что это и есть, мол, фашизм, но видимо, в глубине души все-таки понимая, что занят делом недобрым, неблаговидным, игрой опасной, автор оговаривается, что статья его для него "трудная" и "мучительная". Даже "предвидит", что его "неизбежно обвинят в непатриотизме". Но здесь-то наш прозорливый знаток поэзии и патриотизма ошибается. Боже упаси обвинять его в "непатриотизме", не будем впадать в политиканство, которому нет конца. Как раз в непатриотизме упрекать его и не станем. Какой прок доказывать очевидное. Спор наш все-таки о поэзии, об уровне ее понимания, о том, что недопустимо, снова, как ни в чем не бывало, поверять ее идеологией - ни старой, ни новейшей.

В конце концов, дело автора, его культуры и образованности - как относиться к патриотизму. В конце концов дело его нравственности называть, скажем, Ст. Куняева выразителем "специфической идеологии". В конце концов это его личное дело, каждый ищет и находит в поэзии - как классической, так и современной то, что способен понять в силу своего разума и культуры. Но выражая таким образом себя, жалуясь на то, что "слишком тяжело дышать становится в атмосфере нынешнего "патриотического подъема", автор задается вопросом: "Всегда ли чисты источники, из которых черпают современные поэты свою творческую силу?" И приходит к выводу, что "источник" этот "нечист". А за "источник" берется у него стихотворение "Скифы": "Речь пойдет далеко не обо всей патриотической поэзии, а лишь о той ее части, что копит и копит в себе специфическую агрессивность, ранним образчиком которой были "Скифы". Таким образом, ко всему прочему Блок у него еще и не чист... Вот так, ни больше, ни меньше. Такая вот "специфическая" методика анализа - для того, чтобы обругать поэтов современных, что и является главным расчетом автора, надо обвинить классика во всех немыслимых грехах и пороках. А собственно говоря почему? Неужто нельзя было без этого сомнительного, самого автора разоблачающего приема? Оказывается, нельзя. Такова природа бездуховности - не разрушать, не отрицать она не может. Укорить же современных поэтов таким окольным путем понадобилось потому, и этого он не может скрыть, что здесь ощутима преемственность, традиция. Так что спор мой не о современных поэтах - они могут еще постоять за себя. Спор мой о чистоте источников.

Из "Скифов" критик каким-то странным, причудливым, только ему ведомым образом выводит "органическое сознание", в котором якобы "нет места для понятия "личность".

Словом, различие между "патриотами" и иными поэтами сводится к следующему: "поэт - "патриот" живет не в мире истории и культуры, а в мире природы и плоти, где царствует количество и сила..." А если так, то, тут автор совсем уж уподобляется печально памятным неистовым ревнителям, говорит даже прямо-таки их фразами: "Патриотическая" литература зовет назад".

Нетрудно заметить, откуда исходит это убеждение. Патриотизм, как нереволюционность, как консерватизм, который якобы все норовит "повернуть колесо истории назад", конечно же берет начало свое в "коммунистическом манифесте". Правда, если там "реакционным" объявляется большая часть народа - мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин, то здесь таковыми объявляются только поэты - "патриоты", только так сказать, "прослойка". Вот и весь пока "прогресс" нынешнего некоммунистического сознания, выдаваемого, конечно же, за демократическое. По логике автора, нетрудно догадаться, что надо сделать, чтобы эта лирика не мешала движению вперед, чтобы она не творила своего "черного" дела. Да, да, именно то, что уже было, что теперь разоблачаем и в чем запоздало раскаиваемся. А что прикажете делать, если зовут назад...

Здесь, правда, обнаруживается одна неувязка, которую решительно не хотят замечать сторонники революционного преобразования жизни и "прогресса". Весь советский период нашей истории еще не давал примера, чтобы это пресловутое "колесо истории" крутили назад "консервативные" силы. Пока крутили его назад лишь те, кто думал, что вращает его вперед. Проходило время, и обнаруживался этот обман и самообман. Станные вещи происходят в российской истории с этим проклятым "колесом истории"...

Как видим, современный, казалось бы духовно свободный автор, говорящий вроде бы о самом высоком - о господстве духа над плотью, сам между тем орудуется категориями вовсе не личностными. Теперь уже новыми политическими, которые ничем не лучше старых. Он пугает людей казармой реальной, являя между тем казарму духовную, которая всякий уклад жизни - военный ли, гражданский ли, неизменно доводит до абсурда. Такова природа бездуховности. Потому-то автор так бесцеремонно и искажает Блока. Как искажает? Да очень просто, скажем, так: "Я позволю себе воспользоваться "Скифами" как путеводителем, как ключом, открывающим некоторые нехитрые секреты и "древние загадки" стихотворной любви к России. А может быть, и не только стихотворной". Но на каком основании он "позволяет" себе воспользоваться? А ни на каком, просто так. Но ведь литературой как ключом, или как "зеркалом", как прокламацией уже пользовались. И ничего, кроме подавления самой литературы, из этого не выходило... Но так как "ключ" этот к "нехитрым секретам" все-таки не подходит, то он и занялся его подделкой, то есть воспользовался вовсе и не ключом, как обещал, а воровской отмычкой. Занялся искажением смысла и пафоса блоковских "Скифов". Именно поэтому нашему "раскованному" толкователю поэзии и понадобилось дать такую характеристику "Скифов": "Я никак не мог принять из рук рыцаря поэзии, оседлавшего вдруг мохнатую степную лошадку, ни "вероломства", ни "азиатской рожи", ни "мяса белых братьев", ни комплекса неполноценности пополам с гордыней". Кстати, о какой "мохнатой лошадке" речь? Если о "степной кобылице", то это ведь и не из "Скифов", а из цикла "На поле Куликовом", и не 1918 год, а 1908... Значит, критик не принимает из рук рыцаря поэзии все его зрелое творчество, начиная со стихов о Родине...

"Скифы" для нашего скорого переоценщика поэзии не более, как "степное хвастовство слепой биологической мощью", что в них - "логика простодушного восточного вероломства", и вообще объяснимы тем, что поэт перестал слышать "музыку революции". Но это произошло позже, если только можно считать, что оно вообще произошло с

поэтом. "Скифы" же, как и "Двенадцать", поэт создавал на большом подъеме, в согласии со "стихией". Но что нашему толкователю до какой-то там "стихии" в мире поэта, если, похоже, собственно и до поэта ему нет дела. Главное "подогнать", так подделать "ключ", к "нехитрым секретам" чтобы уязвить современных поэтов, заодно - развенчать патриотизм, как таковой. А "Скифы", по его логике, "остались памятником страстному романтическому заблуждению и первым грозным криком новорожденного - того странного "патриотизма", который в разных обликах нет-нет, да и замаячит из-за рутинных березок, гармошек, хороводов, нет-нет, да и глянет в душу читателя "своими узкими глазами".

Самое, казалось бы, невероятное, состоит в том, что поэту снова, и через семьдесят лет после смерти, уже в наши дни не находится места. Он снова гоним и попираем, снова оценивается лишь по каким-то сиюминутным политическим, а то и - политиканским, пристрастиям. Причем, гоним как левыми, так и правыми. Это ли не свидетельство нашей все еще продолжающейся нравственной деградации, болезни, неведомой телесным врачам... Как тут не вспомнить вздох самого поэта: "Но где же опять художник и его бесприютное дело?"...

Ради развенчания патриотизма как такового, нет пощады и великому А. Блоку, и он растоптан в угоду ядовитой идеологии. Вот новое варварство, наивно пытающееся выставить себя прогрессивным. Самим фактом публикации такой статьи в толстом литературном журнале нас пытаются убедить в том, что это и есть то передовое, что пришло на смену идеологии коммунистической...

Профессиональный и нравственный уровень статьи А.Агеева говорит сам за себя, говорит самим фактом вульгарного и бесцеремонного обвинения поэта. Но ведь и другой стороной поэт тоже обвиняется, о чем красноречиво говорит статья Евгении Ивановой "Загадочный финал "Двенадцати" ("Москва", № 8, 1991). И здесь, по сути, такая же переоценка ценностей, тоже расставание с литературой: "Расстаться и выйти из-под обаяния блоковской поэзии неизмеримо труднее (чем поэзии Маяковского - П.Т.), а ведь он тоже революцию воспел, так нам по крайней мере внушали со школьной скамьи". Но постойте, а надо ли выходить из-под ее обаяния? С какой стати? Неужто поэзия его утратила это обаяние? А если нет, значит нами снова владеют соображения конъюнктурного порядка, но только не эстетическое и художественное чутье. А мне-то как раз и не хочется следовать совету Е.Ивановой: выходить из-под обаяния поэзии Блока, потому что кроме ее советов, кроме политической конъюнктуры, в которую поэт теперь уже снова не вписывается, есть еще и собственно обаяние. А оно, как понятно, ни по совету, ни по указу не уходит. При этом какая-то совершенно одинаковая мотивировка неприятия поэзии как левыми, так и правыми: было, мол, обаяние и вдруг пропало, как-то враз исчезло. А, может быть, его и не было? Ведь там и тут берется ложный тезис, как некая неопровержимая данность и на основе его строится концепция. Но мы теперь вправе задать вопрос: так действительно ли Блок воспел революцию или же это "нам внушали со школьной скамьи"? Ведь одно дело, если он действительно воспел и совсем иное, если это нам лишь внушали... Однако, мы снова впадаем в крайности, на этот раз безоговорочно принимая сторону русской религиозно-философской мысли, встретившей в свое время поэму "Двенадцать", что называется, в штыки. Видим в образе Христа следствие богоборчества поэта, кощунство, носящее "провокационный характер". А нельзя ли допустить простейшей мысли, в толковании произведения художественного более естественной: поэт лишь постигал, лишь отражал то, что происходило в России? Ведь те, кто упрекал и упрекает его в безбожии и кощунстве, как бы не замечают того, что безбожием была объята Россия не независимо от того, заметит ли его поэт или не заметит. Наоборот, было бы художнической неправдой, если бы безбожие это поэт не заметил и

утверждал нечто противоположное. Вот тогда мы имели бы хоть какое-то право упрекать его. Да вовсе и не богоборчество тут сказалось, а богоискательство. Он ведь прямо говорил о каком-то другом символе веры, которого в жизни не находил.

Поражает то, что нынешний пересмотр литературы совершается вовсе не истины ради, а используется в интересах групповых и околολитературных. Разве не удивительно, что как левые, так и правые предъявляют теперь счет литературе. Не пресловутому соцреализму, литературу душившему, не дельцам от литературы, кстати с конкретными именами, вытеснявшими художников, а литературе, живому организму, духу народному, который тоталитаризму подавить так и не удалось. "Должны ли мы еще спрашивать, за какие грехи ей (литературе - П.Т.) приходится расплачиваться и по сей день?" - вопрошает риторически Евгения Иванова, предполагая как само собою разумеющуюся вину литературы. Но говорить о грехах литературы, столько претерпевшей, просто несправедливо. Говорить следовало бы о праведности и грехах конкретных авторов. Какие еще грехи можно усмотреть, какую вину вменить, скажем, М.Цветаевой, отказавшейся быть, жить в "Бедламе нелюдей", отказавшейся от своего времени, от своего века, не подумавшем о поэте:

О поэте не подумал
Век - и мне не до него.
Бог с ним, с громом,
Бог с ним, с шумом
Времени не моего!
Если веку не до предков -
Не до правнуков мне: стад.
Век мой - яд мой, век мой - вред мой.

Век мой - враг мой, век мой - ад.

Не кощунственно ли усматривать теперь в ее трагической судьбе, в ее художественных и человеческих муках грех? Может, усмотрим еще вину С.Есенина, Н.Гумилева... Ах, грех литературы в целом?.. Но это все то же миропонимание, которое берет в расчет народ, но не видит человека. Грех соцреализма? Так ему и адресуйте свои претензии, авторам, его исповедовавшим, но не литературе. Да и кто из серьезных, совестливых художников относился серьезно к соцреализму? Никто! А иным несть числа во все времена, в том числе и в наши.

Такова логика нового прочтения русской литературы советского периода. Не для выяснения истины к ней обращаются, а для удовлетворения своих сиюминутных страстишек и амбиций. Таковой стала критика, которую Пушкин называл наукой. Современный же критик "позволил себе" и сделал. А там поэт, может быть, изобразил нечто совсем обратное. Какое дело до этого толкователю - ведь не истину он ищет, не то, что постиг поэт в действительности, а всего лишь развенчивает патриотизм, то есть занят тем же неблагоприятным делом, каким были заняты до него неистовые ревнители.

Столь подробно останавливаюсь на статье А.Агеева еще и потому, чтобы показать, как величайшее прозрение поэта - переход от богоискательства в "Двенадцати" к "Слову о полку Игореве" в "Скифах", и теперь все еще пытаются выдать за "заблуждение", что все это имеет прямое отношение к нынешнему противоборству миропониманий, если уж именно этим чрезвычайно важным прозрением поэта, душа современного знатока поэзии уязвлена стала... Не удивительно ли, что из всего многообразия аспектов поэтического мира А.Блока, которые могли бы стать предметом нынешнего обсуждения, вовсе и не обсуждается, а снизвергается и развенчивается именно этот - обращение поэта к

патриотизму и "Слову". Думается, произошло это потому, что за ними поэт провидел спасительный выход народа из того положения, в которое он попал - возвращение к своей истории, своим нравственным понятиям, возвращение народа к самому себе. И это при всем том, что такой переход, такие обращения к "Слову" были свойственны не только поэтическому миру Блока, но и многим его современникам. И если в его поэтическом мире он был не столь ярко выраженным, то в творчестве С.Есенина, М.Волошина, М.Цветаевой, Н.Клюева да и других художников, обращение к "Слову" в этот период их творчества было столь сильным, что дает право рассматривать себя как явление уникальное.

Но что же было, так сказать социальной основой, для столь активного и вроде бы неожиданного обращения русской литературы советского периода к "Слову о полку Игореве"? Была такая основа, была. Были основания вспомнить "Слово о полку Игореве", ту губительную для Руси эпоху, в которую оно создавалось. Следы их, до конца невытравленные, теперь можно отыскать в свидетельствах многих художников и мыслителей. Все опять-таки сходило на понимании того, что же происходило в России - невиданное обновление, затрагивающее не только внешнюю, социальную сторону жизни, но и внутреннюю, духовную, торжество справедливости или же "великое падение России", страшная трагедия народа. Одни писатели обращались к "Слову" дабы поставить происходившие революционные события в ряд самых значительных в истории России по созидательной мощи и тем оправдать их, показать их, якобы закономерно из всей истории России вышедшими. Другие обращались к древнерусской поэме, чтобы представить происходившее, как новое звено не прекращающейся трагедии России: "Совершенно ясно, что тут дело идет вовсе не о переделе земель, а о нормальной колонизации великой русской и сибирской низменности, колонизации, которая идет уже в течение тысячелетий, которой исчерпывается вся русская история и которую нельзя разрешить одним росчерком пера и указом о конфискации помещичьих земель... Русская Революция - это исключительно нервно-религиозное заболевание" (Максимилиан Волошин, "Россия распятая", "Юность", № 10, 1990).

"Взгляни, мир, и узнай, что пишется на твоих летописях одна из самых черных и, может быть, роковых для тебя страниц!..

... Что же произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека... Нет, неизбежности не было, а дело было все-таки сделано, и как, и под каким знаменем? Сделано оно было ужасающе и знамя их было и есть интернациональное, то есть претендующее быть знаменем всех наций и дать миру взамен древних божественных уставов нечто новое и дьявольское" (Иван Бунин).

И вовсе не случайно во многих воспоминаниях и суждениях так часто присутствует слово "нашествие". То есть происходившее в России расценивалось как своего рода завоевание, но еще более коварное, ибо совершалось внутри страны и народа. "Водораздел между властью и людьми проведен с такой резкостью, с какой это обычно бывает только в эпохи иноземного завоевания. Борьба принимает формы средневековой жестокости" (Иван Солоневич). Причем, признаки этого нашествия проявлялись не только в том, что с невероятной жестокостью народу навязывалось абсолютно чуждое ему мировоззрение, а его природное миропонимание с такой же жестокостью искоренялось, признаки его сказывались в прямом смысле слова, о чем пишет А.Солженицын: "Все первые годы революции, разве не было черт как бы иностранного нашествия? Когда в продовольственном или карательном отряде, приходившем уничтожать волость, случалось - почти никто не говорил по-русски, зато бывали и финны, и австрийцы? Когда аппарат ЧК изобиловал латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами? Когда

большевистская власть в острые ранние периоды гражданской удерживалась на перевесе именно иностранных штыков, особенно латышских (тогда этого не скрывали и не стыдились)" (Александр Солженицын, "Новый мир", № 5, 1991). Это было, пожалуй, общее ощущение - представлять свою эпоху как некое средневековое нашествие, а большевиков - как завоевателей, не только по образу мышления, но и по действиям. Вот как писала об этом Зинаида Гиппиус в "Черной книжке": "Да, вот факт, вот правда о России в немногих словах: "Россией сейчас распоряжается ничтожная кучка людей, к которой вся остальная часть населения, в громадном большинстве, относится отрицательно и даже враждебно. Получается истинная картина чужеземного завоевания. Латышские, башкирские и китайские полки (самые надежные) дорисовывают эту картину. Из латышей и монголов составлена личная охрана большевиков: китайцы расстреливают арестованных-захваченных. (Чуть не сказала "осужденных", но осужденных нет, ибо нет суда над захваченными. Их просто так расстреливают). Китайские же полки или башкирские идут в тылу посланных в наступление красноармейцев, чтобы когда они побегут (а они бегут!), встретить их пулеметным огнем и заставить повернуть. Чем не монгольское иго?" (З.Н.Гиппиус. "Черная книжка". В сб. "Под созвездием топора", М., "Советская Россия", 1991).

Все, как видим, определялось пониманием смысла и значения происходившего в России. Наиболее чуткие художники новую трагедию России соотносили с трагедией Руси, постигнутой в "Слове". И сама древнерусская поэма давала для этого веский повод. Ведь по своему характеру это произведение не просто героическое, не только о борьбе с половцами, с погаными. Это произведение в большей мере об усобице, о том, как и почему зреет на Руси крамола, почему братья становятся врагами. Теперь же наступила усобица новая, но корни, причины ее художники искали и находили в "Слове". Погибающая Россия сравнивалась теперь с Ярославной. Убедительно это выражено, к примеру, в стихах М.Цветаевой: "Приклонись к земле - и вся земля Песню заздравной. Это, Игорь, - Русь через моря Плачет Ярославной". Но в самом обращении поэтов к "Слову" не только не было согласия, но наоборот, традиция эта, может быть, как никакая другая разделяла их. Одни обращались к "Слову" для того, чтобы показать некое торжество, победу добрых начал, свершившуюся в России, другие наоборот, показать, что Россию полонило зло. То, что для одних было "песню заздравной", для других было горем, плачем Руси, ее гибелью. Кто же оказался исторически более точным и правдивым? Теперь это уже ясно, уже очевидно. Правыми оказались те художники, кто в происходившем видел трагедию России, ее гибель, а не обновление. Да ведь и изначально "Слово" по своему общему трагическому смыслу, изображающее поражение Игоревой рати, не давало основание для переосмысления его как "песни заздравной". В этом ведь убеждала уже "Задонщина". Кроме механической подражательности, формального сходства ничего из этого не вышло. И если иные писатели все-таки шли на преднамеренные переклички, то, как правило с единственной целью - чтобы идеологически оправдать революцию, якобы закономерно вызревшую в многовековой истории России. Но это было механическое подражательство. Я же говорю не о простой подражательности, но о создании новой художественной реальности, о традиции.

Вот чем отличались разные переосмысления образов "Слова" - пониманием революции в России как народного блага или же как народной трагедии. А вовсе не тем, о чем пишет в своей статье Л.Сазонова, вроде бы признавая разные формы переосмысления образов "Слова": "Характерно, что в послереволюционное десятилетие переклички со "Словом" равно используются в произведениях, говорящих о преимуществе настоящего перед прошлым, и там, где некоторое предпочтение отдано минувшему, и, наконец, "Слово" звучит в стихах, где противопоставление времени старого и нового снято и присутствует

философско-лирическое размышление, связанное с восприятием этих времен как единого исторического пути".

Ничего себе образы "Слова" "равно используются", ничего себе "равно", если одни увидели в происходящем нашествие, гибель народную, обратились к преемственности духовной тогда, когда она стала почитаться крамολой. Другие же обратились к "Слову" лишь для того, чтобы эту народную беду выставить небывалым благом. Действительно, разные способы переосмысления образов "Слова", разные цели обращения к нему. Но ведь не просто разные, но противоположные. А это и не дает нам теперь никакого права с филологической бесстрастностью просто перечислять все случаи обращения к "Слову", в одном ряду, что называется, через запятую. Не дает потому, что один из них является ложным, основан на насилии над литературой, построен по рецептам все того же вульгарного социологизма. Соотношение этих разных способов переосмысления традиционных образов видится теперь совсем иным.

Когда стало ясно, что обращение литературы к "Слову" не есть просто увлечение, не есть просто мода, а некий магистральный ее путь, шустрая околелитературная и литературная братия, естественно в ранге известных писателей, охотно изготавливая литературу по идеологическим рецептам, тоже обратилась к "Слову". Но тут-то и явилась самая беззастенчивая подмена, литературоведением оставшаяся незамеченной, а может быть, и преднамеренно оставшаяся таковой. Так творилась литературная неправда. Дело тут вовсе не в "Слове", просто обращение к нему выявило литературную ложь.

Остановлюсь на примере наиболее характерном. С какой стати, по какой такой логике, в "Думе про Опанаса" Э.Багрицкого и в одноименном либретто к опере "молодой еврей в студенческой фуражке", "закройщик, каких немало", выкраивавший "костюм для земли убогой" уподобляется князю Игорю?

Брыщут стрелами зарницы,
Мгла ползет в ухабы,
Брежут рыжие лисицы.
На чумацкий табор.
За широким ревом бычьим -
Смутно изголовье;
Див сулит полночным кличем
Гибель Приднестровью...

Почему смерть комиссара Иосифа Когана названа "славною кончиной"? По какой такой логике махновцы уподоблены половцам, так же, как и в повести Б.Лавренева "Кровный узел", белогвардейская конница изображается, как половецкая орда, а Див становится двуглавым орлом? И откуда, наконец, грозит "гибель Приднестровью"? Почему комиссар Иосиф Коган, несущий в народ чуждое ему миропонимание, образ жизни, разорение, оправдывается правотой Игоря и, в конечном счете, правотой всего русского народа? Без ответов на эти вопросы невозможно говорить о традициях "Слова" в русской литературе советского периода. А ответы на них отнюдь не подтверждают того, что образы "Слова" используются только при описании героической борьбы за советскую власть". Точнее, "используются", но вовсе ведь не отражают объективного положения вещей, не отражают правды ни исторической, ни духовной. С этим можно было бы согласиться лишь тогда, если бы комиссар Коган действительно нес народное понимание жизни. Но ведь он нес совершенно обратное...

Странная, в самом деле, получается логика, странные получаются "переклички" со "Словом" - махновцы, то есть собственно говоря народ, во всяком случае его значительная

часть, объявляются половцами, то есть врагами иноземными. Но кто же тогда русичи, если следовать этой логике иносказания? В ком следует видеть русичей - об этом в "Думе про Опанаса" не сказано. Но прямо говорится, что правое дело - "за закройщиком", по своему усмотрению и разумению выкраивавшем жизнь народа, комиссаром Иосифом Коганом. Стало быть, он и есть самый настоящий русич... Можно ли придумать еще более беззастенчивую и изощренную литературную ложь? Можно ли представить более неприкрытый цинизм?..

Может быть, сложность самого времени мешала разобраться в том, кто есть кто, и что происходит? Но почему же тогда Владимиру Короленко, еще в 1920 году все виделось не так просто и однозначно в том же Махно. В "Письмах к Луначарскому" он писал: "Вообще эта фигура колоритная и до известной степени замечательная. Махно - это средний вывод украинского народа (и может быть и шире)... ("Новый мир", №10, 1985). Видимо, все было просто и обыденно - поэт стоял на четких классовых позициях. Но можно ли тогда в таком случае человека, со столь ограниченным миропониманием, звать высоким словом поэта...

Л.Дмитриев писал, что в поэме Э.Багрицкого "картины природы, слитой с судьбой людей, сочувствие и участие природы в происходящих событиях и батальные сцены, характерные для "Слова", удачно использованы". Но в чем же эта "удача"? В самой вульгарной подмене понятий, в искажении смысла происходящих событий на противоположные, в самом бесцеремонном искажении судьбы народа?.. Но теперь-то видно, что это, так называемое поэтическое творчество, кроме как литературным политиканством иначе и не назовешь.

Значит, автор вопреки логике и правде исторической, совершил подмену. Но разве можно так бесцеремонно ее совершать? Но в том-то и дело, что именно таким образом она совершалась в те времена во всем - в литературе и в народном творчестве. Даже в первую очередь она совершалась здесь, дабы оправдать, создать видимость справедливости делам далеко несправедливым. Как совершалась эта подмена, особенно наглядно видно в песнях. В одной из наиболее популярных революционных песен говорится о воине, о бойце революции:

Он упал возле ног
Вороного коня
И закрыл свои карие очи:
"Ты, конек, вороной,
Передай, дорогой,
Что я честно погиб за рабочих".

Народный строй мыслей и чувств в этой песне нарушен, подменен просто идеологическим соображением. Ведь в народных песнях, в которых есть подобная просьба к коню, говорится совсем о другом. Совсем иное содержание имеет завещание, последняя воля погибающего в бою воина:

Передай-ка ты, мой конь,
Отцу-матери поклон,
А жене моей скажи,
Что женился на другой,
Что женился на другой,
На винтовке боевой.
Остра шашка была свашкой,
Штык булатный был дружком,
Свинцовая пуля венчала

Среди битвы кровавой.

В народной песне все строится по старинному, художественному образу, кстати, какой есть и в "Слове" - уподобления битвы свадебному обряду. В другом цикле народных песен говорится о том, что погибающий в бою казак просит насыпать "высокую могилу" и посадить на ней калину. То есть опять-таки, народная песня исполнена глубочайших символов и народных верований. Все гораздо проще обстоит в этой профессиональной песне, написанной не в согласии с народным миропониманием, а в согласии с идеологической установкой - просто "передай, дорогой, что я честно погиб за рабочих".

И в народной, и в профессиональной песне изображена смерть. Но в народной песне она изображается через свадебный обряд, символизирующий переход человека в иное качество, то есть продолжение его жизни. Идеологическая же установка, воплощенная в песне профессиональной, отрицала личность, единичность и неповторимость человеческой жизни. Поэтому герой здесь живет и погибает "за рабочих", "за того парня", за кого угодно, - только не за самого себя...

В отношении к песням особенно проявилось творческое бессилие того порядка, того, говоря словами С.Булгакова "духовного маразма", который установился в России после революции. Признак, прямо-таки действительно, зловещий. Сказалось это в том, что большинство революционных песен являлись переделками, ранее известных песен, полностью перенявшие их мелодии. Об этом писал В.Мантулин, составитель "Песенника российского воина": "Не нужно быть музыковедом, чтобы понять, какой массовый плагиат начался с созданием "краснознаменной" литературы"... Чрезвычайно показательно то обстоятельство, что композиторы белых сохранили в песне черты мягкого лиризма и глубокого трагизма, большевики же внесли в гармонию элемент грубой угрозы, что подчеркивается сочиненными словами вроде "разгромили атаманов, разогнали воевод"... И этот дух утраченного, приправленный изрядной долей нерусского самохвальства, а ля "встретим мы по-сталински врага", наложил очень неприятный отпечаток на многие песни советского лихолетья" (Песенник российского воина. Составил и аранжировал Валентин Мантулин, Нью-Йорк, т. 1, 1970, Нью-Йорк, т. 2, 1985).

По этому же образу совершалась подмена и в литературе, именно по нему совершена она и у Э.Багрицкого. И самое невероятное в этой подмене то, что во всех бедствиях обвиняется народ, что от него якобы исходит "гибель Приднестровью", что он и есть половцы, он и есть враг... Но тогда напрашивается вопрос: враг кому? Комиссару Когану! Так во имя чего и для кого в таком случае совершилась эта борьба - во имя народа или для комиссара Когана?.. Эта подмена в песнях и литературе в определенной мере объясняет, почему коммунистическая идеология была столь воинственной к культуре, к художественности, к народному творчеству и литературе. Да потому что подлинно художественное всегда правдиво. Именно по отношению к художественности, знающей вещи по именам, проявлялась историческая несправедливость этой идеологии. Потому она и прибегала к ее подмене, разрушению. Да и не только ведь ее. Но народного миропонимания, души народной, находящей свое наивысшее выражение в подлинно художественном творении.

Таких, идеологически и политически ангажированных поэтов, верных служителей соцреализма, у нас почему-то принято называть романтиками. Я не против романтизма, но подобный "романтизм" слишком уж пахнет кровью, ибо ничем иным не является как духовной агрессией. Надеюсь, на примере подобного использования образов "Слова" это видно в полной мере.

Подобное обращение к "Слову", как в поэме Э.Багрицкого, легко разгадываемо и иного смысла, кроме как сопоставить несопоставимое, кроме как именем русской истории, именем русского духа идеологически обосновать и оправдать антинародное дело комиссара Когана, просто не имеет. Совсем иначе все обстоит в художественном мире поэта, обращающегося к "Слову", непреднамеренно, без холодного и хитрого расчета, как бы интуитивно. Тут не так просто разгадывается его цель. Да и цели как таковой, заранее избираемой вроде бы нет. Ну что, к примеру, имел в виду С.Есенин, написав в ноябре 1917 года стихотворение "Не пора ль перед новым посемьем Отплеснуться, Вам слова, от Каялы..." Какое новое посемье, то есть поход по Сейму, по следам Игоревой рати, грезились поэту? Если Посемьем ему уже тогда виделось все то, что ожидало

распинаемую Россию, то можно лишь подивиться его прозорливости. Но ведь этим простым сопоставлением смысл выраженного поэтом далекого не исчерпывается. Как не исчерпывается простым сопоставлением со "Словом" и трилогия А.Толстого "Хождение по мукам", к которой предпослан эпиграф "О, Русская земля!" Здесь угадывается связь с древнерусской литературой и более глубокая, уже в самом названии романа - "Хождение по мукам", где "хождение" - один из жанров древнерусской литературы, также, как "Хождение Богородицы по мукам". Новые хождения соотнесены и как бы продолжают давние человеческие муки.

Есть еще одна особенность этих, таких разных, противоположных обращений к "Слову". Внешне, формально они вроде бы и не отличаются друг от друга, хотя семантически являются противоположными друг другу. По логике Л.Сазоновой, Э.Багрицкий обращается к древнерусской песне, чтобы добиться восприятия разных времен, "как единого исторического пути", то есть для того, чтобы показать якобы действительно существующую преемственность. Но ведь вроде бы такой же смысл имеет и стихотворение М.Цветаевой, вроде бы с этой же целью обращается к "Слову" и она. Но разница - несоизмеримая. Да ведь к простой преемственности ее поэтическая мысль далеко не сводится. Даже наоборот, она вступает с прошлым в полемику:

Лжет летописец, что Игорь опять в дом свой
Солнцем взошел - обманул нас Боян льстивый.
Знаешь конец? Там, где Дон и Донец - плещут,
Пал меж знамен Игорь на сон - вечный.
Белое тело его - ворон клевал.
Белое дело его - ветер сказал.
Подымайся, ветер, по оврагам,
Подымайся, ветер, по равнинам,
Торопись, ветрило - вихрь- бродяга,
Над тем Доном, белым Доном лебединым!
Долетай до городской до стенки,
С коей по миру несется плач надгробный.
Не гляди, что подгибаются колени,
Что тускнеет ее лик солнцеподобный...

Почему "лжет летописец" и почему "Боян льстивый"? Да потому, что в художественном мире поэтессы "белое дело" - есть прямое продолжение дела Игоря, то есть извечного правого дела постоять за землю Русскую. И уж если оно, "белое дело" потерпело поражение, значит причины его крылись во временах более ранних, значит и Игорь пал "на сон вечный". Потому что в ее художественном мире "белое дело", говоря словами И.Ильина, "древне, как Русь": "Не мы создали его: оно древне, как Русь, мы только стали под него, опять, как бывало, в час смуты и разложения" ("Белая идея"). Оно стремится к тому, чтобы сохранить историческую правду и хотя выношено в "военной борьбе с революцией и коммунизмом", этой борьбой не исчерпывается и к ней не сводится". А потому "белая борьба, - пишет И.Ильин, - нуждается в летописи". Кстати сказать, в приведенном стихотворении поэтесса столь увлекает нас своей идеей, что мы не сразу и замечаем допущенную ею неточность - автора "Слова" она путает с Бояном. Боян ведь не пел об Игоре, он пел о Тмутараканских князьях. Но это как бы и не столь важно перед эмоциональной и полемической мощью стихотворения. Удивительно, что М.Цветаева в одном из стихотворений прямо называет себя летописцем белого похода: "Белый поход, ты нашел своего летописца". Не могу удержаться, чтобы не выписать это стихотворение полностью. В нем, написанном в ноябре 1920 года, поэтесса то ли сама себя, то ли героиню свою уподобляет Ярославне. Собственно говоря, это стихотворение и есть плач Ярославны, плач женщины, проводившей своего возлюбленного на Дон за белое дело:

Буду выпрашивать воды широкого Дона,
Буду выпрашивать волны турецкого моря,
Смуглое солнце, что в каждом бою им светило,
Гулкие выси, где ворон, насытившись, дремлет.
Скажет мне Дон - Не видал я таких загорелых!
Скажет мне море - Всех слез моих плакать - не хватит!
Солнце в ладони уйдет, и прокаркает ворон:
Трижды сто лет живу - кости не видел белее!
Я журавлем полечу по казачьим станицам:
Плачут! - Дорожную пыль допрошу: провожает!
Машет ковыль-трава вслед, распушила султаны.
Красен, ох, красен кизил на гробу Перекопа!
Всех допрошу: тех, кто с миром в ту лютую пору
В люльке мотались.
Череп в камнях - и тому не уйти от допросу:
Белый поход, ты нашел своего летописца.

Это уже не назовешь просто сопоставлением времени или "перекличками". Здесь хотя и присутствует "Слово", но уже не на уровне перекличек. Перед нами - новая художественная реальность. И не только потому, что Ярославна летит на Дунай кукушкой, а героиня стихотворения - журавлем по казачьим станицам. Кстати, и казачьи станицы тут помянуты, как думается, вовсе не случайно. Происходившее там вместилось в одно слово: "Плачут!" А вся основная трагедия гражданской войны совершалась ведь в основном в казачьих областях. В связи с рассматриваемой традицией я обращаюсь еще к стихам казачьих поэтов, выразителей того самого народа, который по произволу Э.Багрицкого был объявлен, по какой-то немыслимой логике, половцами, то есть врагом иноземным и которому предстояло просто умереть. Стихи этих поэтов и по жанру не назовешь иначе, как плачами.

Как бы с думой о "Слове" написана и поэма М.Цветаевой "Перекоп". Это сказалось и в отдельных образах: "Русь, страна Дивья"; "крик лебедин", "не то чайки, не то соколы", и в этом, легко узнаваемом рефрене: "Крым! Уже за шеломяном еси". Но поэма эта примечательна еще и тем, что она как бы помнит о тех произведениях русской литературы, в которых переосмысливалось "Слово". Поминается здесь "Тарас Бульба" Н.Гоголя: "С лицом Андреевым - Остап. С душой бойца - Андрей". Угадываются тут и "Скифы" А.Блока: "В тьму - тьмы нас! - Ужель не слышишь, Русь?" Можно даже сказать, что поэма "Перекоп" как бы подводила итог литературного постижения "Слова". Удивительно многообразно живет "Слово" в поэтическом мире М.Цветаевой. Нельзя не заметить, чем продиктовано ее обращение к памятнику древнерусской литературы. Тем, что "Мировое началось во мгле кочевье", тем, что наступило "братство бродячее", настала "вражда вселенская", "вселенский бич", как сказано в "Поэме Конца" и оказалась "Звезда российская: Противу всех!" Настало "Времечко Бусово", такое же губительное и позорное, как "ханский полон". Россия полонена, превращена в рабыню хана на его утеху. Россия сравнивается с опозоренной женщиной. Обида плачет в роще рябиной и стыдобушка никнет в поле березынькой: "То шатаясь причитает в поле - Русь. Помогите - на ногах не тверда!"
Травушки стоптаны,
Рученьки розняты.
В поле стыдобушка
Никнет березынькой.
... Исполосована
Русь моя русая.

Гзак да Кончак еще,
Вороны Бусовы.

Словом, "Кончена Русь!", как сказано в стихотворении, которое так и называется "Плач Ярославны":

Вопль стародавний,
Плач Ярославны -
Слышите?
С башенной вышечки
Непрерывный
Вопль - неизбывный:
- Игорь мой! Князь
- Игорь мой! Князь
Игорь!
Ворон, не сглазь
Глаз моих - пусть
Плачут!
Солнце, мечи
Стрелы в них - пусть
Слепнут!
Кончена Русь!
Игорь мой! Русь!
Игорь!
- Ветер, ветер!
- Княгиня, весть!
Князь твой мертвый лежит -
За честь!
Вопль стародавний,
Плач Ярославны -
Слышите?
Вопль ее - ярый,
Плач ее, плач -
Плавный:
- Кто мне заздравную чару
Из рук - выбил?
Старой не быть мне,
Под камешком гнить,
Игорь!
Дерном - глиной заткнете рот
Алый мой - нонче ж.
Кончен
Белый поход.

И в том же "Ханском полоне" есть какой-то глухой намек на соотношение губительного "временка Бусова" с христианством. То ли надежда еще на него, то ли сожаление о нем:
Не растеклась еще
Кровь Иисусова.
Над безнапраслинкой -
Временчко Бусово.

И хотя поэтесса назвала себя летописцем белого похода, в ее стихах мы не найдем той односторонности, неистовости, которой грешили так называемые "молодые советские

поэты". Ее взгляд - понимающий и тех и других, примиряющий. Взгляд ее на гражданскую войну, как на общую народную беду, такой же, как в цикле о терроре "Усобица" М.Волошина:

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме.
И всеми силами моими
Молюсь за тех и за других.

Какая уж тут "революционная патетика", о которой пишет Л.Сазонова, какое уж тут использование "Слова" "при описании героической борьбы за советскую власть", о котором говорит Л.Дмитриев. Все как раз наоборот - Русь обесчещенна, кончена, заздравная чаша выбита из ее рук... Странно, неужто исследователи не ведали об этом? Или этот душераздирающий крик о гибели России, рвущая сердце поэтическая мощь не проходила по разделу той литературы, которая именовалась "молодой советской"? Если это так, то любопытная получается ситуация - в расчет бралось лишь самое упрощенное, лишь самое бездуховное и рукотворное и на основе его утверждалось, что так, мол, литература осмысливает "Слово". Понятно, что при такой "методике" анализа в поле зрения не попадало все самое художественное, сокровенное, совершенное и многозначное. Так творилась литературоведческая, да и просто человеческая неправда. Так что же совершилось в России - "Мистерия", новое пришествие или нечто совсем иное? Совершалось самое изощренное, самое изуверское давление на человеческую душу - ее отравление подменой понятий о добре и зле. Совершался самый изощренный вид порабощения человека - овладение его сознанием и душой. Это, естественно, в первую очередь сказывалось на литературе, на ее положении в обществе. На ее внутреннем состоянии, проявлялось в извращении самой ее природы, в подчинении идеологии. "Рогатых хозяев жизни Хрипом ночных ветров Приказано златоризней Одеть в жемчуга стихов" (Н.Клюев). Это особенно наглядно видно на традициях "Слова" в литературе советского периода - с какой целью и как те или иные писатели к нему обращались. Для убедительности прибегну к сравнению двух произведений, созданных по сути в одно и то же время, посвященных постижению одного и того же события - падению Перекопа. Имею в виду поэму М.Цветаевой "Перекоп" и повесть А.Малышкина "Падение Даира". Сопоставляя эти произведения, видишь, как литература вослед за обществом, разделилась на два враждебных лагеря: М.Цветаева - летописец белого похода, А.Малышкин - певец красного. Но вместе с тем, как в поэме, так и в повести ярко выражено обращение к "Слову", сказавшееся во многих деталях, и даже - в рефрене из "Слова", вставленном в тексты почти без изменений. У Цветаевой: "Крым! Уже за шеломянем еси". У Малышкина: "Как это? Русь, уже за шеломянем еси?... В бескрайнем курганы уплывали, как черные - на заре - шеломя: назад, в сумерки, в историю..." В каком из произведений этот рефрен, этот клич из "Слова" более естествен, уместен и оправдан? Мне кажется, в поэме "Перекоп". Хотя бы уже потому, что здесь, как и в "Слове", герои покидают родину, прощаются с нею, может быть, навсегда. А потому взятый из "Слова" рефрен воспринимается не как заимствование, а как новая реальность. Во всяком случае оправдан психологически. Родина для них действительно оставалась "за шеломянем". В повести же "Падение Даира" он дан в форме вопроса, с некоторой даже иронией и как бы равносильен возвращению "назад, в сумерки, в историю". Да и что стоит само уподобление истории сумеркам... Здесь не чувствуется живой, духовной связи, психологической и художественной оправданности. Да и сама необходимость обращения к древнерусской поэме как-то теряется. Внешне же, формально, как в повести, так и в поэме много сходного, даже это вроде бы мимоходом брошенное "На заре". Есть у Цветаевой небольшое стихотворение "На заре...", в котором она тоже обращается к образам "Слова": "Над разбитым Игорем плачет Див". Но, видно, разные зори виделись поэте и прозаику...

Есть и еще одна, пожалуй, основная особенность, отличающая эти разные обращения к "Слову". Писатель, изображавший гражданскую войну из лагеря красных, однозначно говорит о белых как о врагах, как о последних. Все в повести "Падение Даира" направлено на то, чтобы представить белый стан, морально разложившимся и падшим, где господствует одна животная похоть. Писатель пытался вызвать отвращение к тем, "чьи фамилии говорили о веках владычества и славы", где все исходило "блаженной слюной". Красные же наоборот оправдываются уже только тем, что они шли завоевывать "прекрасные века". Словно белый стан не имел своей высокой цели. Имел, и более конкретную, чем "прекрасные века" - Россию. Но ведь это не так, что в белом стане господствовала только похоть. Там оказалась значительная часть интеллигенции, цвет народа. Да и цель борьбы у белого стана была высокой - спасение России, в отличие от красного стана, вытравлявшего всякое представление о родине, видевшего цель борьбы в уравниловке, в дележке материальных благ - "кто был ничем, тот станет всем". Правда, была претензия на высокую идею - "светлое будущее", но она была столь неопределенной, что воспринимать ее как руководство к действию или источник вдохновения уж никак нельзя.

В поэме М.Цветаевой тоже есть подобное разделение народа на врагов, и все же, гражданская война предстает здесь не только как противостояние непримиримых станов, а как общенародная трагедия. Писателю же, изображающему гражданскую войну из красного стана, оказалось неведомым то, что было естественно для летописца белого похода:

Все рядом лежат -
Не развестъ межой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой?
Белый был - красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был - белый стал:
Смерть побелила.

Иными словами, совершенно очевидно, что повесть "Падение Даира" написана с идеологической заданностью, с заранее predetermined оценками белого и красного станов.

Мне кажется, что сопоставление этих, во всяком случае, внешне сходных произведений, передает атмосферу, царившую в литературе той поры. И если бы мы говорили о персонажах произведений, о героях, мы не имели бы никакого права упрекать их в том, что они исповедовали то миропонимание, а не это. Но мы ведь говорили о писателях, художниках, совести народной, которым самой природой, предназначением заказано не исповедовать какие бы то ни было политические и партийные пристрастия - ни "коммунистические", ни "демократические". И все же не будем упрекать и писателей - самый надежный и самый объективный их судья - время. Да еще "Слово", безошибочно указывающее на то, как писатели понимали происходившее в России.

Что же вспомнилось вроде бы беспричинно "Слово", его образы И.Бунину в очерке, посвященному поэту А.Толстому, "Инония и Китеж"? Да потому, что не только о поэте он говорил, но об утрате, насильственном вытравлении истинно национальных начал в народе, о новом страшном нашествии: "... Русское слово почти умолкло в этой печенежской степи, где высится Тмутараканский Болван, где "лисы лают на русские щиты" (как лают они, увы, и в эмигрантском стане)". Бунин, кажется, первым заметил и

особо отметил, что традиции "Слова" свойственны всей русской литературе, без
разделения ее на станы по идеологическому признаку. Лисы одинаково лают на щиты - и
здесь, и там.

"Коммунизм есть исполнение определенной веры, веры, противоположной христианской. Вся советская литература утверждает такое понимание коммунизма", - писал Н.Бердяев. Но действительно ли вся литература советского периода исповедовала такое понимание, действительно ли она была безропотно покорной идеологическому нашествию? Не говорю о прямых, публицистических суждениях и свидетельствах философов и литераторов той поры, известных нам теперь по сборникам "Вехи" и "Из глубины", понимавших происходившее совсем иначе. Понимали иначе смысл происходившего и многие честные художники, у которых хватило духа, воли и характера сопротивляться идеологическому тоталитаризму. Теперь уже видно, как литература сопротивлялась неправде. И отнюдь не только, прибегая к некому эзопову языку, понятному лишь для посвященных, как полагают теперь многие современные литераторы. Она сопротивлялась неправде самой своей природой, своей образной стихией. Пугливые же оглядки на власть - в большей мере свойство не художников, а людей совсем иного склада души и духовного уровня. Это чувства людей совсем иного порядка. Ведь художественная правдивость определяется не всегда и вовсе не обязательно степенью высказанной политической правды, степенью оппозиции к власти, синдромом диссидентства. Потому-то, к примеру, С. Есенину не помешали никакие идеологические установки и в его трудное время выразить то, что он думал о происходившем:

Конечно, мне и Ленин не икона...

На Маркса смотрит, как на Саваофа,

Пуская Ленину в глаза табачный дым...

Так грустно на земле. Как будто бы в квартире,

В который год не мыли, не мели.

Какую-то хреновину в сем мире

Большевики нарочно завели...

(Сергей Есенин).

Да и не только в стихах он это понимал и выражал: "Мы должны кричать, что все эти пролеткульты есть те же самые по старому образцу розги человеческого творчества... Вот почему нам так и противны занесенные руки марксистской опеки в идеологии сущности искусства". Правда, Есенина убили... Но ведь не сломили, не сделали покорным, не заставили петь так, как кому-то хотелось. Не отравили душу и не извратили ум до такой невероятной степени, когда человек свой собственный народ видит половцами, врагами... Конечно, тоталитаризм нанес страшный урон русской литературе, а значит и душе народной. И все же, когда иные интеллигенты жалуются на то, что трудные социальные условия не давали возможности им петь, или загубили их талант, я думаю, что они просто не художники. Они - критики этого тоталитаризма. А это далеко не одно и то же.

Думается, что теперь нас должны более занимать не те хитрости, к которым якобы прибегали художники, дабы обойти какие-то идеологические рога, но та "внутренняя грамотность" (С.Есенин), по которой подлинный художник живет, те духовные пути мира, которые он провидит. В конечном итоге, это и есть суть художника, которую он ни на какие хитрости не меняет. Художника в полном смысле слова, а не дельца от литературы. И наоборот, чем беднее творчество, чем оно линейнее, определеннее, публицистичнее, тем чаще автору приходится прибегать к этим самым хитростям. Только наивное, вульгарное миропонимание представляет литературу так, что она через заблуждения приходит к прозрениям, то есть по образу обыденного бедного сознания. Но художническое миропонимание тем и отличается, что оно называет вещи по своим именам. Не задним числом, когда проходит время, и смысл происходившего становится понятен всем, а тогда, когда время течет, и распознавать значение его непросто. Если литература утрачивает это свое основное свойство, она перестает быть литературой.

Прошло время списочного перечисления художников, согласно той или иной идеологической легенде, тому или иному идеологическому мифу. Но не так просто оно проходит, коль и теперь все еще появляются суждения о литературе, переполненные каким-то совершенно беспредметным восторгом: "Время нелегкое для всей страны, всего народа, но поэты работали и работали вдохновенно". (С.Кошечкин. "Смерть Есенина". Две версии. "Правда", 6 июня 1991). Несложно понять причины этого восторга. Они кроются в политизированной упрощенности понимания жизни. "В то время эти люди, - пишет, к примеру, автор о Троцком и Зиновьеве, - считались героическими личностями". Кем считались? Изнемогающим под бременем смуты, разорения и голода народом, пришедшим в страшное запустение, поднимающегося на открытую вооруженную борьбу? Уничтожаемым поголовно казачеством считались? Но достаточно прочитать теперь письма Ф.К.Миронова, чтобы убедиться в обратном. Да, считались "героическими личностями" лишь такими же, как они сами, денационализированными, оторванными от стихии народной жизни людьми, такими же авантюристами.

Вся многотрудная история русской литературы, кажется, должна была уже вернуть нас к нормальному пониманию художника в обществе и его творений, вернуть то понимание, которое всегда жило в нашей литературе еще со "Слова о полку Игореве", то понимание, о котором писал М.Волошин в "России распятой": "Поэту и мыслителю совершенно нечего делать среди беспорядочных столкновений, хотений и мнений, называемых политикой. Но понятия современности и истории отнюдь не покрываются словом политика. Политика это только очень популярный и очень бестолковый подход к современности. Но следует прибавить, что умный подход к современности весьма труден и очень редок".

У художника - свой способ постижения этого мира и свое представление о своем положении в нем, утратив которые, он не выполняет свое предназначение и становится никому, кроме тех же политиков, на их утеху, не нужным. Такое положение певца, поэта, на примере Бояна, дается уже в "Слове", проходит через всю литературу, сохраняясь по сути в неизменности. Может быть еще и поэтому, поэты в трудные времена так часто обращались к "Слову", через него укреплялись в своей правоте. И все же в тот период русской литературы, о котором я говорю, не только не эти, чисто художнические, задачи заставляли обращаться их к "Слову", но в конечном итоге - понять то, что же происходит в перевороченном смутой мире.

Сергей Есенин, как поэт, наиболее чуткий к народному строю души, на протяжении всего своего творчества обращался к "Слову". По свидетельству современников, он знал древнерусскую поэму наизусть. О глубине понимания им "Слова", связи его с народными верованиями и народным творчеством, говорит его статья "Ключи Марии". Есть у него и статья, как бы специально посвященная древнерусскому памятнику - "Ярославны плачут". И все же, одно его произведение, с точки зрения традиций "Слова", заслуживает внимания особенного. Это, конечно же, поэма "Песнь о великом походе", где переключки начинаются уже с названия, - ведь одно из значений слова полк - поход.

Нельзя сказать, что исследователи русской литературы советского периода не замечали такой своеобразной жизни "Слова" в художественном мире С.Есенина. Замечали*. Об этой удивительной, уникальной особенности творчества поэта написано немало работ. Но при этом делалось, кажется, все возможное для того, чтобы завуалировать истинный смысл обращения поэта к памятнику древнерусской литературы, в конце концов - подогнать его под определенные идеологические клише, господствовавшие в обществе. Трудно теперь сказать - делалось ли это из хитрости или же по причине недостаточной духовной сопротивляемости. Во всяком случае, предопределенность, тенденциозность

литературоведения в толковании этой традиции оказалась преобладающей. Иногда это доходило до ситуаций казусных. Рассмотрим, для примера, статью А.М.Панченко и И.П.Смирнова "К интерпретации стихотворного текста Есенина "Не пора ль перед новым посемьем ..." тем более, что это одно из загадочных произведений, как справедливо пишут авторы, "одно из наименее понятных для читателя произведений поэта".

Сопоставление эпохи "Слова" с современной поэту действительностью, поэтической мощи памятника с современным ему состоянием духа, является основной особенностью стихотворения. Это сказывается уже с первой его строки: "Не пора ль перед новым посемьем..." Внутритекстовый анализ стихотворения исследователи дополняют сопоставлением со стихами поэта той же поры, со стихами поэтов ему близких, сопоставлением с текстом "Слова". И эта исследовательская оснастка создает наукообразие, прямо-таки обезоруживает трезвый и непредвзятый взгляд на стихотворение поэта. Но странную и даже удивительную изворотливость проявили авторы, дабы уйти от истинного смысла стихотворения. Это сказалось уже в толковании слова "посемье": "Даль с пометкой "старинное" приводит глагол "семьиться" в синонимическом ряду "скопяться, сходиться для заговоров, крамол". В пользу того, что Есенин имел в виду именно это значение свидетельствуют стихи из "Марфы Посадницы". И исследователи приводят сакраментальный стих, якобы подтверждающий значение этого слова: "Послал я сватать неучтивых семей". И далее, мы наблюдаем удивительный по своему произволу пример доказательства: "Напомним, что "Марфа Посадница" опубликована в 1917 году (дата написания нашего отрывка) в первом сборнике "Скифы". Сочетание "неучтивых семей" относится к новгородским бунтовщикам и тогда слово посемье имеет синоним "мятеж, бунт": "Не пора ль перед новым мятежом..." ...Посемье "можно считать есенинским неологизмом, созданным на реальной диалектной основе". Такова логика доказательств. Не останавливался бы на ней столь подробно, если бы на толковании слова "посемье" не строилась вся концепция авторов, если бы из него они не выводили общее значение стихотворения Есенина, сводящееся к тому, что поэт-де в сопоставлении эпохи "Слова" и своего времени не увидел собственно похода, нового похода, в чем-то аналогичного тому, Игоревому: "В этом плане становится ясным, почему Есенин в качестве заместителя Игорева похода избрал тот самый символ, который в "Слове о полку" выступает как знак скорби, поражения (Каяла)". Таким образом, если нового похода поэт не заметил, стало быть, его и не было, то отсюда можно сделать вывод, ничего общего, конечно, с текстом стихотворения не имеющий: "Для Есенина старая Россия гибла в революции, чтобы возродиться в России вселенской, призванной обновить и спасти мир". То есть не что иное, как обоснование средствами литературоведческими неизбежности и праведности "мировой революции": "Революция становится фактом национального предания, мифологизуется".

Коварство и бесцеремонность подобных "прочтений" художественных произведений, состоит в том, что революция и последовавшее за ней революционное строительство жизни, подорвавшее духовные основы народа, выдается именно за "национальное предание". То есть разорение народа выдается за благо, якобы согласное с внутренним, духовным строем его жизни, а не противное ему. Это же надо было так исхитриться, чтобы трагедию народа, беду выдать за якобы спасение...

Вроде бы все логично. Но зачем авторам понадобился такой окольный путь толкования слова посемье и даже выдать его за неологизм поэта? Ведь значение его не имеет ничего общего ни со словом приводимым из Даля, ни со словом из "Марфы Посадницы". Кажется, с единственной целью - дабы подвести под поэтические размышления идеологическую основу. Подлинное же значение слова посемье столь очевидно и столь распространено, что как-то неудобно даже приводить какие бы то ни было ссылки в его

подтверждение. Посемьем издавна называются русские земли по реке Сейму... О Посемье говорится в Ипатьевской летописи, описывающей поход князя Игоря... Вот так "неологизм"... Но зачем он понадобился исследователям? А понадобился он им затем, чтобы придать стихотворению поэта значение противоположное. "Не пора ль перед новым посемьем Отплеснуться Вам, слова, от Каялы..." - то есть не пора ль перед новым походом, перед новой трагедией, перед новой крамолрой, перед новой гибелью Руси вернуться к словам периода Каялы, то есть вернуться к их духовной крепости... "Не заметив" же этого исконного значения слова, авторы вложили в стихотворение значение противоположное - перед новым мятежом... Но мятеж уже совершен, духовная аура жизни нарушена, слова потеряли свою крепость, потому и понадобилось "отплеснуться" им "от Каялы"... Дальнейшая перенасыщенность стихотворения диалектизмами, как раз и демонстрирует это самое отплескивание от Каялы. Исследователи же, это увлечение поэта диалектизмами расценили как самоцельное, а потому и пришли к выводу неверному: "Увлечение диалектизмами у Есенина вскоре миновало, и поэтому, видимо, он не вернулся к незавершенному опыту вольного переложения "Слова" в диалектных терминах". Да, увлечение диалектизмами у поэта миновало, но к "Слову" он обратился еще не раз. А это и доказывает, что это его увлечение было далеко не главным. Поэт еще обратится к "Слову" и напишет свое основное произведение по мотивам "Слова" - "Песнь о великом походе". Именно о походе, чего не заметили наши исследователи в слове "посемье"...

Как видим, перед нами все тот же, до предела идеологизированный прием толкования произведения художественного, исходящий прежде всего из убеждения, что с революцией в России началась "новая эпоха", что происходило не что иное как "столкновение между старым миром и новым", что поэты обращались к "Слову" с единственной целью, чтобы в его эпохе найти тот героизм, который якобы по непонятной логике совершенно идентичен героизму революционному (Л.И.Сазонова. "Слово о полку Игореве" в русской поэзии XX века"). Но анализ произведений художественной литературы с традициями "Слова" говорит совсем о другом и даже противоположном - наступило не преображение России, а ее гибель, насилие над самим ее духом, не героическая сторона памятника притягивала к себе поэтов, но его трагическая сторона... Виделось не торжество "нового", якобы передового, но новый "поход", новое "посемье", новая трагедия, новая погибель земли Русской...

Ничего, кажется, более с такой последовательностью и неистовостью в советское время не искажалось, как художественная литература. И вполне понятно почему. Шло духовное порабощение народа. Ведь ни в чем более, как в художественности, не выражается с такой силой национальное своеобразие народа, его духовная природа.

Примечательно, что "Слово" в поэтическом мире С.Есенина жило наравне с богоискательством. Правда, выраженном совсем в иной форме, чем, скажем, у А.Блока. В форме прямо-таки воинствующего, можно даже сказать, хулиганствующего атеизма, как, к примеру в "Инонии": "Я кричу, сняв с Христа штаны". В творчестве поэта вообще каким-то причудливым образом уживался авантюризм революционной переделки мира и глубочайшее проникновение в суть народной жизни: "Пополам нашу землю-матерь Разломлю, как златой калач". Это и дало некоторые основания И.Бунину в статье "Инония и Китеж", назвать его Иваном, не помнящим родства: "Что есть у какого-нибудь Есенина, Ивана Непомнящего? Только дикарская страсть к хвастовству да умение плевать. И плевать ему легко: это истинный Иван Непомнящий. В степи, где нет культуры, нет сложного и прочного быта, а есть бродячая кибитка, время и бытие точно проваливается куда-то, и памяти, воспоминаний почти нет". Обратим внимание, что и в этом жестком приговоре поэту снова присутствуют приметы средневековья - степь да кибитка. Многое,

конечно, И.Бунину из его зарубежного далека было неведомо. А поэма "Песнь о великом походе" полностью была опубликована только через шестьдесят пять лет после ее создания.

Написанная в прибауточной, частушечной манере, поэма эта не дает никаких оснований расценивать себя так, как она виделась еще в замысле, к примеру, И.Майскому, главному редактору журнала "Звезда": "Я спрашивал: неужели его как поэта не вдохновляет мысль о том, что русский народ, словно Илья Муромец, встал да и пошел вперед, да так пошел, что сразу обогнал все другие страны и народы? Ведь это грандиозный, героический взлет, каких еще не было в истории!" Увы, не с Ильей Муромцем сравнил С.Есенин народ и свое время, сравнил вовсе не с былинным и героическим. Видно, не "взлет" ему все же виделся, а нечто совсем обратное, о чем писал И.Бунин в "Окаянных днях": "А сколько дурачков убеждено, что в российской истории произошел великий "сдвиг" к чему-то, будто бы совершенно новому, доселе небывалому! Вся беда (и страшная), что никто даже малейшего понятия о "российской истории" не имел". С.Есенин сопоставляет время гражданской войны исподволь со временем "Слова" и в то же время сравнивает его и с эпохой Петра Великого, который принялся "Русь онемечивать". Но отнюдь не в созидательном смысле: видимо, как продолжение все того же "онемечивания", оборачивающегося разорением:

Ой, ты, синяя сирень,
Голубой палисад!
На родимой стороне
Никто жить не рад.
Опустели огороды,
Хаты брошены.
Заливные луга
Не покошены.
И примят овес,
И прибита рожь, -
Где ж теперь, мужик,
Ты приют найдешь?

Так же, как и "Слово", поэма начинается авторским запевом:

Вы послушайте
Новый вольный сказ,
Новый вольный сказ
Про житье у нас.
Первый сказ о том,
Что давно было.
А второй - про то,
Что сейчас всплыло.
Для тебя я, Русь,
Эти сказы пел,
Потому что был
И правдив и смел.
Был мастак слагать
Эти притчины,
Не боясь ничьей
Зуботычины.

"Притчины" как у Даниила Заточника, - "в притчах загадки". Есть в тексте поэмы и прямые указания на "Слово". Причем, употребленные совсем в ином смысле, как бы и не

обязательные, словно и сделанные лишь для того, чтобы читатель знал, что поэма пишется с думой о "Слове":

Вы крестьянские ребята,
Подросточки.
Ни ногой вас не взять,
Ни рязанами.
Вы гольем пошли гулять
С партизанами.

Как помним, в тексте "Слова" в "златом слове" Святослав обращается к великому князю Всеволоду: "Аже бы ты был, то была бы чага по ногате, а кощей по резане", то есть "была бы раба по ногате, а раб по резане". Совсем в другом смысле это выражение употреблено в поэме С.Есенина. Можно понять, что крестьянских ребят не берет "ногата" ("голь"), нагота, бедность, ни "рязанами", в смысле, видимо, казнями... Поминая времена "Слова", времена усобиц, поэт сопоставляет их с эпохой Петра и с гражданской войной, как бы в единой и непрерывной цепи народных бедствий...

Разве не вспоминается "Слово о полку Игореве" и при чтении только теперь ставшей нам известной поэмы Н.Клюева "Песнь о Великой Матери"? Даже журнал "Огонек", не отличающийся литературной точностью, предпринявший публикацию поэмы, отметил эту ее особенность: "Невольно приходит на ум второе рождение другого памятника нашей словестности - "Слова о полку Игореве". Песнь также величаво всплывает из хляби времен, из забвения: и как "Слово" было спасено от ордынского ига, так теперь "Песнь" - от ига бесчеловечной, "безбожной власти" (№ 35, 1991).

Обращение литературы этого периода российской истории, к "Слову" продиктовано, как видим, не столько героической, сколько трагической стороной памятника. Оно вовсе не исчерпывается аналогией, простым сопоставлением средневековой междоусобицы и новой - гражданской войны. И, конечно же, не сводится лишь к перекличкам отдельных речевых оборотов. Как правило сами эти переклички лишь знак, внешнее проявление сопоставлений, имеющих какой-то более глубокий смысл. Остановлюсь только на одном примере.

Как помним, битва Игоревых полков началась в пятницу. Если бы речь шла только о летописи, мы имели бы полное право полагать, что автор следует точности фактической. Но в произведении художественном указание на день события не может не иметь значения символического, не зависимо от того, действительно ли изображаемое событие происходило в пятницу. За этим указанием кроется вся глубина трагичности судьбы Игоря. По христианскому воззрению - день предания Христа смерти, его распятия. Значит, и Игорь шел на эту битву, как на казнь. И, видимо, не только потому, что было ему недоброе знамение - солнечное затмение. Это затмение, это препятствие на его пути как раз доказывает, что день похода пятница имел значение символическое. Походом в половецкую степь он совершал какой-то духовный подвиг, нам теперь не вполне понятный. Во всяком случае, значение его не исчерпывается ни символическим "поисками града Тмутароканя", ни высоким - постоять за землю, так как призыв этот был более логичен при отстаивании родных пределов, а не при походе в половецкую степь. Но самое удивительное, что и из плена князь Игорь вызволяется в пятницу. Видимо, это указывает на то, что не только его поход в степь, но и возвращение было столь же трагическим и безысходным, несмотря на то, что "Страны ради, гради весели". По всей вероятности, с возвращением Игоря сбывалось все-таки его предупреждение: "Луче же бы потягу быти, неже полонену быти", то есть лучше погибнуть, чем оказаться плененным. И это подтверждается дальнейшей трагической судьбой Игоря и его рода, о чем писал

В.Чивилихин. Писатель сопоставил поразительные факты, которые не могли быть стечением каких-то случайностей. Князь Игорь Святославич, умерший в 1202 году великим князем Черниговским, не был похоронен в Спасо-Преображенском соборе, главной, основной усыпальнице чернигово-северских князей. Вообще не существует сообщения в летописи о его захоронении, хотя традиция указывать это была стойкой.

"Позже, - писал В.Чивилихин, - три сына Игоря - Роман, Святослав и Ростислав, призванные галичанами на княжеские столы как внуки Ярослава "Осмомысла", будут повешены местным боярством - такой массовой и жестокой казни князей на Руси не было "от крещения над Киевом" и не будет никогда позже..." Буквально сразу же после смерти Игоря Ольговичи напали на Киев, учинив его неслыханное разорение. Все это, если и не доказывает версии писателя об авторстве "Слова", то говорит о какой-то тайне в судьбе князя Игоря, о какой-то его высокой миссии в истории Руси.

Таким образом, можно полагать, что как поход князя Игоря в Степь, так и возвращение его из плена было в равной мере связано с какими-то потрясениями в его судьбе, с разрушением каких-то непомерно тяжких духовных конфликтов, было равносильно смерти, казни. Может быть, в результате междоусобицы ему не оставалось места на земле, и солнце его померкло: "Солнце ему тьмою путь заступаше". (Не только же о солнечном затмении говорится здесь). Князю Игорю не оставалось, на земле места так же, как Григорию Мелехову в "Тихом Доне". На это как бы указывает такой сходный образ черного солнца: "Словно пробудившись от тяжкого сна, он поднял голову и увидел над собой черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца". Поразительное совпадение образов. Видно, обращение к этому библейскому факту автору понадобилось для того, чтобы показать всю безысходность и обреченность своего героя. Причем, такое значение художественного образа сохраняется, повторюсь, если даже изображаемые в поэме события действительно происходили в пятницу, то есть даже при условии вроде бы случайного совпадения. Это лишь доказывает, что в судьбе поэта случайностей не бывает, каждому факту он придает значение образное, символическое.

Но особенно поражает в связи с традициями "Слова" поэма Н.Клюева "Песнь о Великой Матери" ("Знамя", № 11, 1991). Поражает не только схожесть образов, но каким-то совершенно немыслимым пророчеством. Причина гибели России, уходящей "к славам", видится в разгуле бесов, которые "гнусной грудой Славянской песни чудо Повергнут у дорог", в образе злодея, "Что душу русскую, как моль, Незримо точит в прах и боль", как апокалипсическое видение, в котором образ загадочной "попынной звезды" вдруг сочетается со "Словом", его образами:

... А и стали красоту пытаться - крестовать:

Ты ли заря, всем зарницам мать?

Отвечала краса: Да!

Тут ниспала опынная звезда, -

Стали воды и воздуха желчью,

Осмердили жизнь человечью.

А и будет Русь без улыбки,

Стороной нептичной и нерыбной!

Взяли красоту в зубы да пилы:

Ты ли плачешь чайкой белокрылой?

Отвечала невеста: Да!..

Тут пошли огнем города -

Дудя на волчьих свирелях,

Закрутились бесы в метелях,

Верхом на черепах Верефер,

Молот в когтях против сил и вер:
"Стань-ка, Русь, барабанной шкурой,
Дескать, была дубовою дурой,
Верила в малиновые звоны,
В ясли с младенцем да в месяц посконный!"
Томили деву черным бесчестьем -
Ты ли по валдайским безвестьям
Рыдала бубенцом поддужным
И фатой метельной, перстнем вьюжным
Обручилась с Финистом залетным?
И калымом сукам подворотным
Ярославне выкололи очи...
Ой, Каял-река! Ой, грай сорочий!
Ой, бебрян рукав! Ой, раны княжьи!

Помянут ведь в поэме и двенадцатый век и "черная дева обида". Поистине: "Ярославны плакучий взор В путивльские вьюги да хмары. Какой метелицей ты Занесен в чухонское поле?"... Причем, образность поэмы Н.Клюева не дает никакого повода рассматривать себя лишь как тоску по Руси уходящей, лишь как славянофильство дурного толка. Все в поэме гораздо сложнее и многообразнее:

Я умираю от тоски,
От черной ледяной руки.
... Я чувствую у горла нож
И маюсь маятой всемирной -
Абаза песенкою пирной,
Что завелась стальная вошь
В волосьях времени и дней, -
Неумолимый страшный змей
По крови русский и ничей!

Мы, видимо, теперь только подивились бы красоте и песенности его слова, если бы в этом заклинании обиды, горя узорчатым словом, вдруг не мелькнула нам печально памятная Припять: "Пошла светелками, дворами... По тихой Припяти, на Каме". Как сошлась, как совпала тихая Припять с "попынкой звездой" в устах поэта в 1930 году, за пятьдесят лет до Чернобыля?! Ответа на это я не знаю. Я только верю в животворящую силу художественного живого слова, в его незаменимость и пророчество... Воистину, как писал сам поэт, собирал он "по зернышку русские тайны".

Приводя это поразительное, немыслимое пророчество поэта, я имею редкую возможность обратить внимание читателей не только на духовную мощь русской литературы, но и на ее магическое свойство. Толковать ее, с той неслыханной самонадеянностью, какую выказывали поминаемые мной критики "Слова" - о преимуществе настоящего над прошлым, - конечно же, невозможно...

Так оказались немыслимо удаленными друг от друга полюса сознания - на одном "закалялась сталь" человеческая, на другом таилась "стальная вошь"...

Обращение к образам "Слова о полку Игореве", их переосмысление было для русской литературы советского периода, можно сказать, обыкновением. Причем, как в творчестве больших поэтов, так и поэтов, как говорится, второстепенных, нам малоизвестных, а то и совсем неведомых. Любопытно взглянуть на эту традицию обращения литературы к "Слову" не с точки зрения "молодой советской поэзии", являвшейся старательным выразителем идеологии господствующего, нет, не класса даже, а денационализированной прослойки, пришедшей к власти. Особенно на творчестве тех поэтов, которые и были выразителями той значительной части народа, которая, по логике Багрицкого, называлась "половцами", а значит, подлежащая уничтожению - казачество, крестьянство, вообще трудовой народ, во имя блага которого якобы и шла такая жестокая борьба. О чем пелось, вернее плакалось им, обреченным на смерть, причем, обреченным единственно потому, что кто-то и где-то выдумал такую теорию, согласно которой они считались лишними, "шлаком"?..

Кубанский казак Георгий Денисов был репрессирован в 1937 году. При реабилитации его в наши дни, в деле его, было найдено полтора десятка стихотворений. Эти стихи говорят о нем, как об одаренном поэте и образованнейшем человеке. Стихи скольких поэтов нам еще предстоит открыть, стихи скольких из них нам неведомы, а, может быть, и утеряны уже навсегда.

Среди сохранившихся стихотворений Г. Денисова - страстная исповедь "Уже приспели гибельные дни...", написанная по мотивам "Слова":

Уже приспели гибельные дни -
Боянов стих летит по медным струнам,
Кровавые встают, мутнея, Луны,
Обиды древний лик из глубины возник.
Над темными просторами полей
Машинных табунов скрежещащее ржанье,
И гуд, и рев, и стягов колыханье
Сплелись в одном клубящемся узле.
В дыму костров полет зловещих птиц -
Раскинул враг победные становья,
Обрызгана земля дымящеюся кровью
И черным молоком железных кобылиц.
О Русь? Твой горький час шеломом не испит,
Вновь рыжие лисицы пробрехали,
Суля тебе погибель на Каяле
Под сталью тяжкою бесчисленных копыт.
И вот распад и горестный полон,
И вдовий вопль над пажитью целинной,
А время выстлалось унылою равниной
И каждый миг тоской испепелен.
Но плотно, как зерном, засеяна земля
Костями тех, кто пал на перепутьях,
Пора вязать разрозненные прутья,
По крохам собирать забытое в полях.
Уж в облаках червленые щиты,
Волна червленая у берегов донецких.
Пусть кличет Див: над пленом половецким
Взойдут суровые посевы Калиты...

Исследователи, обращавшиеся к традициям "Слова" в русской литературе советского периода, чаще, а точнее, как правило говорят, как я уже сказал, лишь о переключках, то есть некоторых лексических и семантических сходствах, и реже касаются тех глубинных, художественных образов, которыми так щедро "Слово" и которые переосмысленными продолжают жить в литературе. В то время как "переключки" эти сами по себе еще не являются безусловным признаком действительной традиции. Они могут иметь и формальный, и просто подражательный характер. Все-таки о традиции следует говорить при духовной преемственности, которая не обязательно проявляется в форме абсолютного сходства.

Мне попало стихотворение поэта казачьего зарубежья "Черный ворон залетел ко мне во двор...", опубликованное в Праге в журнале "Казачий сполох". Стихотворение подписано инициалами автора, но по ним можно догадаться, что принадлежит оно перу казачьего поэта Романа Сожского. Печальная исповедь человека, оказавшегося в изгнании, обращенная к родине-матери. Исповедь человека, повинного лишь в том, что именно таким, а не каким-то иным, его создали Бог и природа, приготовленного на заклятие лишь потому, что в жизни, построенной по бесчеловечной идеологии, таким как он не находилось места. Они должны были умереть якобы во имя всеобщего счастья и грядущего светлого будущего. Исповедь о разбитой судьбе, погубленной жизни:

Черный ворон залетел ко мне во двор,
Черный ворон весть печальную принес:
"Туча черная сожгла родимый бор,
Буйный ветер ее по миру разнес..."
Уж не петь мне больше звонким соловьем,
Легкой белочкой не прыгать по ветвям -
В полону у вражьей силы отчий дом,
Не пройти и не проехать по путям.
Эх, за что ж ты насмеялась надо мной,
Загубила моей юности года,
Ах, зачем ты не промчалась стороной
Тучей грозной одноглазая беда?..
Ну да что же... Ведь теперь там, говорят,
Расцветают ароматные сады,
Песни радостные душу веселят,
На дорожках - не звериные следы.
Моя матушка во тереме живет,
Что во тереме - в хоромы золотых,
Что ж родимая меня не позовет,
Почему же приглубила чужих?
Черный ворон залетел ко мне во двор,
Бьет крылами в переплет моих окон -
Снятся ночью мне и траур и позор,
Душат грудь мою напевы похорон...

("Казачий сполох", № 4, 5, Прага, 1925).

Мы не найдем вроде бы явных "переключек" со "Словом" в этом стихотворении. И тем не менее оно построено по центральному художественному образу древнерусской поэмы - мировому древу. Образу, чрезвычайно распространенному в русском фольклоре, народных песнях. Образ мирового, мысленного, то есть воображаемого древа так явно проступает и в "Слове":
Боян бо вещей,

аще кому хотяше песнь творити,
то растекашется мыслию по древу,
серым волком по земли,
сизым орлом под облакы...
О Бояне, соловию старого времени!
Абы ты сиа полкы ущекотал,
Скача, славию, по мысленному древу.

Образ этот убедительно показывает, как тесно связано "Слово" с устнопоэтической стихией народного творчества, с народным строем души. Подобный образ можно найти и в былине. Вспомним то место былины "Вольга и Микула Селянинович", где говорится о мудрости Вольги:

Похотелося Вольги много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под оболока,
Серым волком рыскать да по чистым полям.

И здесь угадываются все приметы фольклорного, мирового, воображаемого древа, характеристику которого можно найти в "Поэтических воззрениях славян на природу" А.Афанасьева: "На нем держатся три великие мира - небо, земля и ад, на ветвях его гнездятся молниеносные птицы, а у корня лежит страшная змея, наконец, при этом древе текут живые источники и обитают вещие птицы... Главный змей (злобно кусающий) лежит у адского источника и грызет корень ясени; между ним и сидящим наверху орлом старается возбудить раздор бегающая взад и вперед белка... В образе белки миф олицетворяет грызущие зубы молнии"...

Как видим, фольклорное понимание древа как бы подсказывает, уточняет его литературное понимание в "Слове", - что следует читать не мыслью, а мыслью, то есть белкой...

О том, что в тексте "Слова" изображено мировое древо, писал А.Потебня: "Выражение "Слова о полку Игореве" о Бояне: "растекается мыслию по древу", "скача, славию, по мысленному древу" (т.е. по воображаемому, фантастическому древу), переходя мыслью от корня до вершины, могут быть намеком именно на те случаи, когда в величаниях изображалось мировое древо..." Мировое древо здесь усматривал и такой серьезный исследователь "Слова", как А.Майков. Наконец, развернутую его картину дает С.Есенин в статье "Ключи Марии": "Через строго высчитанную сумму образов, "соловьем скакаше по древу мыслену", наш Боян рассказывает, так же как и Гомер, целую эпопею о своем отношении к творческому слову. Мы видим, что у него внутри есть целая наука как в отношении к себе, так и в отношении к миру. Сам он может взлететь соколом под облаки, в море сплеснуть щукою, в поле проскакать оленем, но мир для него есть вечное, неколеблемое древо, на ветвях которого растут плоды дум и образов".

Так и в стихотворении "Черный ворон залетел ко мне во двор..." мы видим все признаки мирового древа: наверху - черный ворон, внизу - "звериные следы", по ветвям его бегают белки. В стихотворении автор так же, как и автор в "Слове", уподобляет себя то соловью, то белке. Почему автор "Слова" поминал в поэме духовно свободного Бояна? Потому, что петь так, как Боян, он уже не мог, - наступали новые времена. Так же и автор стихотворения кручинится о своей доле, жалуется на свою горькую судьбу, потому что "В полону у вражьей силы отчий дом". Это и не дает ему жить вольно в своем поэтическом мире.

Образ мирового дерева, естественно, появляется обыкновенно в песнях печальных, в песнях, о порушенном и разоренном мире. Видно, певцы потому и обращаются к этому образу, что "Пребывание у мирового дерева или на нем имеет смысл безопасности и благополучия" (А.Потебня). То есть они поют о том, чего им не хватает. Можно сказать, что уже сам факт обращения к этому образу говорит и о характере произведения, и о том, что в мире случилась какая-то беда.

Так через образ мирового дерева угадывается трагедия. Образ этот столь устойчив и столь распространен в устнопоэтической и литературной традиции, что о нем и не следовало говорить так подробно, если бы не появились исследования, в которых он представляется какой-то диковинкой. К примеру, в статье А.Демина "Куда растекался мыслью Боян?": "Древо в данном отрывке не похоже на реалию, это скорее символ, притом не совсем понятный нам". Кажется порой, что о литературе, о художественных образах ее толкуют какие-то иностранцы, которым трудно за прямой, словарной семантикой слова различить глубину передаваемого им духа. О какой такой "реалии" может идти речь в произведении художественном? О реальном дереве что ли? Опять совершенно по Чернышевскому задаемся идиотическим вопросом: какое дерево лучше - растущее на земле, или мысленное, воображаемое... Да, и то, и это необходимо, одно другого вовсе не исключает, одно другое заменять и не должно.

Сопоставление, кстати сказать, художественных образов устнопоэтической традиции с образами литературными многое объясняет в последних. Особенно сравнение с народными песнями, ибо "Песня бессознательно употребляет старинные выражения, по преданию, перешедшие к потомству через многие поколения, а певец вовсе не думает, какой могло бы оно иметь смысл первоначально" (Ф.Буслаев). Так в приведенном отрывке из "Слова" о Бояне - "скача, славию, по мысленному древу" уже давно переводят однозначно, как скача соловьем. Но ведь только перед этим автор уже назвал Бояна соловьем старого времени. Повтор маловероятен. Смысл проясняет народная песня с образом мирового дерева, найденная в рукописи 1911 года, замечательного композитора и собирателя народных песен Кубани Г.М.Концевича (тоже репрессированного):

Ой, хто нэ був, братцы, за Кубанью,
той горя нэ знае.
А мы булы, братцы, за Кубанью, мы всэ горэ знаем.
Ой, та Кубань ричка быстра, нэвэлычка, быстро протикае.
Быстро протикае.
Ой, на тий ричци, а на тий быстрой, там выросло древо,
Там выросло древо.
Ой, а то ж нэ древо, то била бэрэза,
То ж била бэрэза.
А на тий бэрэзи, а на тий же били,
Сыдыть птыця пава.
Ой, то ж и нэ птыця, ой то же и нэ пава, -
Казацкая слава.

Как видим, принадлежностью мирового дерева является и слава, которую певец возвещает в народах. Следовательно и в тексте "Слова" по логике, подсказанной этим образом, надо читать, что Боян, соловей старого времени, скакал славою по мысленному древу. Может ли слава скакать? Но ведь говорит же народная пословица, что добрая слава лежит, а худая бежит... Может быть, здесь говорится о переменчивости славы певца, его жизни, его судьбы. И что опять-таки примечательно, имеющее отношение к отмечаемой традиции: образ мирового дерева вырастает не в заздравной песне, но в песне печальной, в которой поется о горе...

Видно, В.Белинский знал, что писал, когда отмечал свойство русских народных песен: "Историческая верность - качество почти чуждое историческим русским песням". С этим нельзя не согласиться, но с единственной поправкой - это свойство песен надо воспринимать не как порицание их, не как недостаток, но как достоинство, ибо эта верность - не есть вовсе достоверность лишь фактическая, но правдивость иного порядка - художественная, нравственная.

Оправданием нашего сопоставления образа в стихотворении "Черный ворон залетел ко мне во двор..." с художественным образом мирового древа в "Слове" является то, что стихотворение это связано и с другими древними, мифологическими представлениями. Сказалось это в том, что беда здесь названа одноглазой. Видно, герой стихотворения сравнивается со странствующим, ищущим свою духовную родину Одисеем, которого хотел сожрать одноглазый Полифен. Потому и здесь беда одноглазая.

Основная тема "Слова" - гибель Руси. Причем, вовсе не от внешнего врага. Ведь и само понятие "Русская земля" в поэме имеет значение не только, так сказать, территориальное. А постоять за землю русскую, как я уже сказал, означает вовсе не только постоять за ее пределы. Призыв к этому был бы более уместен и понятен, если бы Игорева рать отражала нападение половцев. Но она сама ушла в Степь. Как же это вяжется с призывом постоять за землю русскую? Очевидно, что "Русская земля" для автора "Слова" было понятием прежде всего нравственным, духовным. Постоять за землю русскую означало постоять за ее своеобразие, за ее душу, за ее право среди других народов. Но в жизни происходило нечто странное, крамола разъедала душу народную, и ковали ее князья, как это ни странно сами на себя. Распадалась духовная крепость народа, и от этого погибала Русь. Об этом прямо, нет не говорит даже, а взывает, кричит автор "Слова":

Уже снесется хула на хвалу;
Уже тресну нужда на волю;
Уже вержеся Див на землю.

По логике этого противопоставления: "Хула - хвала", "нужда - воля", конечно и Див означает вовсе не дозорца, как думали многие исследователи. Здесь противопоставлено нечто высокое и земное. И если Див - это Бог, то беда Руси состояла в том, что пал Бог, идеал, высокое заземлилось, стало обыденным и низким. Вот он основной враг, определяющий печальную участь Руси.

Самой тяжелой думой русских поэтов рубежа веков тоже была судьба России, как тех, кто остался в ней, так и тех, кто ее покинул. "Доминирующей темой разговоров и мыслей была Россия... Мы много думали о нашей эмигрантской судьбе, однако нам по существу, никогда не хватало времени разобраться до конца, что же собственно, с нами произошло", - писал в дневнике донской казак Николай Келин, умерший в Чехо-Словакии. Дело вовсе не в нехватке времени, а в том, что подлинные причины несчастной судьбы народа были столь коварны и изощрены, что разум отказывался в них верить. Собственно говоря, все творчество поэтов, их "горькие песни", и было осмыслением судьбы России, в котором они так часто прибегали к "Слову".

Испить бы из Дона шеломом,
Погладить певучий ковыль -
Болящего волей и домом
Покрыла дорожная пыль...
Иду, спотыкаясь и плача,
По злой и ненужной земле,
Но верю, что будет иначе.

И знаю, что снова в Кремле
Я буду молиться святыням
За нашу российскую статью -
Не хочется мне на чужбине
Без речи родной умирать...

Поняли ли они, что произошло с ними и с Россией? Конечно же, поняли. И это доказывается их обращением к "Слову". Но кажется, что их разум так до конца и не поверил в эту трагедию, как в приведенных стихах Н.Келина, так и в его дневнике: "Моя жизнь уже идет к концу, поправить или изменить ничего нельзя, и я, уходя с любимой мною земли, оставлю здесь только мои сумбурные воспоминания, да горькие песни о моей Родине... Всю мою долгую жизнь я болезненно люблю мою Родину. Годы ничего не изменили в моем отношении к ней. Уйду с затаенной мечтой о том, что, может быть, меня вспомнят потомки, когда на карте Европы загорится неугасимым пламенем дорожное для меня имя Россия".

Нисколько не странно, а закономерно, что подлинная традиция "Слова" в русской литературе сказалась в песнях "трудных", горьких, печальных. В заздравных же, творимых, нет, не скажу, что всегда из хитрости или духовной ограниченности, была лишь имитация традиции, ее подмена.

Внешне - вроде бы одна и та же традиция, так сказать, с двух точек зрения. Но словно проявленная в разных литературах, до такой степени дошла губительная для художественного творчества идеологизация. С одной стороны, оправдание чуждого народу миропонимания, приведшего к его разорению. С другой - традиция собственно литературы, народ знавшей, разделившей с ним его печальную судьбу.

Русская литература советского периода точно уловила основной смысл "Слова", обращаясь к нему для постижения не внешней военной агрессии, но внутренней смуты, крамолы. Наиболее чуткие художники соотносили свое время с далекими временами междоусобиц, находя в них общие черты. Как, к примеру, в стихах современного поэта Бориса Чичибабина:

Кончусь, останусь жив ли, -
чем зарастет провал?
В Игоре-вом Путивле
выгорела трава...

Но обращение к "Слову" именно в литературных текстах уже с послевоенного времени становится все реже и реже.

Припоминая "Слово о полку Игореве", литература советского периода стала плачем о гибели Русской земли, о гибели России. Напрасно взывала к душе и слуху своих современников М.Цветаева, напрасно выпрашивала: "Вопль стародавний, Плач Ярославны - Слышите?" Не расслышали, не захотели расслышать, не смогли расслышать надорванными душами, брошенными в смуту "вражды вселенской", душами, исхлестанными "вселенским бичом" (М.Цветаева), мающиеся "маятой всемирной" (Н.Клюев). И даже сам этот плач попытались утаить, представить его, - о, цинизм и бесстыдство - песней заздравной... Неужто и теперь так и не расслышим этого плача, коим исходит вот уже около века русская литература?..

Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

А. Блок, "Новая Америка"

Какая-то неистребимая наивность сквозит и теперь во многих наших помыслах и делах: каждый раз, при каждом новом повороте судьбы, все начинать сначала. Словно это возможно. Видно, действительно все еще "то и дело

вовлекаемся в произвольные действия и всякий раз мы потрясаем все мироздание" (П. Чаадаев).

Причем, происходит это и в литературе, где отречение от предшествующего опыта противоречит самой ее природе, ее предназначению и призванию быть хранительницей духа человеческого, а не каких-то внешних примет жизни. Началась, скажем, очередная ревизия пережитого, переоценка ценностей, значит, жди как это бывало, и переоценки литературы, совершенно адекватной переоценке политической и социологической. И точно, уже объявлены "счастливые похороны" русской литературы советского периода, якобы по причине того, что сработана она единственно по предписаниям пресловутого соцреализма. Такая податливость и поспешность литераторов пред политикой и идеологией, отказ от своего столь непростого дела просто поражает и обескураживает.

Но подлинные творения духа всегда редкость. И ни в какую эпоху их не могли сдерживать никакие предписания. Предписаниям поддаются лишь посредственности. А они были во все времена. Что же теперь хоронить их поделки, если они уже давно похоронены... И невдомек, кажется, тем, кто объявляет "счастливые похороны" литературы, что они-то как раз и находятся в тенетах идеологических предписаний. На сей раз новых, возникших на иной почве, но по сути все тех же предписаний недоброй поры вульгарного социологизма. В то время как опыт, и даже совсем недавний, вроде бы должен был подсказать нам, что если мы, каясь в старых грехах, не хотим впасть в новые, если хотим остаться благодарными детьми, мы занялись бы не отрицанием созданного до нас, не похоронами его, а новым прочтением литературы советского периода. И, уверен, многое открылось бы для нас, может быть, впервые... Ведь, кажется, довольно было похорон и сбрасываний с корабля современности. Неужто жестокий век столь поразил наши души, что более "нет веры к вымыслам чудесным, рассудок все опустошил" (Ф. Тютчев).

И все же "счастливых похорон" литературы, несмотря на их попытки, теперь явно не получилось. Всякий искус снова поставить ее в прямую зависимость от жизни социальной - придумать ей периодизацию, обязательно синхронную социологическим схемам, приставать к художникам с назойливыми требованиями нового героя - свидетельствует о том, что мы так пока и не освободились от вульгарного социологизма. "Нет ничего проще, чем представить литературу 30-х годов расплюснутой под молотом терроризирующей страну власти", - писала М. Чудакова в статье "Сквозь звезды к терниям". И хотя критик специально оговаривается, статья - красноречивое свидетельство того, как вроде бы порывая с вульгаризмом, всячески отрешиваясь от него, мы тем не менее находимся в его плену, в иных формах ему послушно следуем.

Трагедия русской литературы советского периода, по М. Чудаковой, сводится в основном к тому, что художники из чувства страха или самосохранения стали писать "вне конкретного материала текущей жизни", избегать изображения подлинного героя

советского времени. Но ведь на это шли, как правило, лишь небольшие дарования, которые были всегда, которые есть и теперь. Кроме того, за всем этим ощущалась уверенность, что происшедшие события были столь значительными по своей созидательности, а не разрушительности, что даже породили нового человека, новый его тип, разумеется, более совершенный и благородный. Хочет критик того или нет, но, исходя не из текстов, а представлений внелитературных, она как раз находится на позиции тех марксистских ортодоксов, которые хотели свершившемуся придать значение всемирное, куда там, равное, выше по своему значению явлению Христа. Потому-то они столь рьяно опекали литературу, чтобы и она подтвердила это. Потому столь воинственными атеистами они и были.

Все эти апелляции к коммунистической идеологии исключительно имеют неприглядную и губительную для литературы сторону. Видя источник зла только в ней, абсолютизируя свое время, тем самым исключают трагическую сторону жизни вообще, приписывая ее идеологии, видя в трагичности жизни не норму, а досадное исключение, без чего литература вообще немыслима... Все это тот же соцреализм, но уже от противного, наизнанку, отчего нисколько не изменяется его суть, ибо он пресекает литературу. Но оказалось, что литература - не та сфера человеческой деятельности, которой можно управлять, в которой можно изображать новый тип человека не по его действительному явлению, а по идеологической догме, директиве... Ведь обвинение литературы в том, что она не показывала нового человека, по сути, не столь уж и далеко от "новых задач", ставящихся перед литературой...

Исходя из данности, что новый человек в жизни был, и нерадивой литературе оставалось лишь его воплотить, М.Чудакова приходит к довольно странным оценкам, скажем, "Тихого Дона": "Русский человек - крестьянин в первую очередь - исчез из виду русского писателя. Ведь и Григорий Мелехов - не новый герой, а скорее уже завершение череды героев, не писателями XX века созданных героев, а их предшественниками... Роман нимало не заполнил той трещины, которая зияла несколько десятилетий между литературой и российской реальностью. Тип "нового русского человека" или русского человека в новых условиях, остался задачей не просто невыполненной, но постепенно и забытой".

Но ведь в "Тихом Доне" все обстоит как раз наоборот. Не русский ли человек в новых условиях Григорий Мелехов, предпочитающий лишения, страдания и гибель, но так и не сломившийся перед нечеловеческой силой зла... Не "новый" ли русский человек Мишка Кошевой, все сокрушающий на родной земле, пускающий красного петуха под крыши домов, бьющий из винтовки по коровам, выбегающим из базов? И все из глубокого чувства убежденности в том, что он строит новую, прекрасную жизнь. Поищите во всей литературе XIX века такой тип. Пожалуй, не найдете, разве его прообраз в "Бесах". А не новые ли герои - персонажи произведений А.Платонова - исковерканные жизнью, потерявшие человеческий облик? Но такого "нового" человека, видно, видеть теперь не хочется. Слишком явным стало то, что он натворил...

Нетрудно заметить, что в понятие нового человека вкладывается значение положительного героя, прекрасного во всех отношениях, намертво связанного с условиями социальной жизни, словно только и понадобившегося, чтобы эти социальные условия охарактеризовать или подтвердить их якобы созидательную силу. Иными словами, литературе вменяется в вину то, что она не изобразила отвлеченного, какого нам хотелось бы человека. Но ведь так же точно поступали марксистские ортодоксы, исходившие не из тех людей, "которые есть на свете", как сказано в "Котловане" А.Платонова... Потому и заняты были "перековками", пытались "ихнюю отсталость сразу

вышибить в активность..." Совершенно ясно, что новый герой в том виде, в каком он вошел в литературный обиход, - не то, по чем можно судить о расцвете или упадке литературы. Требование такого героя - свидетельствует не о литературе, а об убожестве художественных, духовных представлений людей, его выдвигающих.

Трагедия русской литературы советского периода состоит не столько в том, что художники вынуждены были ловчить. Происходили процессы более глубокие и страшные: истреблялся народ - нравственно и физически. А месте с ним отравлялась, деформировалась, гибла душа писателя. Ведь таких трагических судеб у писателей на Руси, как в советский период, кажется, еще не было. Если раньше писатель погибал на дуэли или отправлялся в ссылку губернатором с напутствием "жестокое" самодержца делать все так же хорошо, как он пишет, то теперь писателей стали или тайно убивать, или они не вынося жизни, уходили сами. Причем, то и другое так переплелось, что их и до сих пор различить невозможно... Какие однообразные судьбы в такой короткий срок: Горький, Маяковский, Есенин, Фадеев, Клычков, Клюев, Орешин. А сколько других, так редко поминаемых, оставшихся за колючей проволокой!..

Подозреваю, что эти несоответствия происходят из ложного и наивного убеждения, что народ в целом и писатели свято и безропотно верили в то, что им навязывалось, пребывали в неведении и только теперь при свете "гласности" якобы прозрели и спохватились. Несколько утрирую, но это как раз то представление, которое предполагает, что свет ниоткуда более исходить не может, кроме как от вышестоящих инстанций или партийных постановлений...

Но этично ли, справедливо ли народ, столько переживший, столько мук принявший, уничивать теперь задним числом попреками? Все видел и все знал народ! И формулировал не хуже нынешних, вдруг "прозревших" публицистов. Об этом красноречиво свидетельствует крестьянская война в послереволюционной России, война, "просмотренная" историками. Почитайте документы этой войны - "Мирской приговор", "Программу Союза трудового крестьянства". Таких продуманных, деловых, корректных, лишенных лозунговой патетики документов мы мало найдем среди большевистских циркуляров. Но призыв крестьянства прийти ко всеобщим народным выборам власти, призыв к благоразумию был, как известно, подавлен пулеметами...

Существует представление, сейчас особенно активно используемое в целях идеологических, что на Западе, мол, коммунистическими игрушками побаловались и оставили их в покое, а вот в России-де, это все-таки пристало. И делается вывод: значит народ тут такой неразумный и недотепистый. При этом, конечно, сокрывается то, как жестоко и свирепо это мировоззрение насаждалось, сокрывается то, что уже после гражданской войны восстала почти вся Россия, но была самым жестоким образом подавлена. Кем? Детями разных народов, в том числе и своими, с этой целью преднамеренно разделенными по мировоззрению... Такие методы насаждения "передового" мировоззрения, теперь оказавшегося "тупиковой ветвью" истории, действительно немыслимы ни в одной стране...

Почитайте письма тех лет из казачьих областей России своим родственникам за границу, письма, собранные в книгу "Крестная ноша" Владимиром Сидоровым (Ростов-на-Дону, 1994). Ужасы уничтожения собственного народа на Дону, Кубани, Урале, в Сибири методами более жестокими и коварными, чем можно было ожидать от иноземных захватчиков, предстают в этих письмах. И это люди еще не во всем доверялись письмам, идущим за рубеж.

Общепризнано, что русская литература с самого своего зарождения особо отличается патриотизмом. Тема Родины, ее судьбы занимает в ней центральное место, являясь даже не просто темой, а некоей духовной величиной, проходящей через века. Вспомним Н.Гоголя: "А не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спасетесь вам".

И в то же время, и это может показаться несколько парадоксальным, в русской литературе немало произведений, причем вершинных, не о победе в ее обыкновенном понимании, но о поражении - "Слово о полку Игореве", "Тарас Бульба", "Разгром", "Тихий Дон", "Песнь о великом походе", "Враги сожгли родную хату"... Можно сказать, что, начиная со "Слова о полку Игореве" и даже ранее, русская литература представляет собой непрерывный плач о гибели Русской земли...

Для литератур других народов тема родины, ее судьбы может быть даже малопонятной, не столь важной, во всяком случае, не преобладающей. Но в иных литературах о ней, видимо, потому и не говорится столь последовательно и страстно, что им неведома постоянная, многовековая угроза самого существования народа, как это было и есть для России. Видно, потому в русской литературе столь много произведений воинских. Пусть не ловят меня на слове недоброжелатели России - вовсе не о воинственности народа говорит этот факт. И если слово несет в себе дух и историю народа, нельзя не припомнить удивительное наблюдение И.Солоневича, писавшего, что у разных народов само слово война имеет разное значение: на немецком языке - значение добычи, на английском - близкое к значению торговли, на русском - значение бедствия, горя (вой и война)...

Но парадокс нашего времени, его новая трагедия состоит в том, что радикальные идеи революционного толка, приведшие страну к разору, снова выдвигаются как ни в чем не бывало, на этот раз как якобы спасительные, то есть уже испробованные яды снова выдаются за лекарства... Это в полной мере проявилось и в отношении к литературе, в ее нынешних переоценках.

Тема судьбы России особенно наглядно и убедительно просматривается через женские персонажи, имеющие значение не только реально-бытовое, но и символическое. Но беда в том, что представление, заполонившее, кажется, все сферы сознания, более всего боится именно образности, то есть самой природы литературы, накрепко связывая ее с реально-бытовым планом. Но не будем хотя бы теперь уподобляться незадачливому гоголевскому Петрушке, которому "нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что и значит..."

Необходимо остановиться на одной книге, представляющей собой примечательное явление в нынешнем литературно-художественном процессе. Она не попала в поле внимания литературной общественности. Тем более что вышла она не в Москве, а в Новосибирском книжном издательстве. Имею в виду книгу Геннадия Карпунина "По мысленному древу. Перечитывая "Слово о полку Игореве". О ней хочется сказать потому, что это одна из немногих книг именно о литературе. И не только затем, чтобы согласиться с автором, но и поспорить с ним.

Казалось бы, что нового, да еще созвучного нашему непростому времени можно сказать о "Слове". Ведь о нем написаны курганы книг. Но, может быть, потому-то и складываются у нас так часто трудные времена, что мы не замечаем, сколь тесно наша жизнь связана с прошлым, историей, культурой народа, сколь она зависима от них и произвольно

действуем вопреки этим связям и закономерностям. Обращаюсь к этой книге и потому, что она поможет нам обнажить то, как художники, говоря пушкинской строчкой, стремились удерживать "вниманье долгих дум".

Книга "По мысленному древу" выделяется среди работ о "Слове" своей, пусть это не звучит парадоксально, "ненаучностью". Перечитывая "Слово", автор подходит к нему прежде всего как литератор, осмысливает его именно как памятник художественной культуры. Сложилось ведь так, что большинство исследований о "Слове" - именно научные работы, зачастую не замечающие его совершенную, оригинальную, уникальную художественность. Конечно, и такой, научный подход к памятнику необходим. Но беда в том, что он стал, по сути, единственным. В то время как в истории изучения "Слова", начавшегося кстати сказать, задолго до его находки и публикации в 1800 году, еще в "Задонщине", сложилась традиция именно художественного его истолкования. Думается, что это и есть основная традиция постижения "Слова", несколько не исключаяющая других к нему подходов. Ведь еще Е.Барсов писал о том, "какой высокий и чарующий интерес представляет "Слово" у нас в России для людей литературных". Но, к сожалению, в наше время традиция эта как-то пресеклась. Только одинокие голоса О.Сулейменова и В.Чивилихина долго слышались на этой родной, благодатной ниве. Нет исследования не прекращались. Я говорю лишь о писательском, художническом постижении памятника. Новая книга Г.Карпунина как раз и свидетельствует о том, что традиция все-таки жива.

Конечно, книга "По мысленному древу" рассчитана на читателя в определенной мере подготовленного, который, как пишет автор, "изучая "Слово о полку Игореве" в восьмом классе средней школы, кроме высказывания классика о том, что идея поэмы - призыв русских князей к единению, запомнил и кое-что еще". Г.Карпунин рассматривает литературно-художественный процесс как единый, живой организм, проходящий через века: "Вековой, развивающийся на протяжении тысячелетий литературный процесс - "мысленное древо". И "Слово" он пытается понять в его контексте, "включив его в сквозную общую идею истории мысли", находя в последующих за "Словом" произведениях то, что не только как бы подсвечивало его, но и во многом объясняло.

И если каждая новая эпоха находит в великих памятниках культуры именно то, чего ей особенно не хватает, то, судя по книге Г.Карпунина, мы пытаемся найти тот универсальный взгляд, тот дух цельности, к сожалению, во многом утраченный, который позволял бы распознать значение происходившего. Именно художественность "Слова", его традиции в последующей литературе и дают такой универсальный взгляд на литературу, да и на жизнь.

С этой точки зрения обнаруживается, что "Слово" удивительно близко всей русской литературе, близко нашей сегодняшней жизни. Вдруг обнажается его нетускнеющая современность.

Современность "Слова" проявляется и в том, что главную угрозу Русской земле автор видит не столько в нашествии "поганных", половцев, сколько в крамоле, которую князья ковали сами на себя, крамоле, разъедающей духовное единство братьев, делавшей их врагами.

Автор книги "По мысленному древу..." призывает нас не торопиться с обвинениями неведомых нам переписчиков, якобы испортивших текст, не спешить вносить исправления: "Не текст испорчен, а испорчено наше зрение, и даже не то что испорчено, а просто оно приспособлено для восприятия только обычных текстов, текст же "Слова"

необычный, он построен на художественных принципах, рассчитанных на иной тип зрения - на зрение читателя, который в букве видел не просто знак для обозначения на письме звука, а символ, исполненный глубокого внутреннего смысла".

Сопоставляя "Слово" с теми произведениями русской литературы, в которых наблюдается сходная структура и сюжет, автор книги "По мысленному древу..." пытается понять "Слово" как явление закономерное. Он убеждает нас в том, что "ни одно произведение древней русской литературы не отстоит так далеко от предшествующей ему литературной традиции и вместе с тем так тесно не связано с ней, как "Слово о полку Игореве". Ну что вроде бы общего между "Словом" и поэмами "Двенадцать" и "Страна Муравия"? С точки зрения чисто событийной - вроде бы ничего. Но по логике художественной сходств немало. Сопоставляя поход князя Игоря с мытарствами Моргунка, соотнося их с притчей о блудном сыне, автор обнажает то внутреннее движение героев, которое и составляет суть произведений художественных - обновление, переход героев в новое качество. Ведь человек не живет в статичном состоянии. Вся жизнь его есть цепь превращений, перехода из одного состояния в другое. Князь Игорь, потерпев поражение, пройдя через испытания, выпавшие на его долю, становится другим. В самом деле, почему он, возвратившись из половецкого плена, вопреки стойкой традиции, едет не к главному киевскому храму Святой Софии, а в скромный храм Богородицы Пирогощей? В этом - одна из тайн "Слова". Г.Карпунин делает предположение, убедительно подтверждая его логикой художественного развития, что автор "Слова" ставит задачей показать, как человек становится другим, что главная тема поэмы есть смена старого и нового времени, смена одних понятий и ценностей другими, которые олицетворяют Святослав, князь Киевский, и Игорь, князь Новгород-Северский. В разнице Софийской и Успенской идей, воплощенных в этих храмах, и обнаруживается разница идеалов "старого" и "сего времени". Понятно, что речь идет не столько о хронологической последовательности, сколько о характере времени. Если Софийская идея предполагала спасение в прошлом, то Успенская - в устремленности в будущее.

Г.Карпунин, как мне кажется, точно уловил сходство "Слова" с поэмой "Двенадцать", но не вполне уяснил их принципиальное различие. Причем различия, тающиеся в самих текстах произведений, а не выводимые каким-то иным путем. Здесь автор понимает значение "Двенадцати" и ее образов, пожалуй, традиционно, будто бы А.Блок образом Христа пытался как бы "освятить" действия красногвардейцев, придать им значение эпохальное, всемирное. "Блоковский Христос, - пишет Г.Карпунин, - знак положительной оценки Октябрьской революции, символ искупления пролитой красногвардейцами крови". Но действительно ли этот загадочный образ имеет такое значение? Текст поэмы не дает оснований для такого вывода. Так поняли поэму А.Блока те, кому хотелось, как я уже отметил в предыдущей главе, "освятить" свершившееся. Только они не хотели "освящать" революцию именем Христа, так как видели в нем противника, а может быть, и соперника. То есть этим они давали понять, да и были абсолютно уверены, что совершенная под их водительством революция, будет иметь для народов значение еще большее, чем христианство.

Можно сказать, что поэма А.Блока - это произведение о гибели России "без креста", в которую пальнули пулей. Герои поэмы, не найдя другого символа веры, возвратились к Христу, но уже без веры в него. В этом и состояла, по логике поэта, русская трагедия. Получался замкнутый круг, а не движение вперед. Нетрудно заметить, что такая логика появляется от того, что духовное подменяется социальным, а то и вовсе исключается из бытия. Бедный человеческий разум поддавшись искушению, поверил, в то, что должна произойти смена вер, смена не каких-то условий жизни, способов производства, а именно вер, и попал в безвыходное, абсолютно неразрешимое положение. Это подтверждается

кстати, и женским персонажем поэмы Катьки, имеющей значение символическое - от катарсиса, очищение. Катька в поэме гибнет, а значит, очищение героев не происходит. Кстати, так же, как гибнет Катерина в "Грозе" А. Островского.

Имя Катерины, символизирующее чистоту и непорочность, не названным есть и в знаменитом стихотворении А.Блока "На железной дороге", написанном в 1910 году. Разбитая женская судьба, "где сердце вынуто", раздавленная "любовью, грязью иль колесами":

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая...

Имя несчастной не названо в стихотворении, но поэт сопровождал его таким примечанием: "Бессознательное подражание эпизоду из "Воскресения" Толстого: Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне Нехлюдова..."

Так впервые возникает образ Катюши, который в "Двенадцати" станет уже просто Катькой...

В поэме "Двенадцать" А.Блок распознал мессианский характер революции, ее максимализм, ее атеизм, ее новую религиозность. Но, распознав религиозность революции, поэт расценил это вовсе не как благо, по сути отказывая ей в принципиальной новизне. Другого знамени, символа веры, кроме Христа, в той жизни он не находил, ибо его просто не было и нет. А революционные плакаты, то есть символы новой веры, годились разве только на портянки... Поэма "Двенадцать" А.Блока - первое произведение русской литературы советского периода, начавшее плач о гибели Русской земли...

Словно напроорочил поэт трагедию, распознав ее задолго до поэмы в стихотворении "Новая Америка":

Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

Конечно, имеется в виду та, тючевская звезда: "Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда..."

"Праздник" - звучит, конечно, и иронически, и горько. Все, мол, хорошо, - праздник, да только тьма крошечная с ним, такая, что и звезда не видна... Все это ведь относится и к нынешней спешной и жесткой американизации России, убивающей ее живую душу.

Христианские представления изначально пронизывали русскую литературу, и не просто пронизывали, но "русская литература прошлого в абсолютном своем большинстве была создана на основе православной духовности и нравственности, и никакие Веры Павловны и Базаровы не могли противопоставить этому содержанию что-нибудь вразумительное" (Э.Володин). К этому образу мира пытается обращаться литература и сегодня. По глубине его осмысления, видимо, можно судить о состоянии литературы. Но нынешнее его осмысление, и особенно литераторами молодыми, носит, как мне кажется, упрощенный характер: полностью укладывается в расхожие стереотипы, не выходит за их пределы. К примеру, в стихах Инны Кабыш:

А за окном - просторная дорога
И, как на демонстрации, народ,
Но в венчике пред ним не видно Бога:

Их разлучил случайный поворот.
А раз народ, великий и могучий,
Идет заре навстречу не с Христом -
Не важно как: шеренгой или кучей -
Тогда я не с народом, я с листом.

Действительно ли разлучил их и действительно ли "случайный поворот"?.. Как видим, то, над чем мучительно размышлял А.Блок, проходит мимо внимания автора современного. Спасительным ей представляется возврат к Христу, губительным - когда "не видно Бога". Автор, кажется, совсем не подозревает, что просто возврата быть не может, хотя бы потому, что человечество, действительно, переросло "младенческую способность наивной, безотчетной веры" (Вл.Соловьев), а также то, что "и религиозное возрождение самых истоков жизни может быть номинальным и формальным" (Н.Бердяев). Именно "возврат" наблюдается в нашей сегодняшней жизни. Священник на телеэкране, перед микрофоном, в Думе - все это, ставшее возможным вдруг, носит признаки вовсе не возрождающейся веры...

Причем эта ситуация еще более опасна, ибо воинствующий атеизм был проще и понятней...

Народ пошел в одну сторону, поэтесса, видимо, как более разумная, словно она к народу и не относится - в другую... Можно ли так писать после страшных мыслей о Боге А.Блока... Конечно же, нельзя. Непростительно. Все ведь гораздо сложнее и трагичнее и в дне нынешнем тоже. Как, к примеру, в стихах Николая Зиновьева, кубанского поэта:

Отныне все отменено,
Что было Богом нам дано
Для жизни праведной и вечной.
Где Духа Истины зерно?
Верней спросить: "Зачем оно
Людской толпе бесчеловечной?"
Итак, грешите, господа!
Никто за это не осудит.
Не будет Страшного Суда.
... И Воскресения не будет.

Христианские образы буквально преследовали русскую литературу советского периода, даже в период самого воинственного атеизма. Разве не сходно с поэмой "Двенадцать" завершается и "Тихий Дон"? Вот Чумаков (чумак - торговец солью, бродячий, бездомный человек) после того, как под Тишанской была разбита красными банда Фомина, говорит на прощание своим односумам: "Спаси Христос, мирные разбойнички, за хлеб-соль, за приют. Нехай боженька даст вам веселой жизни, а то дюже скучно у вас тут". Имя Христа, как видим, помянуто иронически, с шутовским поклоном, с ерничаньем. А идущие с ним, опять-таки разбойники, как в поэме двенадцать красногвардейцев - не апостолы, а разбойники Кудеяра.

Но, думается, мелькнувший в финале романа Христос, даже в таком контексте, вовсе не случаен. Ведь если говорить о символическом, образном значении в художественном произведении каждой детали, каждой подробности, то дальнейшая фабула как раз и объясняет то, почему в конце романа появляется Христос.

Как помним, Григорий Мелехов, изверившийся, разбитый физически и нравственно, возвращается к родному порогу. Прежде чем войти в хутор, он бросает в прорубь оружие

и патроны: "Их было двенадцать обойм и двадцать шесть патронов россыпью..." Поиски значения этих чисел, не погружаясь в тайны кабалистики, привели меня к двенадцатой главе, двадцать шестой статье Евангелия от Матфея. Ведь само появление Христа в романе уже указывало на то, что именно в Евангелиях, а не в каких-то иных памятниках следует искать разгадку.

Итак, двенадцатая глава, двадцать шестая статья Евангелия от Матфея: "И если сатана сатану изгоняет, то он разделится сам с собою: как же устоит царство его?" А предшествующая двадцать пятая статья поясняет смысл этой афористичности: "Но Иисус, зная помышления их (фарисеев - П.Т.), сказал им: всякое царство, разделившееся в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит". Но это же и есть архетип того сюжета, который представлен в "Тихом Доне". Как знать, не хотел ли таким образом М.Шолохов сказать о ситуации, сложившейся в стране в период гражданской войны, участниками которой были его герои... Слишком уж поразительное совпадение смыслов, чтобы считать его случайным. И потом, если в "Двенадцати" разбойниками можно считать красногвардейцев, то в "Тихом Доне" уже прямо названы разбойниками те, кто красногвардейцам противостоял. Не говорит ли нам это о том, что в гражданской, братоубийственной войне не бывает правых, виноваты все, ибо "всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит..."

Князь Игорь в "Слове о полку Игореве", пройдя все, выпавшие на его долю испытания, как герой притчи о блудном сыне или герой русских сказок, возвращается, но вопреки логике, не к Святой Софии, а ко храму Богородицы Пирогощей, которая сближается в народном сознании с Параскевой Пятницей. И даже более того - к иконе. "Языческий культ Пятницы был самым устойчивым и наиболее распространенным из всех дохристианских верований нашего народа", - писал В.Чивилихин. Параскева Пятница слыла божеством домашнего очага, счастья, плодородия, покровительницей полей и скота. И что особенно важно - правосудия. "Это образ христианской святой, который, как пишет Б.Рыбаков, пришел на смену славянской богине урожая Макош".

То, что князь Игорь возвращается ко храму Пирогощей, Параскевы Пятницы, связано и с верованиями, и с конкретными событиями. Ведь битва Игоревой рати началась в пятницу: "С зарания в пяток потопташа поганые плъкы половецкыя". Вызволение Игоря из плена, как известно из Ипатьевской летописи, тоже совершилось в пятницу: "Се же избавление створи Господь в пяток".

И если "Слово о полку Игореве" уникально, совершенно оригинально по своей художественности, если его действительно в литературе той поры сопоставить не с чем, то оно удивительным образом отозвалось во всей последующей русской литературе. Это можно было бы проследить по многим аспектам. Я же беру только тему возвращения.

Итак, князь Игорь возвращается ко храму Пирогощей - Параскевы Пятницы. Храм, конечно, имеет значение не только буквальное, но символизирует и веру, и Родину. Так же, как и герой другого произведения, созданного уже в наше время, стихотворения М.Исаковского "Враги сожгли родную хату", возвращается не только к любимой жене Прасковье(Параскеве), но и к Родине. Но приходит на ее могилу...

Удивительным образом перекликается со "Словом" эта песня. Есть здесь и "синее вино с трудом смешено" - "вино с печалью пополам", и "слеза несбывшихся надежд" - "злато слово со слезами смешено". Да и возвращается герой к Прасковье, так же как Игорь к Параскеве...

Песня М.Исаковского загадочна. Много в ней противоречит привычной логике. В самом деле, солдат-победитель возвращается домой. Вроде бы должны быть "страны ради, гради весели". Но - "никто солдату не ответил, Никто его не повстречал. И только теплый летний ветер траву могильную качал..." Ведь скорее солдат мог погибнуть на фронте, чем его жена в тылу. Плач по нему более вероятен и традиционен в литературе (плач Ярославны), чем плач по ней. Солдат как бы не чувствует себя победителем. Пришедший на могилу Прасковьи в "глубоком горе", он просит у нее прощенья за то, что пришел к ней "такой". Видимо, отступление автора от более логического положения понадобилось для того, чтобы показать трагедию не только конкретного человека, но и Родины в целом. Здесь, кстати, ситуация, совершенно похожая на ту, что и в "Судьбе человека" М.Шолохова, где герой тоже возвращается на могилу, на кладбище: "Глубокая воронка, налитая ржавой водой, кругом бурьян по пояс... Глушь, тишина кладбищенская".

Прасковья - и имя матери в поэме Н.Клюева "Песнь о Великой Матери". Здесь уже прямо указывается на древнее происхождение ее имени: "Парасковья-пятница с чашей, что вовек не убавится". И она тоже умирает. И смерть ее уже прямо соотносится с гибелью России. Причем, не от врага иноплеменного, а от предательства родного сына, от утраты веры, меда "от сладких пасек Византийских", так же, как и в "Слове", беда приходит от утраты "дедней славы"...

Вы вспомните мои заветы, -
Руси погаснут самоцветы!
Уже дочитаны все свитки,
Златые роспиты напитки,
И у святых корсунских врат
Топор острит свирепый кат!..

Причем, если имя матери для поэта чисто биографическое, это не только не исключает, но наоборот, предполагает его образное восприятие, ибо доказывает, что в судьбе поэта ничего случайного не бывает...

По сути, такой же сценой как и стихотворение М.Исаковского завершается и "Поднятая целина". Ведь Разметнов вроде должен был бы прийти на могилы дорогих сердцу автора Давыдова и Нагульнова, тех, кто жертвою пали в борьбе роковой, жизнь свою положили за светлое будущее. Вот тогда был бы в романе действительно апофеоз "тоталитаризму," как это пытаются теперь представить многие лукавые публицисты от литературы. Тогда все было бы в романе гораздо проще. Но Разметнов "пришел туда, куда ему надо было", на могилу своей жены Евдокии, пришел со своим запоздалым признанием в любви и покаянием. Само имя - Евдокия - тоже ведь символично, как утверждают некоторые исследователи - это подлинное имя Ярославны из "Слова". И так же, как солдат из песни М.Исаковского, Разметнов просит прощенья: "Не по-доброму, не в аккurate соблюдено твое последнее жилье, Евдокия... А ведь я доныне люблю тебя, моя незабудная, одна на всю мою жизнь..." Мы и не заметили, как в русской литературе женский плач по мужу сменился плачем мужским - по жене, по Родине, по России...

Может быть, сопоставление древней Параскевы с нынешней Прасковьей было бы в какой-то мере нарочитым, если бы не еще один женский образ в русской литературе с этим же именем. Имею в виду пушкинскую Парашу в "Домике в Коломне" и "Медном всаднике".

Персонаж этот в "Домике в Коломне" носит все классические приметы христианской Параскевы: "Умела мыть и гладить, шить и плести; Всем домом правила..." Кроме того, трудолюбивой и скромной Параше в поэме А.Пушкина противопоставлена некая графиня, имя которой даже не названо: "Звали как, не помню, право", надо полагать, символизирующая иной вариант женской судьбы. Графиня эта, "в своей красе надменной и суровой", не отличалась всеми теми женскими и человеческими качествами, коими располагает к себе Параша:
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо (где была горда!)...
И где была горда - пред образом, где подобает быть смиренным.

Образ женщины в произведении художественном всегда имеет значение символическое, а потому нельзя не заметить аналогии, а точнее - как бы дальнейшее развитие темы в финале "Поднятой целины" с поэмой А.Блока "Двенадцать". В поэме Катька толстоморденькая оказывается убитой. Есть и в "Поднятой целине" аналогичный персонаж - Лушка Нагульнова. Тоже "толстая", и даже текстовое совпадение с поэмой: "морда толстая". Но теперь она не погибает. Здравствует и процветает. Разметнов, встретив ее на улице города, даже растерялся, узнавая - она это или не она? Она, сердешная, Катька-Лушка: "Идет такая толстая бабеха, рядом с ней лысоватый толстенький мужчина. Глянул я на нее - и потерялся: то ли она, то ли не она! Морда толстая..." Теперь толстомордая Лушка процветает, а в могиле оказывается Евдокия - жена, мать, Россия. "Воспечалилось сердце, жалко стало прежнюю Лушку, молодую, хлесткую, красивую!" О том, что Евдокия вместе с тем - страна, Родина - свидетельствует то, что именно этой сценой, вопреки вроде бы логике, М.Шолохов завершает роман.

Несколько иное значение имеет возвращение Григория Мелехова в "Тихом Доне". Иное в том смысле, что если в притчевом, сказочном сюжете героя, пройдя все испытания, становится другим, обновленным, то в "Тихом Доне" он окончательно сломлен, уничтожен. Жизнь будет продолжаться уже без него: "Вся жизнь Григория была в прошлом, а прошлое казалось недолгим и тяжким сном... Он утратил со смертью Аксиньи и разум, и былую смелость". Напомним, Григорий теряет разум так же, как и Евгений из "Медного всадника"...

Что будет далее с Григорием Мелеховым, по сути, не приходится гадать. Теперь мы знаем судьбу его прототипа Харлампия Ермакова. И нет никаких сомнений, что то же ожидало и Григория. Да об этом ведь и прямо сказано в тексте романа: он утратил со смертью Аксиньи разум...

Все потерявший Григорий возвращается к родному порогу, сбывается "то небольшое, о чем бессонными ночами" он мечтал. Из всей его большой семьи остается только сын Мишатка: "Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром". Полюшка - дочь его, помирает. Да еще от такой болезни - глотошной. Задушенным оказалось безвинное дитя. В то время, как среди прототипов романа остается в живых именно она - Пелагея Харлампиевна Шевченко...

Безусловно, внося такие изменения в судьбы героев, в сюжет, подаренный жизнью, М.Шолохов думал о каком-то обобщении... Видимо, вовсе не случайна в романе и такая деталь. В финале Чумаков сообщает Григорию о том, что банда Фомина разбита под Тишанской. Сам Фомин погиб. Он, Чумаков, "да сынишка Фомина - только двое и

спаслись". Погибшему Фомину и окончательно сломленному Григорию, хотя и возвратившемуся к родному дому, уже не продолжать этой иступленной борьбы за то небольшое, о чем мечталось бессонными ночами. Не продолжают ли эту борьбу их дети?.. Прямо об этом в романе не говорится, но из самого положения героев романа напрашивается именно этот вопрос...

Григорий Мелехов лишается всего: жены по закону - Натальи, жены по душе - Аксиньи. Лишается и дочери. Обрывается нить рода, вившаяся века. Закатывается его "звезда несбывшихся надежд".

Почему все-таки писатель назвал свою героиню Аксиньей, именем, не столь распространенным на Дону? Думается, здесь, как и всегда у подлинного художника, таится глубокий смысл. Народное верование об Аксинье - полухлебнице или полузимнице отмечается 24 января. Это как раз половина времени от старого до нового урожая, срок, когда озимое зерно пролежало половину срока до исхода. Григорий, таким образом, остается и без старого хлеба, и без хлеба нового...

Не случайно "Тихий Дон" в финале так густо населен детьми: Мишатка, Полюшка, сын Фомина. Это продолжение все того же смысла русской литературы о цене слезинки ребенка...

Тема детства, искалеченного жизнью, даже уродливого дитяти проходит и через многие произведения А.Платонова, приобретая значение центрального образа в "Котловане". Обращаюсь к этой повести из литературы "запоздавшей", по школьной программе не пройденной, с единственной целью, дабы обратить внимание на то, сколь едиными в литературе этого времени были заботы и печали, и даже отдельные образы. Ведь то, что в повести "Котлован" было проговорено со всей публицистической определенностью и даже политологической линейностью, воплощено и в "Тихом Доне". И это особенно наглядно видно через образ безвинно загубленной детской жизни, девочки. Если Настя в "Котловане" - центральный образ, то о Полюшке в "Тихом Доне" говорится как бы вскользь. Но было бы совершенно неверным полагать, что некоторая неопределенность этого образа диктовалась единственно стремлением писателя обойти ухищрения чуткой цензуры. Изображать так, без публицистической проговоренности, вытекало из самого дарования М.Шолохова.

Странной, уродливой, тягостной жизнью живут люди в повести "Котлован", жизнью, в которой нет смысла, истины, без которой у Вожева, героя повести, тело слабеет и наблюдается "рост слабосильности". В таком "чужом мире" не выживают дети, "потому что земля состоит не для зябнущего детства: только такие, как молотобоец, могли вытерпеть здесь свою жизнь, и то поседели от нее".

Чем же вызвано это страшное опустошение, откуда взялась эта "снежная метель", почему она поднялась, "хотя бури было не слышно"? Это все та же "метелица дикая", как сказано у Блока в "Новой Америке", та же вьюга, как сказано у него в "Двенадцати". А поднялась эта сумятица, нарушившая весь строй народной жизни, от строительства "нового дома". Такого строительства, смысл и значение которого не знает даже сам инженер Прушевский: "Он не знал имени тому законченному строительству и назначению его, хотя можно было понять, что те дальние здания устроены не только для пользы, но и для радости... Он еще не видел такой веры и свободы в сложенных камнях и не знал самосветящегося закона для серого цвета своей родины". Отсюда и происходит вся эта бестолковость, опустошившая души людей, сделавшая их жизнь бессмысленной и серой, в конце концов их сломившая.

Повесть "Котлован" вполне можно назвать памфлетом, так как в ней скрыта полемика с теми идеологическими постулатами, на основе которых совершалось это странное строительство. Странное созидание обернулось страшным разрушением всего уклада жизни, ее строя, разрушением человеческих душ. И автор недвусмысленно дает понять, что произошло это единственно от того замысла, который и был положен в основу строительства. Об этом прямо говорится в демагогической политической абракадабре, произносимой социалистом Сафроновым: "Поставим вопрос: откуда взялся русский народ? И ответим: из буржуазной мелочи! Он бы и еще откуда-нибудь родился, да больше места не было. А потому мы должны бросить каждого в рассол социализма, чтобы с него слезла шкура капитализма и сердце обратило внимание на жар жизни вокруг костра классовой борьбы и произошел бы энтузиазм!.."

Каков вопрос, таков и ответ. Каковы "замыслы", таковы действия и результаты... Конечно, речь персонажа в данном случае до предела иронизирована. Вообще язык прозы Платонова выступает как бы одним из персонажей - разрушенный новыми понятиями, пришедшими в жизнь, связанный не нормальной логикой и причинно-следственной связью, а их нарушениями. Но самым невероятным теперь кажется то, что эта гиперболизированная, совершенно отвлеченная демагогия Сафронова, по сути своей, не так уж далека от тех идеологических шарад, которые и были положены в основу этого "строительства". И когда А.Ципко говорит о том, что "не было никакого русского марксизма", то кроме самых общих понятий о всемирной отзывчивости и терпимости русского человека, возразить, по сути, нечего...

Тема загубленного детства в "Котловане" проходит от первой до последней страницы. Уже в самом начале Вошев подходит к какой-то усадьбе, "в которой приучали бессемейных детей к труду и пользе". Пожалуй, каждый персонаж повести высказывается за бережное отношение к детям: "Дети - это время, созревающее в свежем теле", "сберечь детей как нежность революции", "необходимо здесь иметь в форме детства лидера будущего пролетарского света". Все вроде бы за детство, за бережное отношение к нему, и тем не менее, девочка Настя - "будущий радостный предмет", "элемент будущего" - помирает. Понятно, что помирает не просто Настя, а те надуманные, подавляющие все живое проекты, по которым и происходило строительство "нового дома": "Вошев стоял в недоумении над этим утихим ребенком, он уже не знал, где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и убежденном впечатлении".

Повесть заканчивается тем, что Чиклин в "ночное" время, когда весь колхоз еще спал, хоронит Настю. Никто не увидел этого, и только молотобоец, почуяв движение, проснулся, и Чиклин дал ему прикоснуться к Насте на прощание. Хоронится не только собственно Настя, но и те иллюзии, которыми жили люди. И фраза инвалида Жачева, "урода империализма", о том, что "коммунизм - это детское дело", имеет значение в повести не только буквальное, но и иносказательное.

Многозначно само имя Настя. Ведь оно, так часто встречающееся в свадебных песнях, означает невесту, центральный чин свадебного обряда. С этим связано само его происхождение. В старину русские люди, открывая нараспашку ворота, закрепляли створки их, нанизывая веревочную или сплетенную из прутьев петлю на вкопанные в землю столбики - стежи, на стежи. Отсюда и - настержь. Ворота же в свадебном обряде играли важную роль. Сваты ехали туда, где их ждали, где ворота были распахнуты настержь, ехали за "настержь", за Настей. То есть значение ворот переносилось на саму невесту, "ворота - сама девица" (А.Потебня). А потому, когда хотели опозорить невесту, то мазали дегтем ворота и тем самым как бы и ее саму...

Так же и в "Котловане" Настя обозначает невесту, то есть новую жизнь. На это есть и прямое указание в тексте повести. Совершенно безликий "активист общественных работ по выполнению государственных постановлений и любых компаний", веривший в то, что социализм будет, мечтал, что "Настя получит его в свое девичье приданное". Невеста же символизирует вместе с тем и страну, и Родину, как у А.Блока: Русь - жена, невеста - Россия. Какую же Россию символизировало это исковерканное, забитое дитя, которое вместо подписи ставило серп и молот? Конечно, ту "новую", которая якобы должна появиться в результате этого бессмысленного строительства, где и сам инженер "не знал имени тому законченному строительству и назначению", которым был занят весь народ, не знал "самосветящегося закона для серого цвета своей Родины".

Писатель недвусмысленно объясняет, почему гибнет Настя. Да потому, что умирает ее мать - вековая Россия. А без нее - она дитя бездомное и "бессемейное".

Гибнет народ, гибнет Россия старая - Настина мать, умирает и сама Настя - Россия новая, социалистическая. Кстати, у Полюшки из "Тихого Дона" тоже умирает мать при обстоятельствах известных - насильственно прерывает возможность нового рождения...

Такова эта страшная повесть, подтверждающая предположение о том, что Полюшка в "Тихом Доне" тоже символизирует новую, строящуюся Россию... Подлинного обновления жизни от ее произвольного переустройства и в повести, и в романе не происходит... то есть художники уже тогда изобразили то, что только теперь и вдруг открывается растерянному читателю.

Меня могут обвинить в том, что мои оценки жизни, выводимые из литературы, слишком уж определены. Но тогда в этом же надо обвинять и автора "Слова о полку Игореве", так как он ратовал за землю Русскую, за ее целостность и ее дух. Тогда в этом же можно обвинить А.Блока и М.Шолохова. Впрочем, их обвиняют словами самыми низкими, площадными...

Как видим, женские образы в русской литературе непременно символизируют лад жизни, ее благополучие или же ее разлад, разорение. Разве не удивительно то, что начиная свой новый роман "Они сражались за Родину", после трагедии, изображенной в "Тихом Доне", М.Шолохов с первых страниц возвращается к той трагедии, которую пережила Россия. Но делает это не публицистически, но, как и должно писателю, образно.

Как помним, роман начинается неладной семейной жизнью Николая Стрельцова: "Шапку никак не мог найти. Долго искал ее под вешалкой в полуосвещенной передней, за шкафом, под столом. В спальне, проходя мимо кровати, на минуту остановился. Ольга спала, повернувшись лицом к стене... "Спит так, как будто совесть у нее чище чистого", - подумал Стрельцов, с любовью и ненавистью глядя на затененный профиль жены".

Ну что вроде бы в этой обыкновенной детали, что, собираясь утром на работу, Стрельцов не может отыскать шапку? Но ведь этот символ традиционный и многозначный. Вспомним Евгения из "Медного всадника", с которого буйный ветер сорвал шляпу. Так и здесь, Стрельцов остается без шапки, сорванной буйным ветром прокатившейся по родной земле бури. Кроме того, образ этот имеет и другое значение. Шапка для казака всегда была символом чести и человеческого достоинства. Поговаривали же в старину, что казак скорее выйдет на улицу без штанов, чем без шапки... На Кубани до сих пор говорят: "Придет или не придет турок за шапкой".

Итак, Стрельцов остается без шапки, Ольга - жена - становится чужой. Семейная жизнь порушена. С этой все еще продолжающейся трагедией он входит в трагедию новую - великую войну...

Традиция эта - через женские образы показывать трагедию страны, ее народа - в русской литературе и не прерывалась. Гибнет праведница Матрена в рассказе А.Солженицына "Матренин двор". Гибнет "жертва жизни невинная" в рассказе В.Астафьева "Людочка", накладывает на себя руки. И автор вздыхает над ее печальной судьбой поэтической строчкой: "Что в имени тебе моем?.." Но тут трагедия еще более крутая. Ее даже не хоронят в родной деревне, так как деревня вымирающая, и через какое-то время тут не останется и следа некогда ладного человеческого жилья: "Хоронить в родной деревне Вычуган Людочку не решились, так как избудется последнее жилье, сотрется с земли пристанище людей..."

Какое равнодушное, еще живое человеческое сердце может оставаться спокойным перед этой нескончаемой чередой могил русских женщин в литературе, символизирующих судьбу самой Родины, многострадальной и поруганной России...

Эта очевидная трагедия женской судьбы, столь определенно постигнутая русской литературой, может показаться нам беспричинной, каким-то недобрым недоразумением, если мы не коснемся ее духовно-мировоззренческих истоков. А они, более чем определенно, просматриваются в русской литературе прошлого века, даже не столько собственно в литературе, сколько в той публицистически-литературной сфере, которая занимала общество в большей степени, чем сама литература.

В. Розанов с удивлением писал о том, что у нас сложилась "целая группа писателей, надолго получившая преобладание над всеми остальными течениями нашей литературы", связанная с именами Белинского, Добролюбова, Писарева, Чернышевского, Шелгунова, Михайловского, Скабичевского... Они отличались "потерей чувства действительности" и прежде всего - каким-то даже патологическим пренебрежением к своей стране и народу: "Уже умирающей почти рукой Белинский писал ...письма, всего за несколько месяцев до смерти; и осуждением дышат его строки. Любовь Кулиша и Шевченко к своей Украине, к ее быту, к ее людям, к этим тысячам покачнувшихся набок деревень, с звучащими там песнями, с передаваемыми рассказами - все это кажется ему малозначительным сравнительно с "французскими повестями", которые вдруг стала марать цензура, вовремя не догадавшаяся замарать эти стоки. Эту их любовь - прекрасного поэта и горячего историка, он топчет- топчет их привязанность к родной земле, которая мешает его любви к понятиям французской словесности. И сущность этих понятий, как видно из писем его же к Боткину о Кудрявцеве, отражалась, хотя и косвенно, как некоторая темная неприязнь и глухое непонимание своей собственной земли, того материнского чрева, которое их всех выкормило и выносило".

Пределами и интересами словесности эта утрата чувства действительности не ограничивалась: "Я не читал этих пасквилей (выделено мной - П.Т.), и никто из моих знакомых их не читал. Шевченко послали на Кавказ за эту литературу солдатом. Мне не жаль его: будь я его судьей, я сделал бы не меньше..." А в письме к В.П.Боткину от 8 сентября 1841 года неистовый критик, мечтая вроде бы о "физическом улучшении человека", пишет куда более определенно и страшно: "И это делается через социальность. И потому нет ничего выше и благороднее, как способствовать ее развитию и ходу. Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысяч в сравнении с унижением и страданием миллионов".

Как видим, это далеко не Блоковское отношение к Родине:
Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые -
Как слезы первые любви!

Не удивительно, что из этой ненависти к собственной стране закономерно и неизбежно выходило аномальное отношение к женщине, "утрата правильной любви к женщине". "Они не были кумирами близ стоящих женщин. Писарев беспомощно томился около своей двоюродной сестры; Добролюбов завидовал вниманию, которое на его глазах отдавала перед ним любимая, - красивая девушка ничтожному армейскому офицеру, едва знавшему, что есть писатель Тургенев.... Решительно женщины ничего не чувствовали к ним... В то же время этих именно людей мы наблюдаем величайшими хлопотунами около "женского вопроса"... (В. Розанов).

Не в этом ли уклонении сознания и кроется исток трагедии, при том странном условии, что уклонение это получило неслыханное преобладание, да и получает все еще до сего дня...

Но как нам теперь быть? На этот вечный вопрос можно ответить словом Ивана Шмелева из его статьи "Как нам быть? Из писем о России": "Не было национально воспитанной, сильной русской интеллигенции. Был великий разноречивый сил, и равнодействующая сил этих пошла не по России, а вне - в "пространстве", сочтя его своим... Лучшей части народа, его интеллигенции, надо понять свое национальное назначение, понять Россию, ее пути - каждый народ имеет свои пути, - и, понявши, идти покорно, покорно целям, указанным Судьбою - Смыслом истории - Богом". Надо преклониться пред Россией, перед ее судьбой, помня о том, что "всякая философия, которая не питается учением о Родине, есть наивная и нежизненная философия" (А.Лосев).

Пора наконец-то отказаться от "хитрых" проектов немедленного переустройства жизни, от пятилетних и пятисотдневных, на практике оказывающихся самыми длинными и самыми губительными. Народ - его возрождение, его положение, его благо, а не какая-то отвлеченная идея может быть истинным и единственным показателем благотворности происходящих перемен.

"Теперь и только теперь", "Сейчас, когда..." - ах как знакомы эти придыхания наших революционных демократов прошлого века, абсолютизовавших всякую новизну, преклонявшихся перед "прогрессом". И как эти придыхания повторяются снова. "Только после А.Солженицына, - считает М.Чудакова, - мы оказались в страшной, но наконец-то своей, невыдуманной стране. Мы были у себя дома. Начинался новый, надолго задержанный цикл литературного развития".

По этой логике, надо полагать, теперь и только теперь, будут созданы - куда там "Тихому Дону" или "Стране Муравии" - более значительные художественные произведения. Но есть в этом большие сомнения, так как в основе такой логики - отвлеченное представление о том, что литература развивается поступательно - от этапа к этапу, от героя к герою, вперед и выше и обязательно в согласии с идеологическими фетишами...

Но произошло обратное, что сегодня уже вполне очевидно: не расцвет литературы, а ее падение, предпринята даже жесткая попытка изъять ее из жизни, как таковую...

А может быть, просто не хотелось узнавать своего родного дома, потому что было в нем неуютно и тревожно и что был этот дом переполнен горькой правдой, терзающей души и сердца... Тому, кто ожидал лишь комфорта, проще было не заметить, что в нем действительно есть, стать добровольным изгнанником. Но возвращение возможно только в этот дом, ибо другого просто нет на свете...

Неужто так и не услышим крика о помощи матери нашей, которым исходит вся литература последних десятилетий? Неужто поверим тем, кто пытается убедить нас в том, что это не крик о помощи, а вопль радости и восторга? Неужто так и не услышим свою Родину, растерзанную и поруганную... Неужто ее участь так и не подскажет нам, что это и наша собственная участь, ее детей... И если нам не подсказывает этого благоразумие, то должен же подсказать хотя бы инстинкт самосохранения. Или мы сами уже разрушены до такой степени, что не срабатывают в нас даже природные инстинкты...

Остановимся с печалью и думой, как Разметнов у могилы Евдокии, как солдат-победитель у могилы Прасковьи, как Чиклин - у каменной могилы Насти, как герой рассказа "Матренин двор" пред скорбной судьбой праведницы Матрены, погибшей под безжалостными колесами железного молоха. Остановимся хотя бы на минуту пред печальной судьбой не пожелавшей жить в таком мире Людочки... Опустимся на колени пред ними, как Григорий Мелехов у свежей могилы Аксины, со смертью которой он "мертвея от ужаса, понял, что все кончено, что самое страшное, что только могло случиться в его жизни, - уже случилось...".

Стоит до сего дня в Тмутаракани...

Вместо послесловия

Безвестный автор "Слова о полку Игореве", видно, на все времена русской жизни задал нам такую духовно-нравственную задачу, которая даже уже еле угадываемая, остается живой и злободневной. Проще было бы, конечно, представить эту духовную задачу лишь как возвращение в лоно Руси дедней вотчины, Тмутараканского княжества. Но по всем приметам автор "Слова" говорил далеко не только о географии. Там, на юге России, происходили такие события духовного значения, ответ которых так или иначе не мог не отразиться в "Слове".

И вот веками мы всматриваемся в таинственную, загадочную, туманную Тмутаракань, думаем о ней, ищем ее, ведем раскопки, соотносим добытое не только с русской, но и мировой жизнью, и она, Тмутаракань, оставаясь такой же загадочной, словно нехотя приоткрывает нам свои тайны, рассказывая о нас самих нам столь необходимое.

Пристанище древних русов, первое упоминание о которых относится к VI веку, Тмутаракань была колыбелью русской святости. Ученые приходят к выводу, что на азовских берегах Таманского полуострова был город Россия или Руссия, известный уже в первой половине IX века, находившийся в районе нынешней станицы Голубицкой. Уже в VII веке здесь прочно укоренилось христианство и отсюда свет его шел в Киевскую Русь. Здесь была первая на Руси епархия. Уже многие ученые считают, что первое "Фотиево" крещение произошло именно на Тамани и что Крещальную миссию осуществили святые равноапостольные Кирилл и Мефодий...

Может быть, все это ушло в прошлое, ничем себя не выдавая, представляя ценность лишь историческую?.. Но по каким законам в нашем сознании и душах живет прошлое, никто

не ведает - как удерживается в памяти и как определяет нашу жизнь. Таинственной и загадочной остается эта земля неизвестная и теперь.

Как-то у автострасы под Краснодаром я заметил большой деревянный крест, у подножия которого был закладной камень, говоривший о том, что "здесь будет возведена часовня в память явления Пресвятой Богородицы на Кубани в 1022 году. Инициаторы проекта Александр Сибирко и Константин Плешаков".

Каждому школьнику памятна строчка из "Слова о полку Игореве" о том, что храбрый тмутараканский князь Мстислав "зареза Редедю пред полки касожьскими". Причем, свершил это, моля о помощи Богородицу. И одолел он Редедю и, придя в Тмутаракань, как свидетельствует летопись, заложил церковь Пресвятой Богородицы, которая стоит до сего дня в Тмутаракани.

Почему более чем через девятьсот семьдесят лет именно это событие припомнилось теперь людям, живущим вроде бы в совершенно иных условиях, почему именно его они решили отметить возведением часовни...

Какие только события с тех пор здесь не происходили, какие только злые ветры не шарили по этой земле, но памятной осталась благотворная, спасительная сила веры, позволяющая человеку устоять в этом мире, не утратить своего облика, остаться в человеческих пределах.

Несколько странным было только то, что такая памятьливость в народе жила как бы сама по себе, вне той писательской, вроде бы образованной среды, которая-то и должна была ее пробуждать и поддерживать... Не ученые, не писатели, а некие простые неизвестные русские люди добровольно взяли на себя благородную миссию напомнить своим соплеменникам и согражданам о высоком призвании человека, приходящего в этот мир, о его бессмертной душе и о его божеском творении.

Может быть, к двухсотлетию обретения, первого издания "Слова о полку Игореве" и не только к дате, но и всегда, к этой аккуратной, бело-голубой часовне серебристым куполом взметнувшейся в чистое кубанское небо, соберутся люди, вновь уверовавшие в силу своего духа. Придут к ней с сердцами, смиренными бурями, так же, как князь Игорь шел к Пресвятой Богородице Пирогощей.

И вновь оживет, затрепещет как струна, на степном кубанском ветру вечная, пророческая летописная строчка: стоит до сего дня в Тмутаракани.

И ведь действительно стоит...

БИБЛИОГРАФИЯ

Л.Н. Толстой, "Война и мир", М., "Правда", 1968.

Ф.М. Достоевский, "Бесы", М., "Современник", 1993.

А.Н. Майков, псс в 4 томах, т. 2, СПб, 1901.

Митрополит Иоанн, "Одоление смуты", СПб, 1995.

"Русская литература", № 1, 1972.

"Новый мир", № 9, 1992.

И.Я. Фроянов, "Древняя Русь", "Златоуст", М.-СПб, 1995.

"Энциклопедия "Слова о полку Игореве" в пяти томах. СПб, 1995.

А. И. Мусин-Пушкин, "Исследование о местоположении древнего Тмутароканского княжества", СПб, 1794.

В. Сысоев, "Очерки по истории Тмутараканьского княжества", "Известия общества любителей изучения Кубанской области". Вып. 1, Екатеринодар, 1899.

Константин Багрянородный, "Об управлении Империей", М., Наука", 1989.

"Вопросы литературы", выпуск II, 1992.

"Вольное казачество", № 4, Прага, 1928.

А. Монгайт, "Надпись на камне", "Наука и жизнь", № 5, 7, 8, 1967.

А.П. Новосельцев, "Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа", М., "Наука", 1990.

Ф. Буслаев, "Исторические очерки русской народной словесности и искусства" т. 1, Русская народная поэзия, СПб, 1861.

Вадим Кожин, "История Руси и русского слова", М., "Московский учебник-2000", 1997.

М.Ф. Гетманец, "Тайна реки Каялы", издательство Харьковского университета, 1982.

Геннадий Карпунин, "По мысленному древу", Новосибирское книжное издательство, 1989.

Н.В. Гоголь, сс в 9 томах, т. 1-2, М., "Русская книга", 1994

"Памятники литературы Древней Руси", XI-XII века. М., "Художественная литература", 1978.

ПСРЛ, том тридцать восьмой, "Радзивилловская летопись", Л., "Наука", 1989.

"Словарь древнерусского языка", (XII-XIV в.), том IV, М., "Русский язык", 1991.

"Из глубины". Сборник статей о русской революции, "Новости", М., 1991.

"Вехи", Сборник статей о русской интеллигенции, "Новости", М., 1990.

Даниил Андреев, "Роза Мира", М., "Прометей", 1991.

К. Г. Вагнер, Т.Ф. Владышевская, "Искусство Древней Руси" М., "Искусство", 1993.

"Указатель к словарю святых, прославленных в Российской церкви, и некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых", СПб, 1862. Переиздание - М., "Книга", 1991.

Вс. Ф. Миллер, "Взгляд на "Слово о полку Игореве", М., 1877.

Прот. Сергей Булгаков, "Апокалипсис Иоанна", М., "Отрада и Утешение", 1991.

Н.С. Трубецкой, "История. Культура. Язык", М., "Прогресс"- "Универс", 1995.

Л.В. Алексеев, "Е.Ф. Канкрин и история открытия Борисовых камней в Белоруссии", "Советская археология", № 2, 1991.

А. Сапунов, "Двинские или Борисовы камни", Витебск, 1890.

В.В. Бердников, "Двинский или Борисов камень в Коломенском", Материалы и исследования, "Коломенское", выпуск 2, М., 1991.

"Слово о полку Игореве и памятники древнерусской литературы", Л., "Наука", 1976.

"Язычество", № 5, Киев, 1994.

"Наш современник", № 8, 1991.

"Вопросы литературы", № 8, 1991.

"Караимская народная энциклопедия", т. 1, М., 1995.

Дуглас Рид, "Спор о Сионе", Иоганесбург, 1995.

Л. Гумилев, "Сказание о дани хазарской", "Русская литература", № 3, 1974.

"Литературная Россия" № 21, 1994.

"Молодая гвардия", № 5, 6, 1993.

Сергей Лесной (Парамонов), "Откуда ты, Русь?", Ростов-на-Дону, "Донское слово", "Квадрат", 1995.

"По страницам истории Кубани", Краснодар, 1993

В.В.Розанов, "История и культура", т. 1, М., "Правда", 1990.

"Книжное обозрение", № 41, 1995.

"Литературная Россия", № 50, 1996.

"Книжное обозрение", № 34, 1996.

А. И. Полканов, "Крымские караимы", Париж, 1995.

В.П. Буйначев, "Слово о полку Игореве". Новое прочтение. Автор известен", М., "Книжный сад", 1998.

Владимир Куковенко, "Иван Грозный и опричнина", "Образ" № 1 (5), 1996.

"Независимая газета", 10.06.99.

"Московская правда", 23.01.99.

"Христианство". Энциклопедический словарь. т. 2, М., 1995.

"Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", выпуск четвертый", Тифлис, 1884.

М. Шолохов, "Тихий Дон", Военное издательство, 1995.

"Государственная легитимность", выпуск первый, СПб-М., 1994.

"Дорогие мои.. Письма из Афгана", М., Профиздат, 1991.

"Дон", № 8, 9, 1993.

"День литературы", № 4, 1997.

"Славяне", выпуск 4, 1993.

"Независимая газета", 20.07.96.

З. Гиппиус, "Черная книжка", в кн. "Под созвездием топора", М., "Советская Россия", 1991.

А. Афанасьев, "Поэтические воззрения славян на природу", в 3 томах "Индрик", М., 1994.

Милорад Павич, "Хазарский словарь", "Просвета", Белград, "София", Киев, 1996.

Георгий Владимирович Вернадский, "Древняя Русь", "Леан", Тверь, "Аграф", Москва, 1997.

Л.Н. Гумилев, "Древняя Русь и Великая Степь", М., "Мысль", 1989.

Норман Голб и Омелян Прицак, "Хазарско-еврейские документы X века", "Гешарим", Москва, 1997, Иерусалим, 5757.

"Новый мир", № 6, 1988.

А.И. Бунин, "Окаянные дни", "Советский писатель", 1990.

"Независимая газета", 27.09.94.

Г.П. Федотов, "Судьба и грехи России", т. 1, СПб, "София", 1991.

А.П. Филимонов, "Разгром Кубанской Рады", "Белое дело", М., "Голос", 1992.

"Литературная газета", № 13, 1991.

В. Канашкин, "Или-или", Краснодар, 1990.

"Слово о полку Игореве", сб. ст. М., "Художественная литература", 1987.

"Слово о полку Игореве". Комплексные исследования", М., "Наука", 1988.

"Советская Россия", 1984, 23 марта.

Генрих Гунн, "Очарованная Русь", М., "Искусство", 1990.

Н.А. Бердяев, "Истоки и смысл русского коммунизма", М., "Наука", 1990.

"День", № 8, апрель 1991.

"Знамя", № 2, 1991.

"Москва", № 8, 1991.

"Юность", № 10, 1990.

"Новый мир", № 5, 1991.

Александр Блок, собрание сочинений в восьми томах, М-Л., "Художественная литература", т. 3, 1960.

Марина Цветаева, "Лебединый стан", М., "Берег", 1991.

Александр Блок. Андрей Белый. "Диалог поэтов о России и революции", М., "Высшая школа", 1990.

"Новый мир", № 10, 1985.

"Песенник российского воина". Составил и аранжировал Валентин Мантулин, Нью-Йорк, т. 1, 1970, т. 2, 1985.

Борис Чичибабин, "Колокол". Стихи, М., 1989.

"Альманах библиофила", М., "Книга", № 26, 1989.

"Правда", 1991, 6 июня.

"Огонек", № 35, 37, 1991.

"Знамя", № 11, 1991.

Владимир Чивилихин, "Память", "Роман-газета", № 4, 1985.

"Казачий сполох", № 4, 5, Прага, 1925.

"Малорусская народная песня по списку XVI века", текст и примечания А. Потебни, Воронеж, 1877.

В.Г. Белинский, сс в 9 томах, т. 9, М., "Художественная литература", 1982.

Николай Сударев, "Крещение Руси произошло на Тамани", "НГ-Наука", № 3, 1999.

Сергей Перевезенцев, "И крестися Русь..." "Роман-газета, XXI век", № 5, 1999.
Основные публикации автора

О "Слове о полку Игореве"

"До кур Тмутараканя...", "Дон", № 12, 1985 г.

"Гордость нашей культуры", "Красная Звезда", 1985 г., 2 марта.

"Храбрым русичам", "Красная Звезда", 1985 г., 27 апреля.

"Стоят стяги в Путивле", "Красная Звезда", 1985 г., 15 августа.

"Слава Игоревой рати, читая "Слово о полку Игореве...", библиотечка журнала "Пограничник" № 2 (128), 1987 г.

"Плач по Ярославне". Символика женского образа в русской литературе. "Московский вестник", № 2, 1994 г.

"Вначале было "Слово" или В поисках Тмутаракани", "Дон", № 8-9, 1995 г.

"Уже приспели гибельные дни..." . "Слово о полку Игореве" в русской литературе советского периода, "Дальний Восток", № 11-12, 1995 г., № 1, 1996 г.

"В поисках града Тмутаракани", "Московский вестник", № 1, 1997 г.

"Какому Богу Всеслав путь прерыскивал?.. "Казачьи вести", № 34-35, 1997 г.

"В поисках града Тмутаракани. Невостребованные размышления о русской литературе и жизни", "Дальний Восток", № 2, 4, 1997 г.

"Какому Богу Всеслав путь прерыскивал?..", "Литературная Россия", 11.07.97 г., № 28.

"Мутен сон Святослава. Кто такие "поганые тлковины". "Казачьи вести", № 20-22, 1998 г.

"Мутен сон Святослава, или Кто такие "поганые тлковины". "Литературная Россия", 18.09.98 г., № 38.